

РУСЬ И РУССКІЕ

ВЪ 1812 ГОДУ.

(Книга для чтенія всѣхъ возрастовъ).

С. М. Лубецкаго.

Исторія есть ничто иное, какъ судъ
Божій надъ человѣчествомъ.

Гизо.

ЧАСТЬ II.

ОТЪ МОСКВЫ ДО НѢМАНА.

МОСКВА.

Въ типографіи П. Бахметева, на Срѣтенскій, домъ Карлони.

1869.

29045-450

2007114367

804

BRITISH LIBRARY

Кромѣ Кремля и площади противъ Ильинскихъ воротъ, были у непріятелей вседневные разводы, (большею частію гвардіи), еще у тверскихъ воротъ; тамъ выстраивались французскіе полки для осмотра, туда прѣзжалъ и Наполеонъ; это составляло любимую его забаву, развлеченіе однообразной жизни въ кремлѣ въ ожиданіи покорныхъ пословъ отъ Кутузова, съ просьбой о мирѣ. На всякій случай, думая зимовать въ Москвѣ, онъ хотѣлъ устроить въ ней театръ, этимъ желалъ онъ доставить большое, любимое удовольствіе своимъ войскамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заглушить, прекратить ропотъ ихъ на тяжелое пребываніе въ Москвѣ. *«Кормите глаза народа,* писалъ онъ и въ Парижъ: Сдѣланы были уже и распоряженія о высылкѣ изъ Франціи лучшихъ артистовъ и приглашеніе итальянскимъ пѣвцамъ, прибыть на зиму въ Москву. Наполеонъ хотѣлъ разсѣять и собственную свою скуку въ Москвѣ, онъ хотѣлъ быть новымъ Сауломъ, ищущимъ отрады въ звукахъ музыки; ужъ пушечные залпы надобли ему.

Впрочемъ Наполеона постоянно, въ походахъ его, сопровождали нѣкоторые артисты: теноръ Бринци, Г-на Перъ и другіе; по вечерамъ пѣли они ему избранныя имъ арміи изъ итальянскихъ оперъ (*). Онъ подражалъ Фридриху великому, который любилъ му-

(*) Записки Г-жи Фюзи, которая въ 1812 г. принадлежала къ этой труппѣ и совершила ретираду вмѣстѣ съ французскою арміею.

зыку вообще, но особенно въ часы скорби своей, отъ неудавшихся сраженій. Надобно замѣтить, что въ началѣ войны французскій театръ существовалъ уже въ Москвѣ; дорожа дружбою Александра, Наполеонъ, послѣ Тильзитскаго мира, уступилъ ему на время лучшихъ парижскихъ артистовъ: драматическую актрису *Жоржъ* и перваго танцовщика *Дюпора*; дирекція московскаго театра, находившагося на Арбатѣ, (*) осенью, въ 1811 г., пригласила ихъ изъ Петербурга въ Москву, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими персонажами (**); не задолго до войны, они возвратились въ свое отечество, а кое кто, изъ сопровождавшихъ ихъ артистовъ и артистокъ остались въ гостеприимной Москвѣ до самой эпохи 1812 г.).

(*) Этотъ театръ, на Арбатской площади, выстроенъ былъ въ 1803 г. на землѣ, купленной у Кн. Хованскаго и сгорѣлъ, во время пребыванія французовъ въ Москвѣ. Это было хотя деревянное, но прекрасное, круглое зданіе-ротонда съ галереями и множествомъ дверей для выхода, на случай пожара. Предъ описываемымъ мною временемъ, въ Москвѣ образовалась французская труппа, подъ управленіемъ Г-жи Бюрсей; при вступленіи непріятелей въ столицу, нѣкоторые французскіе генералы, проѣзжая по Арбату, мимо театра, говорили: здѣсь играла наша славная Жоржъ, гдѣ то она теперь?

(**) Жоржъ почиталась соперницею первой парижской актрисы, Дюшенуа, въ то же время прибыла изъ Петербурга въ Москву наша актриса, *Семенова*, она являлась на сценѣ въ русскихъ спектакляхъ по четвергамъ, а Жоржъ во французскихъ, по субботамъ; оба эти дни театръ былъ наполненъ зрителями, для полученія билетовъ многіе приходили въ театръ съ вечера и всю ночь толпились у дверей конторы; обѣ актрисы являлись въ трагедіяхъ Расина и Вольтера. Любители и знатоки драматическаго искусства были отъ игры обѣихъ актрисъ въ восторгѣ. Публика раздѣлась тогда на двѣ партіи: *Жоржистовъ* и *Семеновистовъ*, главою послѣдней былъ Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ, написавшій самъ нѣсколько театральныхъ пьесъ.

Изъ ст. Н. Горчакова, въ Пантеонѣ русскаго театра.

Между тѣмъ французы, въ ожиданіи парижскихъ и итальянскихъ артистовъ, составили въ Москвѣ общество любителей театра изъ своей среды, подъ покровительствомъ Мюрата; но главнымъ дѣятелемъ и директоромъ импровизированнаго театра былъ префектъ Наполеонова двора, Боссе, тотъ самый, который, наканунѣ бородинскаго сраженія, привезъ ему портретъ его малолѣтняго сына. Отыскивая въ Москвѣ помѣщеніе для театра, Боссе узналъ, что на Никитской, въ домѣ Познякова (*), находится готовая сцена и партеръ, онъ поспѣшилъ туда и нашелъ тамъ еще кулисы и прочія принадлежности театра. Но вся эта обстановка представляла самый печальный видъ, въ театрѣ побывали уже дѣйствующія лица: французы грабители, тамъ бархатъ съ ложъ былъ содранъ, люстры, канделябры и мебель изломаны. Все это поспѣшили поправить, подновить, подкрасить, и, по возможности, привести въ лучшій порядокъ. Къ Боссе явились, подъ предводительствомъ Г-жи Бюрсей, оставшіеся въ Москвѣ бродячіе артисты французской труппы въ рубищѣ, а артистки въ разныхъ лохмотныхъ театральныхъ костюмахъ, съ предложеніемъ своихъ услугъ. Наполеонъ, узнавъ объ этомъ, обрадовался и приказалъ ихъ прилично окопировать; Боссе съ мад. Бюрсей, не теряя времени, составили репертуаръ представлений, награбленная въ Москвѣ парча пошла на зававѣсь, ложи снова удрапировали бархатомъ, съ потолка спустили похищенное, серебряное, церковное паникадило со свѣчами. Въ этомъ театрѣ

(*) Это былъ прекрасный домъ съ колонадой, выстроенный по плану архитектора Бове; по смерти Познякова его купилъ Кн. Юсуповъ и перестроилъ.

явилась и дорогая, комфортабельная мебель и бронза и позлащенные жирандоли, и цвѣтные ковры. Костюмы для дѣйствующихъ лицъ подѣлали изъ разхищеннаго же венецейскаго бархата, церковныхъ ризъ, атласа и алансонскихъ кружевъ. Уборныя также приведены были въ приличный порядокъ (*). Наполеонъ назвалъ этотъ театръ своимъ придворнымъ.

И вотъ, когда все было готово, на тверской, на другихъ большихъ улицахъ и въ Леонтьевскомъ переулкѣ, на столбахъ, прибиты были извѣстительныя объявленія объ открытїи театра; у входа въ него наклеены были афиши на разноцвѣтной бумагѣ (**). Наконецъ, среди погрома и пожарищъ, среди пепелищъ и развалинъ Москвы, вмѣстѣ съ звуками воплей и рыданій московскихъ жителей, загремѣли увертюры знаменитыхъ композитеровъ, раздались звучные стихи Корнеля и Расина и веселые, игривые куплеты парижскихъ водевилей. Партеръ тамъ занятъ былъ заслуженными солдатами, въ первыхъ рядахъ его находились драбанты старой гвардіи, въ полной формѣ, съ крестами почетнаго легіона на груди. Ложи, подъ богатой драпировкой, были наполнены высшими чиновниками штаба Наполеона и офицерами всѣхъ націй; по общему требованію, тамъ пѣлись патріотическія пѣсни (***) ; въ почетныхъ ложахъ сидѣли и усердно аплодировали *дамы*; состоявшія изъ разныхъ иностранныхъ гувернантокъ, авантюристокъ и героинь кузнецкаго моста. Оркестръ тамъ составленъ былъ изъ лучшихъ гвардейскихъ музыкантовъ, болѣе труба-

(*) Пантеонъ русск. театровъ, 1840 г. ст. Ө. Кони.

(**) Разсказъ современника той эпохи.

(***) Пант. русск. театровъ, 1840 г. ст. Ө. Кони.

чей (*). за входъ платили небольшую сумму, чтобы только покрыть освѣщеніе театра; въ немъ была почти вся Европа въ маломъ объѣмѣ.

Между остововъ погорѣлыхъ домовъ, среди ночнаго затишья и глубокой темноты въ Москвѣ, театръ, ярко разсвѣщенный, представлялся, какъ оазисъ въ пустынѣ; между опустѣлыми улицами столицы, одна Никитская являла собой одушевленный видъ, она была загромождена экипажами, которые мчались по ней къ театральному подъѣзду, и, по окончаніи представленій, сверкая каретными фонарями, разъѣзжались обратно, по разнымъ направленіямъ. Театръ окружала цѣпь солдатъ, состоявшая, попеременно, изъ разныхъ полковъ, они охраняли театръ отъ напора неприглашенныхъ и отъ тайнаго будто бы покушенія русскихъ: зажечь театръ; для этого, около него, разставлены были еще чаны съ водой. Представленій въ немъ было не болѣе десяти; аматерамъ театра готовились другія представленія, въ которыхъ они должны были сами быть: и дѣйствующими лицами и зрителями. Наполеонъ не былъ въ театрѣ, онъ только съ Боссе за-

(*) Разсказъ, бывшаго перваго солиста на скрипкѣ, при моск. театрѣ, Анд. Петр. Полякова; онъ самъ игралъ (по неволѣ) въ оркестрѣ этого театра и получилъ жалованье, 83 наполеондора золотомъ, въ чемъ и росписался въ рассовой книгѣ. Съ нимъ игралъ тамъ другой русскій музыкантъ, виолончелистъ, Татаринцовъ; они, наравнѣ съ французскими артистами, ходили за порціей говядины въ Петровскій монастырь, имѣли охранные листы и носили треугольныя шляпы съ кокардами. Послѣ они были за то судимы русскимъ правительствомъ, но оправдались тѣмъ, что имъ не чемъ было питаться; они окончательно были ограблены. (Театральные артисты жили до неприятелей въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ нанятомъ отъ казны домѣ, Княг. Голицыной.) Подслушавъ прекрасную, отчетливую игру Полякова въ этомъ домѣ, французы завербовали его въ свой оркестръ.

нимался репертуаромъ его, самъ назначалъ пѣсы (*Фшаро, Три Султанши, Разспянный, Проказы въ тюрьмѣ, Сидъ и Заира* и проч.) и слушалъ отчеты о представленіяхъ. Мад. Бюрсей, къ дополненію собственной его капеллы, находившейся въ кремлѣ, рекомендовала ему, проживавшаго въ Москвѣ учителя пѣнія, Итальянца Таркиню и пѣнистку Мартини (*). Для довершенія удовольствія европейской публики, въ этомъ театрѣ устроено было представленіе, въ родѣ дивертисмана, изъ русскихъ плясокъ, въ нихъ особенно отличались дѣвицы Ламираль, въ полномъ, роскошномъ русскомъ платьѣ, (отецъ ихъ и до и послѣ непріятельскаго нашествія былъ, вмѣстѣ съ Югелемъ, танцевальнымъ учителемъ въ лучшихъ домахъ Москвы). Эта, невиданная французами пляска, очень понравилась имъ, тѣмъ болѣе, что они не ожидали найти въ ней столько нѣги, чувствъ и граціи. Однажды французы, выходя изъ театра, съ изумленіемъ остановились противъ одного полуразрушеннаго дома, откуда раздавались унылые, но стройные звуки закатной русской пѣсни; они были очарованы этими звуками: *Charmant, Charmant!* да это прекрасно, bravo! воскликнули они. Русскую пѣснь: *«Не одна-то во полѣ дорожка пролегла, пѣлъ извѣстный композиторъ русскихъ пѣсень, ученикъ славнаго Сарти, (бывшаго капельмейстера Князя Таврическаго,) Кашинъ (**).*

(*) Пант. русск. театровъ, 1840 г.

(**) *Сынъ отечества*, 1812 г. Кашинъ оставался въ Москвѣ, но нѣкоторые театральные артисты наши пріютились тогда въ Костромѣ, въ домѣ Губернатора Пасынкова и давали тамъ спектакли; иные были въ Ярославлѣ, гдѣ потѣшала публику и извѣстная цыганка *Стешка* съ своимъ хоромъ.—Сундуновъ бѣжалъ въ Сумы, къ другу свое-

Наполеонъ выѣзжалъ прогуливаться, осматривать оставшуюся отъ пожаровъ Москву и ближнія окрестности ея, съ большой и съ блестящей свитой; онъ находился въ срединѣ ея; сверхъ того его окружали мамелюки съ заряженными ружьями: вѣроятно онъ опасался покушенія на свою жизнь со стороны русскихъ, не разъ испытавъ уже самоотверженіе ихъ къ жизни. Московскіе жители изъ за угловъ и заборовъ, съ любопытствомъ глядѣли на *французскаго Аполіона*; болѣе всѣхъ, изъ свиты его, обращалъ на себя вниманіе Мюратъ, (на время пріѣзжавшій въ Москву изъ лагеря своего, по сосѣдству съ Тарутинымъ), настоящій типъ итальянца, видный и красивый брюнетъ, съ блестящими черными глазами, съ распущенными по плечамъ волосами и съ густыми бакенбардами, придававшими мужественный видъ физиономіи его; онъ рисовался на игривомъ, пляшущимъ подъ нимъ съромъ конѣ. Одѣтъ былъ неаполитанскій король какъ-то сценически, маскарадно, пестро, мозаично, героемъ мелодрамы: въ курткѣ съ стоячимъ воротникомъ, на которомъ сверкало генеральское шитье, въ польской шапочкѣ (конфедераткѣ), надѣтой на бокъ на головѣ его и украшенной пукомъ страусовыхъ перьевъ. Пунцовыя гусарскія чинчиры (нижнее платье), дорогой персидскій кушакъ, желтые сапожки, турецкая сабля,

му, А. А. Палицыну (переводчику новой Элоизы Ж. Ж. Руссо): Палицынъ насилу узналъ его въ бородѣ и въ крестьянской сермягѣ.— Шушеринъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ того года, выстроилъ себѣ уютный домикъ въ Москвѣ и праздновалъ въ немъ новоселье. С. П. Глинка, бывшій въ числѣ гостей его, выпивая заздравный бокалъ, пророчески сказалъ: «дай Богъ хозяину пожить 100 лѣтъ, а домикъ этотъ не удѣлѣтъ.» Предсказаніе его сбылось, домъ Шушерина, въ общемъ пожарѣ Москвы, сгорѣлъ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ не стало и самого хозяина его.

осыпанная бриліантами, легкое французское сѣдло съ яркоцвѣтной азіатской сбруей, тигровая шкура, вмѣсто чепрака, шелковая плетка въ рукахъ—все это довершало фантастическій костюмъ его. (*) Нѣкоторые изъ москвитянъ принимали Мюрата за самаго Наполеона, но когда они узнали настоящаго Императора французовъ, то съ изуменіемъ осматривали простой, пепельно-сѣрый походный сертукъ его и низенькую треугольную шляпу: «ишь, птичка не величка, а ноготокъ востеръ уней,» говорили они. Иногда Наполеонъ надѣвалъ темнозеленый мундиръ съ краснымъ воротникомъ (безъ шитья) и вывѣшивалъ на камзолѣ всѣ свои регалии.

Наполеонъ осматривалъ съ Сухаревой башни трицкую дорогу, также, проѣзжая по набережной, Воспитательный домъ и велѣлъ снять рисунокъ съ фасада его. Онъ ѣздилъ по Замоскворѣчью, на разскольничье преображенское кладбище, гдѣ принимали его раболѣпно, и въ другіе дальніе концы Москвы, удивлялся обширности ея, своеобразной архитектурѣ нѣкоторыхъ зданій, и говорилъ: «Москва похожа на таборъ дикихъ варѣдовъ, раскинувшійся въ степи.» Съ особеннымъ любопытствомъ обратилъ онъ вниманіе на массивныя стѣны монастырей: Донскаго, Новоспасскаго (**) и Новодѣ-

(*) Въ такомъ же костюмѣ проѣзжалъ Мюратъ и черезъ польскіе города; тамъ называли его *супругомъ Польши*.

Русскіе и Нап. Бонапартъ: книга, писанная Моск. жителями, 1813 г.

(**) Въ немъ особенно тогда неистовствовали французы: предъ нашествіемъ ихъ въ Москву, изъ монастыря вывезены были драго цѣности, а нѣкоторыя скрыты надъ сводами, надъ кровлею. Настоятель монастыря, Амвросій Орнатскій, удалился изъ него, въ немъ остался Намѣстникъ его, старецъ Никодимъ, съ немногими монахами и послушниками. Поляки прежде всѣхъ вторгнулись туда для грабежа за ними явились уже и прочія разноплеменные націи; они схватили

яго (*). Иногда онъ отправлялся на охоту, устроиваемую для него въ ближайшихъ къ заставѣ лѣсахъ; (**)

намѣстника, требовали у него денегъ, избивали, изранили его саблями, притащили въ соборъ, гдѣ продолжали истязанія свои надъ нимъ, пытая: куда скрылъ онъ монастырскія сокровища, и, не вынудивъ у него признанія, отпустили его, едва живаго. Тогда же принесено было въ монастырь, для погребенія, окровавленные тѣло Сорокосвятскаго священника, П. Вельяминова (церковь, противъ монастыря) также истязаннаго неприятелями. Вечеромъ, того же дня, отъ пожара лѣснаго ряда загорѣлся и монастырь; монахи и послушники бросились искать себѣ спасенія: кто въ Москвѣ-рѣкѣ, кто въ погребахъ и въ подвалахъ монастырскихъ. Ночью занялась и колокольня, съ которой, съ ужасныхъ трескомъ, упалъ колоколъ въ 1000 пудъ, прошибъ своды Сергѣевской церкви и повисъ надъ ней.—Кельи настоятеля съ Покровской церковью, обращены были въ казармы, а знаменская церковь въ конюшню; но сколько ни старались неприятели ввести лошадей въ Преображенскій соборъ, по насланнымъ подмосткамъ, никакъ не могли въ томъ успѣть. Они вездѣ искали сокровищъ, разрывали могилы на монастырскомъ кладбищѣ, разламывали каменные надгробницы въ усыпальницѣ, и даже престолы и жертвенники въ алтаряхъ. Найденныя серебряныя ризы разрубали они палашами и дѣлили между собою. Вскорѣ послѣ этого, настоятельскіе покои занялъ французскій генераль, тогда въ святыхъ воротахъ расположилась гаубтвахта съ пушками, а монастырскій дворъ наполнился фургонами, разнымъ скотомъ и птицами, для продовольствія неприятелей.

Описаніе Новоспасскаго монастыря. Изъ М. Снегирева.

(*) Въ Поводѣвичьемъ монастырѣ неприятели жили, и потому онъ былъ сохраненъ. Святые ворота его были завалены пескомъ съ глиною и бревнами, передъ ними устроенъ былъ паранетъ (валь), для защиты: на могильныхъ камняхъ и въ храмахъ его солдаты расположились биваками. Въ монастырѣ, съ дозволенія Мюрата, происходило богослуженіе: оберегательницею его въ то время была старица Сарра,—она внушила врагамъ такое къ себѣ уваженіе, что ни одна изъ просьбъ ея не оставалась тщетною. По удаленіи изъ монастыря французовъ, она, увидя на дворѣ зажженные фитили, которые проведены были къ церковнымъ подваламъ, наполненнымъ порохомъ, собравъ старицъ-монахинь, съ спокойною твердостью потушила ихъ, и, опустившись въ подвалы, припала всѣмъ мѣры къ безопасности монастыря.

Живописныя виды москов. монастырей, изд. 1846 г.

(**) *Вѣстникъ Европы, 1813 г.*

но она-не могла быть удачна, потому что и оттуда, не только звѣри, но и птицы были выпугнуты или сдѣлались добычей голодныхъ, пригнанныхъ въ Москву европейскихъ полчищъ. Многіе изъ непріятелей, (егеря своего рода) потѣшались стрѣльбою птицъ на улицахъ, всякихъ, безъ разбора, особенно голубей, на супъ и на жаркое.» Ишь, нехристи какіе, говорили про нихъ русскіе: бьютъ и голубей, Божью птицу». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены у нихъ были мишени; они упражнялись стрѣльбой въ цѣль.

Пока еще не совершенно пронялъ французовъ холодъ и голодъ, кромѣ театральной забавы, они устраивали себѣ катанья по Москвѣ; экипажи набирали они какіе попало: кареты, коляски, линейки съ фартуками, брычки, таратайки на березовыхъ ресорахъ, даже госпитальныя повозки, фуры и простыя телѣги, трясучки, запряженные какими попало лошадьми: бойкими рысаками, скакунами и смиренными клячами. Гулякъ, большею частію хмѣльныхъ, сопровождали и дамы, набранныя также откуда попало; поѣзды тянулись цѣпью по большимъ улицамъ, оглашаемые пронзительными и сильными звуками колокольчиковъ и бубенчиковъ и какими то ухорѣзными звуками ручныхъ инструментовъ, соединенными съ пискомъ, хохотомъ и пѣснями на разныхъ языкахъ. Порою раздавались изъ экипажей выстрѣлы по сторонамъ, въ кого попало и самыя нецензурованныя выраженія (*). Наполеонъ и вся администрація его смотрѣли на это безчинство снисходительно, слѣдуя русской пословицѣ: «чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, только бы не плакало,» т. е. не роптало. «Вотъ, погодите, говорили москвитяне,

(*) Разсказъ современника той эпохи.

съ неудовольствіемъ смотря на бѣснующіеся поѣзды, «какъ придетъ Егорій съ гвоздемъ, да Никола съ мостомъ, такъ не такъ еще запоете, бѣлугой завоете!» Катанье ихъ было неудачное подражаніе русской ямской ѣздѣ, у кучеровъ ихъ, фурмарщиковъ, не доставало тѣхъ бойкихъ покрякиваній и понуканій, какія свойственныхъ нашимъ ямщикамъ.

Нѣкоторые, похитрѣе изъ непріятелей, старались войти въ довѣренность къ русскимъ, чтобы, посредствомъ ихъ указанія и совѣтовъ, воспользоваться случаями, къ облегченію себя отъ грозныхъ и неумолимыхъ враговъ: холода и голода. Замѣчательно, что непріатели, вступивъ въ Россію, снабжены были книжечками, въ которыхъ собраны были употребительнѣйшія слова и разговоры на четырехъ языкахъ: французскомъ, русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ; въ нихъ русскія фразы напечатаны были иностранными буквами, напримѣръ: *дай меня кушать, подай меня пить, я лублу юфядинъ, вещьну, курица, я хочу спать, давай меня постель, мяжикъ! покажи меня дорогу* итд. (*).

Между тѣмъ Наполеонъ все ждалъ еще отъ русскихъ мирныхъ переговоровъ; онъ изыскивалъ всѣ средства—войти въ сношенія съ Имп. Александромъ: вызвавъ къ себѣ Тутолмина, онъ поручилъ ему составить донесеніе Государю обо всемъ томъ, что происходитъ въ Москвѣ, разумѣется выставить только невинную сторону происшествій, не дѣлая нареканій на поступки французовъ. Наполеонъ приказалъ Ту-

(*) Во время торопливаго выхода своего изъ Москвы, непріатели забыли въ ней эти книжечки.

толмину включить и то въ донесеніи, что Воспитательный домъ сохраненъ его распоряженіемъ, что Москву сожгли сами русскіе, по внушенію Растопчина. Тутолминъ, сохраняя цѣлость своего заведенія, долженъ былъ безпрекословно исполнить это приказаніе, хотя, вѣроятно, не совсѣмъ въ такомъ видѣ, какъ желалъ Наполеонъ; письмо къ Государю было отправлено съ русскимъ чиновникомъ, пропущеннымъ чрезъ французскіе аванпосты. Не довольствуясь этимъ, Наполеонъ призвалъ къ себѣ отставнаго офицера гвардіи, Яковлева, отправилъ его съ собственноручнымъ послѣднимъ письмомъ къ Александру; содержаніе его состояло въ увѣреніи уваженія къ качествамъ Государя. Наполеонъ заключилъ его словами: «Безъ озлобленія веду я войну съ Ваш. Вел.; если бы прежде послѣдняго сраженія, или вскорѣ послѣ него, вы написали ко мнѣ дружеское письмо, то я остановилъ бы свою армію, не доводя ее до Москвы и охотно пожертвовалъ бы выгодною вступить въ вашу столицу. Если В. В. хотя отчасти сохраняете ко мнѣ прежнія чувства, то съ благосклонностію прочтете мое письмо. Во всякомъ случаѣ вы мнѣ будете благодарны за то, что я извѣстилъ В. В. о томъ, что происходитъ въ Москвѣ.»

Отвѣта на это письмо отъ русскаго Государя не было.

Въ исходѣ Сентября, когда уже непріятелямъ начала представляться печальная будущность, маршалъ Бертье написалъ къ Кутузову извѣщеніе о томъ, что Наполеонъ желаетъ отправить къ нему Генераль-адъютанта своего, Лористона, для важныхъ переговоровъ. Кутузовъ изъявилъ свое согласіе на принятіе посла, но не иначе, какъ вечеромъ, извиняясь тѣмъ, что днемъ

онъ очень занятъ (*). Мы давно уже разстались съ русской арміей, уныло отступавшей чрезъ Москву на рязанскую дорогу; пока французы кочуютъ еще въ Москвѣ, посмотримъ на маршъ нашего войска и на Тарутинскій лагерь.

Чтобы представить послѣдовательность дѣйствій Кутузова, во времени отсупленія его изъ Москвы, сдѣлаемъ извлеченіе изъ рапорта его (отъ 4-го Сент.) изъ селенія Жилино къ Государю: «По извѣстнымъ В. И. В. причинамъ, я долженъ былъ впустить непріятеля въ Москву; съ арміею своею дѣлаю я движеніе по Тульской дорогѣ, чтобы прикрыть пособія, изготовленные въ хлѣбородныхъ нашихъ губерніяхъ. Другое направленіе пресѣгло бы мнѣ оное, равно какъ и связь съ арміями Тормозова и Чичагова. Партиями моими я буду пресѣкать всю линію непріятельскую, растянутую отъ Смоленска до Москвы; чрезъ это надѣюсь принудить непріятеля оставить столицу; теперь, вблизи отъ нея, собравъ мои войска, могу я твердою ногою ожидать непріятеля. Пока армія В. В. цѣла и движима храбростію, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества; дѣло идетъ о томъ, чтобы спасти его».

Отъ 6-го Сент. изъ гор. Подольска Кутузовъ пишетъ: «Я продолжаю движеніе свое около Москвы; сдѣлавъ два марша по Коломенской дорогѣ, я повернулъ къ Подольску, часть козаковъ оставлена мною, для фальшиваго движенія ихъ на Коломну, съ тѣмъ, что будто бы и армія сдѣлала туда свое отступле-

(*) Кутузовъ съ намѣреніемъ хотѣлъ приять Лористона вечеромъ; онъ имѣлъ въ виду показать ему тарутинской лагерь во всемъ блескѣ бивачныхъ огней и въ полномъ раздолѣ его, во время отдыха солдатъ, послѣ дневнаго обученія ихъ.

ніе; это фальшивое движеніе мое имѣло успѣхъ, ибо непріятель послѣдовалъ за козаками. Оно даетъ мнѣ ту удобность, что завтра наша армія, сдѣлавъ фланговой маршъ, 18 вер. на Калужскую дорогу, весьма озаботитъ тылъ непріятеля.

Отъ 11-го Сент. изъ с. Красныя Пахры: «Армія, находясь нынѣ на старой калужской дорогѣ, и положеніемъ своимъ прикрывая Тулу, Калугу и Орелъ, удачно совершила то движеніе, о которомъ я всеподданнически Вамъ доносилъ. Армія наша вводила непріятеля во всякомъ своемъ маршѣ въ неудомѣніе, она сбила его съ толку, она маскировалась фальшивыми движеніями легкихъ войскъ, которыя дѣлали демонстраціи: то къ Коломнѣ, то къ Серпухову; за ними непріятель слѣдовалъ большими партіями, и, потерявъ изъ вида нашу армію, остался въ неудомѣніи и сталъ посылать въ разныя стороны сильныя отряды, для открытія насъ».—19 Сент. былъ Кутузовъ въ деревнѣ Богородицкой, слѣдующіе рапорты его идутъ уже изъ главнаго лагеря, при селѣ Тарутичѣ, въ которое вступилъ онъ 22-го Сент. Французы думали, что онъ, выступя изъ Москвы, идетъ защищать тульской оруженый заводъ, или Петербургъ, или Нижній Новгородъ; только 14-го Сент. непріятели открыли слѣды нашей арміи и увѣдомили о томъ Наполеона. Онъ приказалъ тѣснить ее; между тѣмъ армія наша отступила еще на нѣсколько переходовъ, по калужской дорогѣ, до Тарутина, расположеннаго по обѣимъ берегамъ Нары (*). Кутузовъ остановился на высокомъ, правомъ берегу ея, и, окруженный своимъ генерали-

(*) Тарутино находится на старой калужской дорогѣ, въ срединѣ между Москвою и Калугой; возвышенный берегъ Нары представлялъ для лагеря крѣпкую позицію съ фронта и съ праваго крыла; по лѣ-

тетомъ и армією, произнесъ: «теперь ни шагу назадъ, здѣсь умремъ или отсюда пойдёмъ впередъ» (*). Здѣсь хотѣлъ онъ выждать дѣйствія непріятелей, стараясь *усыпить* Наполеона въ Москвѣ, и то въ же время дать отдыхъ своей арміи, растроеной продолжительнымъ отступленіемъ и упорными битвами, а вмѣстѣ съ тѣмъ пополнить ее новформирующимися отрядами; съ врагами же продолжать *малую войну*, болѣе партизанскую и народную. Впродолженіе этого времени, происходили небольшія стычки съ французами, въ особенности при фланговомъ движеніи нашей арміи; здѣсь въ первый разъ появились предъ ними Башкиры на сухопарыхъ лошадяхъ своихъ, и въ ушастыхъ шапкахъ. (Когда они пришли въ Парижъ, французенки называли ихъ *Amours du Nord*, сѣверные амурь.) Эти *новые козаки*, какъ называли ихъ французы, начали выманивать изъ лѣсу непріятельскихъ фланкеровъ и тормошить ихъ; съ разными уловками пускали они въ нихъ мѣткія стрѣлы свои, увивались около манежныхъ шассеровъ: то бросались на нихъ, то увертывались отъ нихъ, то, вдругъ, опять съ тикомъ, съ влзгомъ нападали на нихъ—и потомъ опять разсыпались въ разныя стороны...

Многіе наши воины желали повторенія бородинскаго сраженія и роптали на излишнюю осторожность стараго тактика; нѣкоторые даже называли его трусомъ. Наши солдаты не понимали значенія флангова-

вую сторону сдѣланы были засѣки и построены укрѣпленія. Тарутино принадлежало Г-жѣ Нарышкиной. Оно превратилось во французскій каламбуръ: *Ta goutin n'a de route*, т. е. «твоя привычка сбила меня съ толку».—Самъ Кутузовъ жилъ въ деревнѣ *Леташовкѣ* (принадл. Кн. Волконскому), въ 4 верст. отъ Тарутина, къ югу, по дорогѣ, лежащей изъ Москвы въ Калугу.

(*) Журналъ военныхъ дѣйствій Кутузова.

го марша своего, они думали, что уже идутъ переговоры о мирѣ съ французами: между ними прошла слухи, что русское правительство уступаетъ Наполеону всѣ пройденные имъ губерніи, съ городомъ Смоленскомъ и даетъ ему вспомогательный корпусъ противъ англичанъ; ропотъ солдатъ увеличивался все болѣе и болѣе. Барклай развѣзжалъ по линіямъ войскъ и произносилъ сильную и ободрительную рѣчь солдатамъ, въ которой онъ выразилъ имъ увѣренность въ томъ, что Россія не заключить съ Наполеономъ мира до тѣхъ поръ, пока не выгонятъ всѣхъ непріятелей изъ нашего отечества. Солдаты съ радостію выслушивали эти извѣстія и стали уже менѣе горевать о Москвѣ: «Чтожь такое,» говорили они, «царь нашъ изъ каждаго города выдвинетъ столицу, такъ какъ Петръ великій изъ болота сдѣлалъ Петербургъ (*). Были, впрочемъ, дальновидные наблюдатели за дѣйствіями Кутузова и одобряли ихъ. Кутузовъ все зналъ, что объ немъ говорили, но онъ молчалъ до времени.

Есть преданіе, что Ив. Андр. Крыловъ также проникъ его замыслы; онъ написалъ для него и прислалъ ему изъ Петербурга басню: *Волкъ на царнѣ* (**), и вотъ, получивъ ее, однажды Кутузовъ поѣхалъ осматривать свой, быстро выстроенный, широкораскинувшійся лагерь, настояшій городокъ, съ госпиталями,

(*) Стратегики обвиняютъ Наполеона въ томъ, что онъ не пустилъ за отступавшею русскою арміею часть своего войска, а самъ не пошелъ на Боровскъ, чтобы стать ближе къ южнымъ губерніямъ; тогда онъ заслонилъ бы сообщенія главной нашей арміи съ арміями Тормазова и Чигагова. Утвердившись въ этихъ мѣстахъ, онъ могъ бы нѣсколькими днями позже овладѣть Москвою.

(**) Нѣкоторые полагаютъ, что Кутузовъ получилъ эту басню во время преслѣдованія французовъ.

съ улицами, съ площадками для рынковъ, съ большимъ плацъ-парадомъ и съ проч., только не каменный. Онъ скакалъ на маленькой, но бодрой лошаждѣ, верхомъ, въ мундирномъ сертукѣ, въ бѣлой фураждѣ и съ шарфомъ черезъ плечо, въ видѣ перевязи; (ему было тогда 68 лѣтъ, онъ былъ тучень, но еще довольно свѣжъ и ѣзжалъ нѣсколько согнувшись.) Козакъ везъ за нимъ скамейку, которую подставлялъ ему подъ ноги, когда онъ садился на лошадь, или слѣзалъ съ нея; (въ это время Кутузовъ былъ уже слабъ ногами и не могъ долго ни ходить, ни ѣздить верхомъ). Помахивая своей ногойкой, онъ вѣхалъ въ средину лагеря; тамъ весело блистали бивачные кошеварные огни. Кутузовъ остановился у одной палатки, гдѣ было большое сборище офицеровъ и солдатъ; ласково принялъ шумное привѣтствіе ихъ, сѣлъ на свою скамейку и, улыбаясь, сказалъ: «Господа! не хотите-ли послушать новую басенку Ив. Андр. Крылова?»—Всѣ стѣсненною толпою окружили своего предводителя, и онъ имъ прочелъ помянутую басню, сдѣлавъ особенное удареніе на послѣдніе стихи ея:

Послушай-ка, сосѣдъ,

Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ (*):

Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ

И волчью вашу я давно натуру знаю;

А потому обычай мой:

Съ волками пріаче не дѣлать мировой,

Какъ снявши шкуру съ нихъ долой—

И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

При словахъ: *а я, пріятель, сѣдъ*, Кутузовъ снялъ свою фурашку, какъ бы показывая сѣдины свои—

(*) Волка, который предлагалъ миръ и дружбу ловчому.

туть-то всё поняли смысл басни и примѣненіе ея къ положенію своего вождя и враговъ. Радостно, съ громкими привѣтствіями обнаружили слушатели свое сочувствіе къ рѣсчетливому плану Кутузова. Жизнь въ лагерь кипѣла, полки наши укомплектовывались прибывающими изъ разныхъ губерній войсками, формировавшимся Кн. Лобановымъ—Ростовскимъ. Въ лагерь производилось ежедневно ученіе рекрутъ цѣльной стрѣльбѣ и военнымъ экзерциціямъ, лошади кавалеристовъ имѣли достаточный фуражъ и стояли на здоровомъ водопоѣ; всё дороги, проложенныя къ арміи; покрыты были транспортами, идущими изъ хлѣбородныхъ губерній, со всевозможнымъ продовольствіемъ; туда шли парки въ зарядами, туда везли сукна, обувь и пр. Ежедневно прибывали въ Тарутино въздоровѣвшіе офицеры и солдаты; окрестные поселяне и партизаны приводили въ лагерь множество плѣнныхъ непріятельскихъ мародеровъ и просили пороха и огнестрѣльнаго оружія, въ чѣмъ имъ не отказывали. Туда пріѣзжали и жители Калужскіе, одѣляли нашихъ воиновъ всякой всячиною и усердно служила молебны Смоленской Божіей Матери, находившейся въ лагерь, при гвардіи (*). Кромѣ того, русскій лагерь напол-

(*) Жители Калуги пришли въ ужасный страхъ, воображая, что Наполеонъ пробьется въ Калугу: градской глава ихъ, Торубаевъ, обратился къ Кутузову съ вопросомъ объ этобъ дѣлѣ. Кутузовъ успокоилъ его: «погодите, вотъ я жду еще новыхъ союзниковъ,» сказалъ онъ, намекая на грядущіе морозы. Есть преданіе, что Калужане хотѣли испросить позволеніе у Государя, поминать имя Кутузова на актнцѣ, за спасеніе Калуги отъ непріятелей; но Кутузовъ отклонилъ это ихъ намѣреніе, сказавъ, что подобная почестъ принадлежитъ только Императорской фамиліи.

нялся разными посѣтителями, родственниками воиновъ и прочими. Духовные сановники присылали Кутузову, въ благословленіе, иконы, граждане Курска поднесли ему списокъ съ чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери, нѣкогда защищавшей ихъ отъ враговъ отечества. Отличившимся въ схваткахъ съ французами крестьянамъ раздавали въ лагерѣ знаки военнаго ордена, даже дѣти изъ окрестныхъ селеній прибѣгали къ избѣ, въ которой проживалъ фельдмаршалъ, и просили у него оружія на враговъ. Вѣсть о занятіи Москвы французами влила новыя силы и одушевленіе въ сердца русскихъ.

Во время грозящей опасности отечеству, Гр. Платовъ отправилъ нарочнаго гонца на Донъ, съ извѣщеніемъ, что враги нахлынули на Россію. При этой разительной вѣсти, вострепонулись сердца козаковъ: *помутился нашъ тихій Донъ, всколыхнулся нашъ Ивановичъ!* воскликнули они; старцы донскіе, отслужившіе уже свою службу, покрытые ранами, стали собираться на битву съ врагами; они скрадывали свои лѣта не для вѣнца брачнаго, (какъ сами говорили,) а для подвига ратнаго, кроваваго. Они какъ будто помолодѣли, богатырскимъ полетомъ взлетѣли на застоявшихся коней своихъ, вооруженные копьями и дротиками и дали клятвенный обѣтъ, не прежде увидѣть внуковъ, когда выгонять изъ отечества враговъ.—Со многими изъ нихъ собрались и внуки, (лѣтъ съ 14 отъ рожденія). И вотъ, отъ стара до млада, изъ всѣхъ станицъ, рванулись Донцы на защиту отечества. Опустѣлъ Донъ, женщины принялись за плуги. Быстро, слишкомъ 20 полковъ сформировалось изъ козаковъ и прибыло въ Тарутино. Атаманъ ихъ, Гр. Платовъ, встрѣтилъ вѣрныхъ удалцевъ своихъ со слезами радости и произ-

несъ имъ слѣдующую, одушевленную рѣчь: «Врагъ идетъ на насъ съ адомъ, мы пойдемъ на него со крестомъ животворящимъ; если бы врагъ прорвался до береговъ тихаго Дона, не пощадилъ бы онъ ни женъ, ни дѣтей вашихъ. Кровь ваша смѣшалась бы съ волнами родимаго Дона, поруганы были бы храмы Господни, встревожился бы прахъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Друзья и братья, воскликнемъ ко Господу силъ: *не для насъ, Господи, для имени Твоего вспомошествоуй намъ поразить, устыдить, изнать врага изъ отчизны* (*):

«Готовы умереть, гдѣ ты укажешь намъ, нашъ отецъ!» дружно отвѣчали новые ополченцы. Вся ар-

(*) Гр. Платовъ принадлежитъ къ фалангѣ героевъ 1812 г., которыми гордится Россія: онъ вступилъ на службу 13 лѣтъ; по заключеніи тильзитскаго мира, Наполеонъ хотѣлъ прислать ему орденъ почетнаго легіона, но Платовъ сказалъ: «зачѣмъ, я не ему служу.» Въ то время, когда Наполеону показывали ловкость Калмыковъ и Башкирцевъ, Платовъ показалъ ему искусство стрѣльбы изъ луковъ. Наполеонъ подарилъ ему табакерку съ брилліантами, а Платовъ ему свой лукъ. Въ послѣдствіи времени, когда Платовъ былъ въ Англій, Принцъ-регентъ приказалъ списать съ него портретъ и помѣстить его въ своемъ дворцѣ. На скачкѣ, въ Англій, народъ требовалъ видѣть Платова, и когда онъ появился, народъ такъ стѣснилъ его, что онъ не могъ ѣхать, даже женщины отрѣзывали по волоску изъ гривы боеваго коня его; англичане забыли тогда и объ любимомъ зрѣлищѣ своемъ, объ скачкѣ. Къ Платову являлись актера, просить его на свои бенефисы; чтобы собрать болѣе народа въ театръ, они помѣщали извѣстія объ его присутствіи въ немъ, въ пышныхъ афишахъ. Принцъ приказалъ снять изображеніе и съ величаваго бѣлаго коня Платова, на которомъ онъ носился вихремъ во время битвъ, когда, по выраженію поэтовъ, *онъ свистѣлъ бѣдою въ уши врагамъ.* Платовъ разстался съ конемъ своимъ и, въ полномъ козацкомъ уборѣ, подарилъ его регенту. Регентъ же отдалъ Платова своимъ портретомъ на голубой подвязкѣ. Увѣщанный славою, въ глубокой старости, Платовъ возвратился на родину свою, къ тихому Дону, тамъ взялъ онъ горсть земли и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ ее...

Жизнь Гр. Платова, изд. 1821 г.

мія въ Тарутинѣ приняла ихъ съ восторгомъ, всѣ стали обниматься, какъ братья кровные. А Наполеону доносили шпіоны его, что съ Дона собралось немного козаковъ, что война съ Турціею истощила силы русскихихъ. Когда въ Уфѣ полученъ былъ манифестъ о составленіи ополченія, тамошнее дворянство также изъявило ревностное желаніе: пожертвовать отечеству и собою и достояніемъ своимъ; такъ какъ тотъ край населенъ, по большей части, воинственнымъ народомъ, то, бывший тамъ Губернаторъ, Кн. Волкѳнскій, сталъ собирать иррегулярныя войска; тотчасъ вооружилось также 20 полковъ. Отовсюду раздались отвѣтные голоса на манифестъ; жители береговъ Ледовитаго моря, рѣкъ: Оби, Енисея, Амура—всѣ пришли въ движеніе. Съ самыхъ хребтовъ уральскихъ также подоспѣло немалое число вооруженныхъ ратоборцевъ; вездѣ забряцало оружіе, вездѣ слышались восклицанія дикихъ, но храбрыхъ воиновъ: «Идемъ всѣ поголовно, луки наши натянуты, смертоносныя стрѣлы и острия пики готовы на пораженіе враговъ! И на прибрежьи Урала, старинныя воины, потомки Новгородцевъ и Донцевъ, единодушно восклицали: «Не дадимъ святой Руси въ обиду иноплеменникамъ! Мордва, Тештери, Мещеряки, Черемисы, Башкиры, (луговые народы) всѣ быстро двинулись на враговъ. Замѣчательно, что неприязненные намъ Киргизы не воспользовались удаленіемъ русскихихъ войскъ, составлявшихъ пограничную цѣпь и прекратили свои грабежи. Якуты, узнавъ о вторженіи непріятелей въ Россію, начали усердно молиться, по своему обряду, за высокое солнце, т. е. за русскаго царя (*).

(*) Сѣвер. Почта, 1812 г.

Не смотря на свои преклонныя лѣта, Кутузовъ дѣятельно занимался организованиемъ сборнаго войска; въ простой крестьянской избѣ, сидѣлъ онъ, погруженный въ глубокую думу; его окружали скорописцы, которымъ онъ диктовалъ донесенія свои Государю или приказы отдѣльнымъ начальникамъ русской арміи (*). Хотя самъ онъ былъ важенъ и задумчивъ, но не любилъ видѣть около себя пасмурныя лица; если же замѣчалъ ихъ, то отдалялъ отъ себя подобныхъ людей. Дума его уже созрѣла, только надобно было привести ее въ исполненіе. Наконецъ сталъ получать онъ благопріятныя извѣстія отъ командировъ отдѣльныхъ отрядовъ русскаго войска, (стоявшаго по разнымъ окрестностямъ Москвы) и оъ славныхъ, лихихъ дѣйствіяхъ партизановъ и поселянъ; лицо его просіяло; въ это время подоспѣли и награды за бородинское дѣло, которыя онъ тотчасъ и роздалъ (**).

Народная, малая война, подмосковныхъ поселянъ и самыя молодецкія дѣйствія партизановъ начинаются съ бородинской битвы. По вызову подполковника Давыдова, еще гораздо прежде взятія французами Москвы, образовалась, подъ его начальствомъ, небольшая партія легкаго войска, которая отбивала обозы, забирала и поражала отсталыхъ непріятельскихъ фуражировъ, по смоленской дорогѣ. Удачныя схватки поселянъ и партизановъ съ французами очень

(**) Для успокоенія Россіи, Кутузовъ приказалъ разсылать во всѣ губерніи печатныя извѣстія изъ дѣйствующей арміи; кромѣ того Милорадовичъ устроилъ летучую почту изъ козаковъ.

(*) Кромѣ другихъ, вышихъ наградъ, офицерамъ выдано было третное жалованье, а нижнимъ чинамъ по 5 рубл. на человѣка.

озабочивали Наполеона; Кутузовъ, видя успѣхъ этой войны, дозволилъ составить еще нѣсколько летучихъ отрядовъ—и двинулъ ихъ по разнымъ направленіямъ, на путь сообщенія непріятелей. Въ это время, и послѣ, являются сореоноователями и сподвижниками Давыдова: Фигнеръ (*), который рыскалъ между авангардомъ непріятеля и главной его арміею, простирая кровавые поиски свои до самыхъ московскихъ заставъ; Сеславинъ быстрыми набѣгами своими также поражалъ непріятелей, и, зорко наблюдавшій за движеніями ихъ, первый привезъ въ русскій лагерь важное извѣстіе о направленіи французской арміи къ Малоюрославцу. Кн. Кудашевъ слѣдилъ непріятелей по тутьской дорогѣ, преграждалъ путь подвозамъ ихъ съ продовольствіемъ и не разъ прорывался до главной квартиры Мюрата; Чернышевъ, въ послѣдствіи времени, привелъ въ трепетъ весь варшавскій округъ, летѣлъ на перерѣзъ французской арміи отъ Варшавы до Полоцка, съ извѣстіемъ о движеніи дунайской арміи къ рѣкѣ Березинѣ. Кн. Вадбольскій и другіе партизаны предшествовали отступавшей французской арміи до самой границы нашей, бились съ нею денно и ночью, преграждали ей переправы, заваливали, тѣснины и безпрестанными тревогами ни на минуту не давали ей отдыха, столь необходимаго для непріятельскаго войска, изнеможеннаго голодомъ, стужею и усиленными переходами.

Въ особенности непріятели терпѣли большой недостатокъ въ фуражѣ для лошадей, въ слѣдствіе чего они падали во множествѣ; сунутся ли, бывало, враги

(**) Многие полагаютъ, что Фигнеръ былъ переодѣтый, въ Москвѣ, во время погрома ея и много наносилъ вреда непріятелямъ.

за заставу, для добычи хлѣба и овса, поселяне, закопавъ излишекъ своего запаса въ ямы, безстрашно, озлобленно встрѣчаютъ ихъ рогатинами, цѣпами, и топорами; а нѣкоторые ружьями и упорно защищаютъ свое добро; выстрѣлами они накликутъ партизановъ и, союзно съ ними, заставляютъ непріятелей отступить битыми и не сытыми, да еще съ большимъ недочетомъ солдатъ.

23 Сент. была замѣчательная схватка между подмосковными поселянами и отрядомъ французскаго войска, въ которой помогли поселянамъ довершить побѣду надъ непріятелями крестьянскія бабы, вооруженныя чѣмъ попало, не смотря на то, что непріатели сражались уже не за Наполеона, а за свое собственное существованіе (*). Почти въ это же время урядникъ Филатовъ, (козачьяго Власова полка) наблюдавшій за движеніями непріятелей по р. Нарѣ, съ небольшимъ отрядомъ козаковъ, напалъ на французовъ и, преслѣдуя ихъ, убилъ, командовавшаго гвардіею Мюрата, Ген. Дери, а доломанъ его со звѣздою, съ крестами и лядункою представилъ начальству (**). Подобныхъ соревнователей мужества и самоотверженія было много и между простолюдинами; имена ихъ сохранены въ донесеніяхъ по начальству и въ печатныхъ журналахъ военныхъ дѣйствій того времени. Не скроемъ истины, иногда ожесточенные поселяне поступали съ побѣжденными непріятелями безчеловѣчно, но кто-жъ довелъ ихъ до того своими насильственными и святотатственными поступками?

(*) *Походъ Наполеона въ Россію, Деминскаго.*

(**) Кутузовъ, по данной ему власти, произвелъ за то Филатова въ хорунжія.

По вѣрнымъ, официальнымъ преданіямъ, видимъ мы, что во всѣхъ городахъ, чрезъ которые проводили партіи плѣнныхъ французовъ, оборванныхъ, лохмотныхъ, жители смотрѣли на нихъ сострадательно и усердно снабжали ихъ, кто чѣмъ могъ, по русской половинѣ: *«лежачаго не бьютъ.»* Тогда-то многіе изъ непріятелей увѣрились, что главнымъ врагомъ ихъ былъ Наполеонъ.

Къ числу замѣчательныхъ дѣйствій поселянъ и партизановъ, принадлежитъ взятіе Верей у французовъ Ген. Дороховымъ (23 же сент.). Укрѣпленія этого города выстроены были на крутой горѣ, вышиною въ 5 саж. на приступъ къ нимъ повели русскія войска четыре тамошніе мѣщанина, знавшіе хорошо мѣстность города. (*) Почти въ это же время было чудное спасеніе Троицкой Лавры отъ французовъ, которые стояли въ окрестностяхъ ея: Маршалъ Ней. въ Богородскѣ (на пороховомъ заводѣ Беренца), а еще нѣсколько ближе къ ней, стояли французы въ Дмитровѣ; отовсюду грозились непріатели вторженіемъ въ обитель Св. Сергія и держале ее какъ бы въ осадѣ съ двухъ сторонъ; они рыскали по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Лавру, грабя и разоряя окрестныхъ жителей. Три раза собирались идти они на нее, услышавъ, какими сокро-

(*) Ген. Дороховъ умеръ въ 1815 г. отъ ранъ, полученныхъ имъ въ разныхъ сраженіяхъ; предъ смертію своею писалъ онъ къ жителямъ Верей: «Если вы помните Ген. Дорохова, который освободилъ вашъ городъ отъ французовъ, то въ воздаяніе за это, дайте мнѣ 3 аршина земли, для вѣчнаго успокоенія, при той церкви, гдѣ я взялъ приступомъ непріятельскія укрѣпленія.»—Разумѣется, желаніе его было исполнено. Вотъ примѣръ для честолюбцевъ, которымъ тѣсна в селенная. Не должны ли быть памяты и для потомства эти 3 аршина земли?..

Анекд. достопамятной войны русскихъ съ французами 1814 года.

вищами она обладает, но все какъ будто были останавливаемы чѣмъ нибудь въ этомъ предпріятіи (*). Въ житіи Радонежскаго Чудотворца, Св. Сергія, сказано, что явившаяся ему въ видѣннн Божія Матерь, обѣщала защищать обитель его; есть преданіе, что въ преддверіи храма явился ночью одному лаврскому старцу инокъ—это былъ Св. Сергій (**). Исторически извѣстно то, что французы боялись лѣсовъ, окружающихъ дорогу отъ Дмитрова къ Лаврѣ и караулившихъ ихъ тамъ козаковъ и поселянъ. Какъ бы то ни было, но Провидѣніе не допустило непріятелей проникнуть въ это мѣсто. 1-го Октября французы поспѣшно выступили изъ Дмитрова и изъ Богородска, по приказанію Наполеона, который, видя грозившую ему отовсюду опасность, началъ стягивать около себя войска свои (***) .

. -----

Замѣчательно, что 1-го окт., въ праздникъ Покрова Б. М., учреждено было крестное хожденіе вокругъ Сергіевскаго посада, по просьбѣ жителей его и по соизволенію Митрополита Платона. Толпы окрестныхъ поселянъ, московскіе и Можайскіе выходцы, по звону монастырскаго колокола, стеклись въ обитель въ 7 часовъ утра. Въ предшествіи учениковъ и студентовъ тамошней семинаріи, троицкіе монахи, въ этомъ священнодѣйствіи, соединились съ іереями

(*) Собраніе русскихъ историч. анекдотовъ, 1820 г.

(**) Тамъ же.

(***) Ней такъ поспѣшилъ выбраться изъ Богородска, что второпяхъ забылъ у себя въ компанѣ, на столѣ, кошелекъ съ наполеондорами.

Троицкаго посада, и совершили съ колѣнопреклоненіемъ и слезами молебное пѣніе Всемилостивому Спасу, Божіей Матери и преп. Сергію. Въ этотъ самый день, два вѣка тому назадъ, отъ воротъ московскихъ отбиты были Поляки—и въ этотъ же день французскіе отряды оставили Дмитровъ и Богородскъ. Общая теплая молитва поселила надежду съ сердцахъ жителей посада; послѣ этого они вскорѣ узнали, что враги поспѣшно отступили изъ ихъ окрестностей, какъ нѣкогда татарскій харь Тамерланъ бѣжалъ изъ предѣловъ Россіи, *никѣмъ же юнимъ* (*).

Возрадовалось сердце Митрополита Платона при этомъ событіи; извѣщая Св. Синодъ о чудесномъ сохраненіи Лавры отъ враговъ, онъ писалъ къ нему: «Острое лезвіе кроваваго меча извивалось надъ несчастными сынами первопрестольной матери Москвы, огонь, возгнетенный адскою злобою, пожиралъ всюду сопредѣльное; новорожденный Юліанъ (богоотступникъ) бѣшенствовалъ противъ неба и потрясалъ въ Москвѣ самое сердце земли; между тѣмъ Лавра и Виванія, по судьбамъ Провидѣнія, не испытали на себѣ пагубныхъ перуновъ. *Падетъ отъ страны твоя тысяща и тьма одесную тебѣ, къ тебѣ же шбель не приблизится.* Это суть мѣста, иде же миръ и тишина положили селеніе свое, это суть остатки гроздія, восхищавшаго здѣсь благопопечительныя взоры російскаго Вертоградаря. И—странное чудо! отъ Москвы, гдѣ огонь истощилъ силы, къ Лаврѣ и Виваніи

(*) Извѣстно, что въ 1608 г. Поляки, осаждая Лавру, не могли проникнуть въ обитель ея; извѣстно и то, что въ 1771 г. въ ней не было моровой язвы, между тѣмъ, какъ она свирѣпствовала во всѣхъ окрестностяхъ ея.

не болѣе разстоянія, какъ съ одной стороны къ намъ отъ Дмитрова, а съ другой отъ Богородска, гдѣ мечъ пресѣкъ свои дѣйствія; въ разстояніяхъ разницы нѣтъ никакой, или самая малѣйшая. Дивенъ Богъ во Святыхъ своихъ, дивенъ въ преп. Сергій! *Аще не Ею ради, Азъ погубилъ быхъ васъ.* Сему вѣрую, на семъ утверждаюсь, сіе исповѣдую».

Въ это время престарѣлый Платонъ жилъ въ Матрицкомъ монастырѣ; тамъ, однажды, въ концѣ Сентября, онъ слушалъ вечерню и когда надобно было запѣть стихъ Дамаскина: *Твоя побѣдительная*, по ошибкѣ запѣли другое; тогда Платонъ, сидя у лѣваго клироса, какъ бы вдохновенный какою-то мыслию, всталъ и воскликнулъ: «*Пойте Твоя побѣдительная!*» и вдругъ зарыдалъ... Всѣ предстояшіе тронулись этимъ зрѣлищемъ и также заплакали (*)... Архипастырь, по какому-то предчувствію, не обманывавшему его никогда, говорилъ, что онъ умретъ на ногахъ; онъ *непремѣнно* хотѣлъ дожить до того времени, когда рѣшится судьба отечества его (**).

Вотъ при такихъ-то, вышеописанныхъ обстоятельствахъ, Наполеонъ, затаивъ въ душѣ своей уязвленную гордость, нашелся вынужденнымъ послать Лористона къ Кутузову, переговорить сначала будто бы о размѣнѣ плѣнныхъ, а потомъ уже склонить раз-

(*) Жизнь и дѣянія митр. Платона, изд. 1822 г.

(**) Онъ скончался 11-го Ноября 1812 г. тогда, когда непріатели бѣжали уже опротивею изъ Россіи.—Съ Государемъ видѣлся онъ въ послѣдній разъ въ 1809 г. (Декаб. 6), въ Москвѣ; прощаясь съ царемъ, онъ сказалъ тоже какъ бы по предчувствію: *ишь отпущаеши раба твоего....*

говоръ къ миру; по этому случаю сдѣлано было между авангардами, на нѣсколько часовъ, перемиріе. Лористонъ прибылъ въ Тарутино; въ это время весь русскій лагерь блисталъ огнями, въ немъ, предъ вечерней зарей, раздавалась музыка, а въ иныхъ мѣстахъ закатныя хоровыя пѣсни. Всюду видѣлъ Лористонъ веселье, изобиліе, даже роскошь. Кутузовъ принялъ Лористона въ присутствіи своихъ генераловъ (*), со всею вѣжливостію Екатерининскаго вельможи. Лористонъ сказалъ, что онъ присланъ предложить размѣнъ плѣнныхъ, заключить перемиріе и просить князя о доставленіи письма отъ Наполеона къ Александру:— Кутузовъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ полномочія принять предложеній ни о перемиріи, ни о мирѣ, также не можетъ принять письма къ своему Государю, потому что онъ запретилъ ему даже произносить слова: *миръ* и *перемиріе* (**). На это Лористонъ возразилъ, что надобно же наконецъ прекратиться войнѣ, особливо производимой русскими такимъ варварскимъ образомъ. Князь сдѣлалъ ему замѣчаніе, что варварство началось отъ вырождковъ французской революціи, отъ питомцевъ Робеспьера, Дантона и Марата и отъ самаго Бонапарта (***), и что о мирѣ нельзя помышлять до тѣхъ поръ, пока французская

(*) Выключая Барбюа, который, для поправленія своего здоровья, уѣхалъ въ Лфляндію.

(**) Вскорѣ Кутузовъ получилъ отъ Государя новое подтвержденіе: «не входить ни въ какіе неревоворы съ непріятелями»; онъ заключилъ это слѣдующими словами: «никакія предложенія не побудятъ меня прервать брань, и тѣмъ ослабить священную обязанность—отмстить за оскорбленное отечество.»

(***) Это было писано въ англійскихъ газетахъ и въ нѣмецкихъ: Der Patriot, 1812 г.

армія будетъ находится по сю сторону Вислы. Не Россія начала войну,» продолжалъ онъ; «еслибъ мой Государь приказалъ сдѣлать нападеніе на магазины и на войска, находившіяся въ Польшѣ, предъ началомъ войны, то были бы истреблены всѣ ваши запасы; а вы, не объявляя войны, вдругъ вторгнулись въ Россію и начали разорять ее. Вашъ Императоръ объявляетъ, что вступленіемъ въ Москву походъ его конченъ, а русскіе говорятъ, что война еще только начинается.—«Въ такомъ случаѣ мы опять начнемъ дѣйствовать,» отвѣчалъ Лористонъ, «и опять нагнется пролитіе крови». Тутъ сталъ онъ жаловаться на ожесточеніе русскихъ противъ французовъ и прибавилъ, что несправедливо обвиняютъ французовъ въ сожженіи Москвы, тогда какъ сами московскіе жители причиною своего бѣдствія. — «Я въ первый разъ слышу жалобы на любовь народа къ своему отечеству,» возразилъ ему князь; «что же касается до сожженія Москвы, то все это мнѣ подробно извѣстно; знайте, что я ежедневно и ежечасно получаю о ней свѣдѣнія; нѣкоторые тамошніе магазины я самъ приказалъ жечь; русскіе же истребили экипажи свои въ каретномъ ряду для того, чтобы они не достались вамъ. Но французы жгли столицу по обдуманному плану, они даже опредѣлили дни для зажигательства и назначали, по очереди, кварталы, когда и которому изъ нихъ надлежало горѣть; многія зданія, которыя трудно было истребить пламенемъ, разрушались пушечными выстрѣлами» (*). Размѣвъ плѣнныхъ также не удался Лористону; «это дѣлается по окончаніи войны,» сказалъ Кутузовъ.

(*) *Вѣстн. Европы, 1812 г.*

Наполеону, обладателю міра, отказывали въ мирѣ. Надобно было кончить эту аудіенцію; Лористону она въ особенности не понравилась тѣмъ, что онъ долженъ былъ выслушать все это при многихъ русскихъ генералахъ, которые потирали руки отъ удовольствія: видѣть заискиванье тонкаго французскаго дипломата у русскаго полководца. Очевидцы рассказываютъ, что когда сконфуренный Лористонъ убѣжалъ изъ лагерь, въ слѣдъ ему раздался звучный маршъ...

Усыпленный Наполеонъ проснулся, но уже поздно. Разумѣется, ему щекотливо и неприятно было выслушать донесеніе посла своего, впрочемъ онъ долженъ былъ знать, что когда русскіе не предлагали ему мира въ Іюнѣ, находясь болѣе въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, то врядъ ли примутъ они его въ настоящее время (*). Но Наполеонъ питалъ еще надежду, что Имп. Александра извѣстятъ о его предложеніи; между тѣмъ, на всякій случай, началъ онъ подумывать о возвратномъ походѣ. По обыкновенію своему, завелъ онъ машину общественной молвы и пустилъ въ ходъ разные слухи, чтобы подкрѣпить ослабѣвающую бодрость солдатъ своихъ мечтами воображенія; «русская армія истреблена,» говорили имъ, «надобно отыскивать остатки ея. Россіи ничего не остается дѣлать, какъ просить мира (**). Тѣ фран-

(*) Больше чѣмъ за годъ до открытія военныхъ дѣйствій, Наполеонъ предваренъ былъ о твердой рѣшимости Александра, не только отаергнуть миръ, не соответствующій чести его государства, но и не допустить посредничества другихъ державъ.

Съв. Почта 1812 г.

(**) *Le Conservateur Imperial*, издав. въ Петербургѣ, въ 1812 г.

пузы, которые были воспитаны въ лагерѣ, подъ вліяніемъ духа своего повелителя, вѣрили еще неистощимости его генія, другіе же, приближенные къ нему, знавшіе, что судьба ихъ зависѣла отъ его могущества, поддерживали всѣ вымыслы, выпускаемые изъ кремлевскаго дворца. Между тѣмъ положеніе ихъ становилось все болѣе и болѣе невыгоднымъ, они почти ничего не могли знать о намѣреніи и о средствахъ своихъ противниковъ, сообщенія французовъ съ отдѣльными корпусами ихъ все болѣе и болѣе затруднялись, народная и партизанская война тоже разгоралась все болѣе и болѣе, партизаны вошли въ связь одинъ съ другимъ и стали возвѣщать другъ друга о всѣхъ движеніяхъ непріятелей.

Между тѣмъ Гр. Растопчинъ, поступая самоотверженно, во время бытности французовъ въ Москвѣ, сжегъ собственный свой домъ въ селѣ Вороновѣ (на Калужской дорогѣ) и оставилъ непріятелямъ письмо, извѣщая ихъ объ этомъ, а самъ уѣхалъ, во Владимиръ (*). Онъ не переставалъ и въ то время дѣйствовать на умы поселянъ, возбуждая ихъ ненависть къ французамъ (**); вотъ предпоследняя афиша его къ подгороднымъ московскимъ поселянамъ:

(*) Въ Парижѣ, въ балаганахъ, появились вывѣски, гдѣ Растопчинъ изображенъ былъ какимъ-то чудовищемъ, съ факеломъ, зажигающимъ Москву, и съ надписью: Venez voir L'Erostrate Rostopzin, metant le feu a la grande ville de Moscou. (Идите смотрѣть Герострата Растопчина, зажигающаго Москву.)

(**) «Восемь лѣтъ,» писалъ онъ, «украшалъ я это село, въ которомъ наслаждался счастіемъ, среди моей семьи. При вашемъ приближеніи, обыватели, въ числѣ 1,720 чел., покидаютъ жилища, а я предаю огню домъ свой, чтобы онъ не былъ оскверненъ вашимъ присутствіемъ. Французы! Въ Москвѣ оставилъ я вамъ два мои дома и движимости на полмиліонъ рублей: здѣсь найдете вы только пепель.» Это письмо было писано, разумѣется, на французскомъ языкѣ.

«Крестьяне, жители московской губерні!

«Врагъ рода человѣческаго, наказаніе Божіе за грѣхи наши, дьявольское навожденіе, злой французъ, вошелъ въ Москву, предалъ ее мечу и пламени. Онъ ограбилъ храмы Божіи, осквернилъ олтари непотребствами, сосуды пьянствомъ, посмѣшищемъ. Враги наши надѣвали ризы вмѣсто попонъ, брачныя вѣнцы на животныхъ, посорвали оклады со святыхъ иконъ, поставили лошадей въ церкви православной вѣры нашея. Разграбили дома, имущества, наругались надъ женами, дочерьми, дѣтьми малолѣтними. Осквернили кладбища и до втораго пришествія тронули изъ земли кости покойниковъ, предковъ нашихъ, родителей. Непріятель заловилъ, кого могъ, и заставилъ таскать, вмѣсто лошадей, имъ краденое. Морить нашихъ съ голоду, а теперь, какъ самому ѣсть нечего: то пустилъ своихъ ратниковъ, какъ лютыхъ звѣрей, пожирать и вокругъ Москвы, и вздумалъ ласкою сзывать васъ на торги, мастеровъ на промыселъ, обѣщая порядокъ, защиту всякому. Ужли вы православные, вѣрные слуги Царя нашего, кормилицы матушки каменной Москвы, на его слова положитесь, и дадитесь въ обманъ врагу лютому, злодѣю кровожадному? Отыметъ онъ у васъ послѣднюю кроху и придется вамъ умирать голодною смертію; проведетъ онъ васъ посулами, а коли деньги дастъ, то фальшивыя, съ ними жъ будетъ вамъ бѣда, оставайтесь, братцы, покорными христіанскими воинами Божіей Матери, не слушайте пустыхъ словъ. Почитайте начальниковъ и помѣщиковъ; они ваши защитники, помощники, готовы васъ одѣть, поить и кормить. Истребимъ достальную силу неприятельскую, погребемъ ихъ на святой Руси; станемъ бить, гдѣ ни встрѣнутся, ужъ

мало ихъ и осталось; а насъ сорокъ милліоновъ людей, слетаются во всѣхъ сторонъ, какъ стада орлиныя. Истребимъ гадину заморскую и предадимъ тѣла ихъ волкамъ, вороньямъ, а Москва опять украсится, покажутся золотые верхи, дома каменные, навалитъ народъ со всѣхъ сторонъ. Пожалѣетъ ли отецъ нашъ, Александръ Павловичъ, милліоновъ рублей на выстройку каменной Москвы, гдѣ онъ мѣромъ помазался, гдѣ короновался царскимъ вѣнцомъ? Онъ надѣется на Бога Всесильнаго, на Бога русской земли, на народъ, ему подданный, богатырскаго сердца, молодецкаго. Онъ одинъ помазанникъ его и мы присягали ему въ вѣрности. Онъ отецъ, мы дѣти его; а злодѣй французъ некрещенный врагъ. Онъ готовъ продать и душу свою, ужъ былъ онъ и туркою, въ Египтѣ обасурманился, ограбилъ Москву, пустилъ нагихъ, босыхъ, а теперь ласкается и говорить, что не быть грабежу, а все ужъ взято имъ и все въ прокъ не пойдетъ. Отольются волку лютому слезы горькія. Еще недѣльки двѣ—закричатъ они пардонъ, а вы будто не слышите; ужъ имъ одинъ конецъ, съѣдятъ все, какъ саранча, и станутъ стѣнью, мертвецами непогребенными; куда ни придутъ, тутъ и вали ихъ живыхъ и мертвыхъ въ могилу глубокую. Солдаты рускіе помогутъ вамъ, который побѣжитъ, козакъ добьютъ; а вы не-робѣйте, братцы удалые, дружина московская, и гдѣ удастся, истребляйте эту сволочь, гадину нечистую, и тогда къ Царю въ Москву явитесь и дѣлами полхалитесь. Онъ васъ опять возстановитъ по прежнему, и будете вы припѣваючи жить по старому. А кто изъ васъ злодѣя послушается, и къ французу преклонится, тотъ недостойный сынъ отечества, отступникъ закона Божія, преступникъ Го-

сударя своего, тотъ отдасть себя на судъ и поруганіе, а душѣ его быть въ аду съ злодѣями, и горѣть въ огнѣ, какъ горѣла наша мать Москва.»

И по собственному чувству озлобленія противъ французовъ, и по внушенію Ростопчина, какъ было уже сказано, поселяне принимали всё мѣры, для стѣсненія своихъ враговъ, для лишенія ихъ жизненнаго удовольствія, (особенно фуражу) и для совершеннаго уничтоженія ихъ. Такъ по всей Стромьинской дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ опушки далеко раскинувшагося лѣса, на вершинахъ высокихъ деревьевъ, устроены были изъ сучьевъ шалаши, и въ этихъ воздушныхъ караульняхъ крестьяне окольныхъ деревень подстерегали непріятелей, чтобы тотъ часъ дать знать о появленіи ихъ скрывавшимся въ лѣсу козакамъ. По троицкой дорогѣ, въ деревнѣ Тарасовкѣ, вся улица заставлена была фурами и осѣдланными лошадьми; здѣсь была штабъ — квартира козаковъ (*), которые ждали своихъ товарищей, чтобы, на смѣну имъ, рассыпаться во всё окрестныя стороны — добивать французовъ. Не задолго еще до того, малыя Мытищи наполнены были французами, а жителей селенія не видно было въ немъ ни единого; квартировавшая тутъ непріятельская конница наполняла ужасомъ всё окрестности. Франузы тамъ молотили хлѣбъ на гумнахъ, а въ с. Алексѣевскомъ, около церкви, стояла ихъ артиллерія (**). По этой (впрочемъ и по нѣкоторымъ другимъ дорогамъ), около большихъ Мытищъ, тянулись крестьянскія телѣги, нагруженные всякою всячиною:

(*) Воспоминаніе очевидца.

(**) Приключенія моск. жителя, изд. 1812 г. Эта книга посвящена Имп. Маріи Феодоровнѣ.

мебелью, желѣзомъ, разною рухлядью и пр.; пѣшеходы тащили на плечахъ мѣшки съ мѣдными деньгами, вытащенными изъ казенныхъ и частныхъ кладовыхъ, которыя брали они около Иверской часовни и присутственныхъ мѣстъ, гдѣ были эти деньги разсыпаны кучами (*). Туда наѣзжало множество подмосковныхъ крестьянъ, тамъ происходилъ шумъ, брань и даже драки: кто нагружалъ мѣдными деньгами пазухи свои, кто сыпалъ ихъ въ карманъ, кто въ шапки, кто въ сапоги, куда только было можно; французы сидѣли въ Иверской часовнѣ, какъ въ партерѣ, смотря на этотъ спектакль; одни изъ нихъ аплодировали, другіе хохотали и погоняли нагруженныхъ деньгами палашами. Даже бабы таскали эти деньги подолами. Черезъ Алексѣевское село не возможно было пробраться, отъ стѣснившихся тамъ, выстроенныхъ въ шеренги, для смотра, козацкихъ взводовъ; крестьяне объѣзжали это село околицею. Вотъ какъ близко находились отъ Москвы козаки, съ нетерпѣніемъ ожидая приказа: хлынуть на непріятелей, выбравшихся изъ деревень въ Москву и колебавшихся уже постоемъ своимъ въ самой столицѣ.

Мюратъ отряженъ былъ Наполеономъ, для наблюденія за дѣйствіями тарутинскаго лагеря; растянувъ на далекое пространство войска свои, вдоль рѣчки Чернишны; Мюратъ не расчелъ могущей произойти отъ этого опасности; войска его, состоящія большою

(*) Французы не мѣшали имъ очищать мостовую, они не любили мѣдныхъ денегъ, за тяжесть и малую цѣнность ихъ; за мелкую серебряную монету давали они русскимъ цѣлый мѣшокъ мѣдныхъ денегъ.

частію изъ итальянцевъ, терпѣли еще ббльшій недостатокъ въ фуражѣ и въ провіантѣ, нежели французы въ Москвѣ, изъ которой имъ присылали только остатки разнаго продовольствія. Главная пища въ отрядѣ Мюрата состояла изъ пареной ржи, изъ овощей, добытыхъ въ окрестныхъ огородахъ и изъ конины, къ которой, впрочемъ, они давно уже привыкли, варя изъ нея супъ; и лошади то ихъ были тощи, питаея соломою, покрытою, по утрамъ, ледяною корою; они падали во множествѣ. Начались уже заморозья, запырошилъ снѣгъ, солдаты стояли подъ открытымъ небомъ, между ними было много больныхъ.

Во время долговременнаго бездѣйствія, непріатели и русскіе, стояли такъ близко другъ-къ другу, что могли перекликаться; форпосты ихъ завели уже знакомство между собою. Мюратъ билъ давно лично знакомъ съ Милорадовичемъ; объѣзжая передовые посты свои, однажды они встрѣтились и обмѣнялись привѣтствіями. Мюратъ сталъ жаловаться Милорадовичу на ожесточенныя нападенія поселянъ на французовъ. Милорадовичъ отвѣчалъ ему: *O, ma foi, vos en verrez bien d'autres, Sire!* то ли еще вы увидите, Государь (*).!

Несмотря на то, что многіе выздоровѣвшіе офицеры и солдаты русскіе возвратились въ лагерь, опять готовые къ боевой жизни, немалое число раненыхъ призрѣвались подъ гостепримнымъ кровомъ Генераль-Адъютанта Графа Михаила Семеновича Воронцова, который, бывъ самъ раненъ подъ Бородинымъ, пріѣхалъ лѣчиться въ свое село Андреевское, находящееся въ 30 верстахъ отъ Владиміра. Проѣзжая отъ Бородина чрезъ Москву, онъ

(*) Москвитянинъ, 1843 года, статья А. Булгакова.

узналъ, что въ ней находится въ больницахъ и въ разныхъ домахъ много раненыхъ русскихъ офицеровъ и солдатъ и приказалъ привести ихъ на собственныхъ подводахъ къ себѣ въ Андреевское (*); это исполнили адъютанты его: Н. В. Арсеньевъ и Дмитрій В. Нарышкинъ.

Андреевское превращено было въ госпиталь (**); между ранеными находились: Генералы Гр. Сен-При, Н. В. Крестовъ, Полковники: Графъ Гудовичъ, Де-ла-Гардъ, Богдановскій, Врангель и проч. проч. Бородинцы; они были размѣщены покойно и удобно. Нижше чины помѣщены были въ деревенскихъ избахъ и снабжаемы всѣмъ нужнымъ въ избытокъ (***). Туда, для пользованія ихъ, (кромѣ другихъ докторовъ) приглашенъ былъ, извѣстный въ то время, хирургъ Гильебрантъ. Каждый выздоровѣвшій рядовой получалъ отъ Графа полную аммуницію и 10 руб. и отправленъ былъ въ армию; изъ раненыхъ офицеровъ, кто хотѣлъ, обѣдалъ въ своей комнатѣ, а кто хотѣлъ, садился за Графскій столъ. Общество тамъ было самое оживленное, прекрасный домъ, садъ, библіотека, портретная галлерей, билліардъ, музыка, заботливыя попеченія о больныхъ, все споспѣшествовало къ скорѣйшему выздоровленію Бородинцевъ. Не смотря на-

(*) Эти подводы назначены были для отвоза пожитковъ графа изъ Москвы въ дальнія деревни его; но онъ пожертвовалъ ими, чтобъ спасти однопольченцевъ своихъ.

(**) Тамъ находилось до 50 раненыхъ Генераловъ, Штабъ-и Оберъ-офицеровъ и болѣе 300 рядовыхъ.

(***) Это помѣщеніе стоило Графу ежедневно до 800 рублей, эти издержки начались съ 10 Сентября и продолжались около четырехъ мѣсяцевъ. Въ это время былъ еще живъ отецъ Михаила Семеновича, Графъ Семенъ Романовичъ.

то, что хозяинъ самъ ходилъ еще на костыляхъ, онъ всякое утро посѣщалъ своихъ больныхъ гостей—постояльцевъ. У другаго, памятнаго Россіи, особенно Москвѣ, вельможи, Графа Растопчина, (во Владимірѣ) было также свое общество; его посѣтилъ, уѣхавшій изъ Тарутина Графъ Михайлъ Богдановичъ Барклай; общія огорченія отъ недоброжелателей ихъ, способствовали ихъ сближенію (*). Графъ Воронцовъ былъ въ перепискѣ со многими Генералами, изъ дѣйствующей нашей арміи, адъютанты его и охотники изъ дворовыхъ людей ѣзжали, переодѣтые, въ Москву (французы строго наблюдали только за тремя заставами: Дорогомиловской, Спасской и Рогожской), развѣдывали, что тамъ происходило и доносили обо всемъ Графу, а онъ сообщалъ всѣ новости Растопчину, который и самъ получалъ многія вѣрныя свѣденія о Москвѣ, чрезъ своихъ агентовъ. Еще собирались гости къ Леву Дмитріевичу Измайлову, въ богатое село его, *Дьдново* (по рязанской дорогѣ, на берегу Оки); особенно въ то время, когда въ немъ организовалось рязанское ополченіе, начальникомъ котораго былъ Левъ Дмитріевичъ, тоже большой хлѣбосоль и оригиналь.

Сообщенія Мюрата съ Наполеономъ почти прекратились, потому что курьеровъ надлежало посылать въ Москву, подъ прикрытіемъ большаго конвоя артиллеріи; поселяне толпами выходили изъ своихъ тайниковъ на ловлю французовъ. Между тѣмъ извѣстія о вожденномъ предложеніи отъ русскихъ о мирѣ не приходило, а Наполеонъ, еще при вступленіи въ Мо-

(*) Москвитинъ, 1813 года, статья А. Булгакова.

скву, мечталъ уже о программѣ мира и о распоряженіи дальнѣйшихъ дѣйствій своихъ; онъ желалъ присоединенія къ Франціи всей русской Польши и Курляндіи, потомъ предполагалъ перевести войска свои въ теплый климатъ Молдавіи и Валахіи, а къ веснѣ, вѣроятно вмѣстѣ съ русскими, идти на Турцію, освободить христіанъ отъ ига невѣрныхъ, просвѣтитъ послѣднихъ, ограбитъ обоихъ, пройти оттуда въ малую Азію и добраться до Остъ-Индіи, чтобъ уничтожить торговлю англичанъ (*). Последнее время пребывания своего въ Москвѣ, Наполеонъ особенно былъ безпокоенъ; есть преданіе, что онъ видѣлъ тогда страшный сонъ; баронеса Сталь говоритъ въ своихъ мемуарахъ: «однажды, ложась спать, (въ кремлевскомъ дворцѣ) онъ тщательно приказалъ осмотрѣть свою комнату, чтобъ предупредить чью либудь измѣну; вооруженные мамелюки поставлены были у дверей спальни, и вотъ онъ засыпаетъ чутко и видитъ будто наяву, что всѣ жертвы властолюбія его поднялись изъ своихъ гробницъ и безмолвно грозятъ ему. Между ними возникаетъ новое привидѣніе, сбрасываетъ свой саванъ—и Наполеонъ узнаетъ въ немъ Дюка Ангіенскаго, (казненнаго по его повелѣнію), который предсказываетъ ему исходъ похода его въ Россію.—Наконецъ Наполеонъ просыпается, измученный, перепуганный, спрашиваетъ стражу свою: кто входилъ сюда?—Ему отвѣчаютъ: никто (**).

(*) Полагаютъ, что еще во Франціи, а можетъ быть въ Польшѣ, выбита была медаль, съ надписью: *Наполеонъ, Императоръ французскій и царь Московскій.*

Русскіе и Бонапартъ, изд. 1814 г.

(**) Этотъ сонъ изображался въ числѣ юморстическихъ картинъ, по выходѣ французовъ изъ Москвы; объ немъ напечатана была особая брошюра на французскомъ языкѣ, переведенная и на русскій.

Наполеонъ писалъ Мюрату, чтобы отъ крѣпко держался въ своей позиціи и готовъ былъ къ наступательнымъ движеніямъ. Наполеонъ хотѣлъ замаскировать собственные свои замыслы. Каково было ему сознаться въ своемъ безсиліи, ему, почти не знавшему неудачъ въ походахъ, растративши войско, не заключивъ мира, рѣшиться на отступленіе... Что скажутъ славобливые французы, что скажетъ Европа, закиданная бюллетенами его, постоянно возвѣщавшими о громѣ побѣдъ и славы французскаго оружія. Дорогъ на обратный путь представлялось ему много, но какую избрать? Наконецъ Наполеонъ приказалъ Маршалу Маре извѣстить европейскіе дворы, что онъ думаетъ выступить на зимнія квартиры, что для него климатъ Московскій *нездоровъ*, что онъ выступаетъ чрезъ Калугу въ юго-западные губерніи; въ 25 бюллетенѣ его доказывалось, что въ новой позиціи армія сблизится съ Петербургомъ и съ Кіевомъ, и что слѣдующій походъ на Россію чрезъ это облегчится для французовъ.

Лишь только выпалъ первый снѣгъ, встрепнулись французы; съ ужасомъ, мысленно взглянули они на роковое пространство, отдѣляющее ихъ отъ отечества.

Съ 1-го Октября началось передвиженіе непріятельскихъ войскъ и обозовъ; всѣмъ маршаламъ написанъ былъ маршрутъ, куда кому и по какой дорогѣ надлежало имъ выступить; въ Москвѣ, покаместъ, оставлялъ Наполеонъ только маршала Мортье съ молодою гвардіею и съ безлошадными кавалерійскими полками, для наблюденія порядка, при выступленіи отрядовъ и обозовъ. Тогда вся Москва превратилась въ торжище, французы старались сбывать съ рукъ награбленныя русскія ассигнаціи или обмѣнять мѣд-

ныя деньги на серебряныя или продать какія нибудь цѣнныя вещи за безцѣнокъ; но русскіе боялись ихъ покупать, думая, что французы опять ихъ отнимутъ. Въ то время многіе непріатели, выключая гвардіи, были въ самомъ крайнемъ положеніи: голодные, оборваные до такой степени, что не узнавали другъ друга; они, какъ на уличномъ маскарадѣ, обернуты были въ рогожи, въ лошадиныя шкуры или одѣты въ юбки, въ разные театральныя костюмы, въ чепчики, кульки, въ колпаки, въ траурныя шляпы, въ шали, въ салоны, въ церковныя ризы и т. п., что только попадало имъ въ руки (*).

Прежде всего потянулись изъ Москвы, по смоленской дорогѣ, повозки съ больными и съ ранеными и двинулся обозъ съ серебромъ и золотомъ, содраннымъ съ иконъ въ разныхъ московскихъ церквахъ, съ польскими и турецкими знаменами, изъ Оружейной палаты, съ бунчуками, съ булавами, гербомъ, снятымъ съ крыши сената и съ прочими вещами, названными ими *трофеями*. Наполеонъ старался возбудить присутствіе духа въ своихъ войскамъ; имъ выдали запасный холстъ, вино, сухари, кожу на обувь (только некогда уже было шить ее) имъ объявлены были награды чинами и орденами; тогда онъ обращался со всѣми очень ласково. Между тѣмъ въ Тарутинѣ была тишина предъ бурей; тамъ произошло важное происшествіе съ Мюратомъ; Кутузовъ, съ свойственною ему

(*) Французы, по вступленіи въ Москву, глумясь надъ нашей религіею, ридились въ церковныя стихари и ризы, надѣвали на себя брачныя вѣнцы и, потѣшась, съ кадилами въ рукахъ, ходили по улицамъ. Предчувствовали ли они, что эти ризы будутъ служить для нихъ защитой отъ стужи, вспомнили ли они про свое шутовство — пояспичество?

медленною и нерѣшительною, не взирая на безопасность Мюрата, оставлялъ его въ покоѣ: чѣмъ долѣе пробудеть Наполеонъ въ Москвѣ, говорилъ онъ, тѣмъ лучше для насъ, зачѣмъ будить его (*); но Беннигсея (**), узнавъ отъ аванпостнаго начальника, Графа Орлова Денисова, о критическомъ положеніи неаполитанскаго короля, и видя растянутасть войскъ его, выпросилъ у Кутузова позволеніе взять его живьемъ. Наконецъ Кутузовъ рѣшился дать ему на то свое соизволеніе. Если бы русскіе Генералы стали дѣйствовать быстрѣе и дружиѣе, то это предпріятіе увѣнчалось бы полнымъ успѣхомъ; но вмѣсто 4-го на 5-е Октября нашъ отрядъ двинулся на Мюрата ночью съ 5-го на 6-е; проходя лѣсомъ, они сбились съ дороги и сдѣлали нападеніе на непріятельскій лагерь не въ одно и тоже время, и не съ разныхъ сторонъ, какъ было условлено (егеря наши во время перестрѣлки пѣли пѣсни) (***). Мюратъ отбивался отчаянно; первое ядро, пущенное съ батарей его, убило нашего храбраго Генерала Багговута. Въ это время десять козачьихъ полковъ съ орлиною быстротою налетѣли на враговъ и довершили надъ ними побѣду. Мюратъ отступилъ къ Воронову, потерявъ множество орудій, обозовъ и взятыхъ въ плѣнъ (****).

(*) Сѣверная почта 1812 года, журналъ военныхъ дѣйствій Кутузова.

(**) Который нѣкогда самъ предводительствовалъ русскими войсками противъ Наполеона и такъ храбро отразилъ его подъ Прейсишъ Эйлау, что Наполеонъ, послѣ увидѣвшись съ нимъ въ Тильзитѣ, сказалъ: vous êtes méchant à Eylau (вы были злы подъ Эйлау).

(***) Журналъ военныхъ дѣйствій Кутузова, 1812 г.

(****) Между убитыми французами находились Генералы: Фишеръ и Дерп, (о немъ было уже упомянуто) котораго Мюратъ очень лю-

Непріятельскій лагерь представилъ побѣдителямъ разнообразную картину: тамъ, въ небрежности, валялась церковная утварь, обнаженные отъ огладовъ иконы, скелеты лошадей, зарѣзанныхъ для пищи, тамъ представлялись предметы пышной роскоши и крайней нищеты: разбросанныя головы сахару, бутылки съ винами, великолѣпная мебель, бронза, образганныя кровью, раздробленныя картечью головы людей и лошадей, крестьянскія лапти, онучи, деревянные ложки, чаши и проч. проч.

Торжество побѣды огласилось пушечными залпами; быстро долетѣла въ Тарутино радостная вѣсть объ этой побѣдѣ, но Кутузовъ не велѣлъ преслѣдовать Мюрата: «намъ нельзя отдѣлиться отъ позиціи» говорилъ онъ съ неудовольствіемъ, досадуя на то, что упустили Мюрата; между тѣмъ, онъ тотчасъ послалъ донесеніе объ этой побѣдѣ къ Государю, чрезъ полковника Мишо, котораго Государь приказалъ прислать къ себѣ съ первымъ радостнымъ извѣстіемъ. Мишо, отпрапортовавъ Государю о Тарутинскомъ дѣлѣ, началъ просить его отъ имени своей арміи, чтобы онъ принялъ начальство надъ нею, на что Александръ отвѣчалъ: «Всѣ люди честолюбивы, признаюсь откровенно, и я не менѣе другихъ, и еслибъ только я внялъ одному этому чувству, то сѣлъ бы съ вами въ коляску и поѣхалъ въ армію. Я несомнѣнно увѣренъ, что побѣды у насъ неотъемлемы, и что остается только, какъ вы говорите, пожинать лавры. Знаю, что если я буду при арміи, то слава

билъ; онъ присылалъ въ русскій лагерь просить о возвращеніи тѣла его, или хоть сердца. — Въ этотъ же день Витгенштейнъ одержалъ надъ французами славную побѣду при Полоцкѣ.

отнесется ко мнѣ, и я займу мѣсто въ исторіи; но когда подумаю, какъ мало опытенъ я въ военномъ искусствѣ, въ сравненіи съ Наполеономъ, и что, не взирая на добрую волю мою, я могу сдѣлать ошибку, отъ которой прольется драгоцѣнная кровь моихъ дѣтей, то, не взирая на мое самолюбіе, охотно жертвую личною славою для благополучія арміи. Пусть пожинаетъ лавры тотъ, что болѣе меня достоинъ ихъ» (*).

6-го же Октября, Наполеонъ, приготовляясь оставить Москву, а между тѣмъ все ожидая на письмо свое отвѣта отъ Александра, вздумалъ сдѣлать смотръ корпусу Нея, послѣшно пришедшему изъ Богородска. Тогда утренникъ былъ морозный (а до того времени стояла довольно теплая погода), на крышахъ зданій показался иней; во французскомъ войскѣ замѣтенъ былъ упадокъ духа, уныніе и отсутствіе дисциплины; озябшіе солдаты, въ ожиданіи своего Императора, стояли въ строю съ посинѣлыми носами, сторбившись отъ холода; иные держали ружья подъ мышками, а пальцы отогрѣвали, забивъ ихъ въ ротъ и стуча ногами объ землю (**); офицеры, засунувъ руки въ карманы, суетливо бѣгали, вертѣлись и прыгали по плацу, выдѣлывая разныя морозныя па (***)). Нѣкоторые изъ нихъ ходили по ширенгамъ съ списками въ рукахъ и выкликали солдатъ; но многихъ изъ нихъ не оказалось на лицо (****). Вотъ явился и

(*) Этотъ отвѣтъ долженъ быть достояніемъ исторіи.

(**) «Ишь зяблики, голоколѣбники, ужъ выучились плясать русскаго трепака,» говорили, смотря на нихъ, московскіе жители.

(***) Воспоминаніе очевидца.

(****) Они были убиты русскими; всѣ трупы французозъ хоронили въ Москвѣ, гдѣ ни попало и зарывали въ землю тѣла ихъ не болѣе, какъ на 2 и на 3 вершка.

Наполеонъ, но его встрѣтили не такъ уже восторженно, какъ прежде. Онъ замѣтилъ безпорядокъ въ дисциплинѣ, нахмурился, сошелъ съ лошади, которую ординарецъ началъ кормить сахаромъ и подалъ знакъ; начался разводъ, и въ то время, когда мимо его начали проходить полки съ распущенными знаменами и съ музыкою, примчался отъ Мюрата курьеръ, Адъютантъ его, Беранже, съ донесеніемъ, что въ этотъ день, на разсвѣтъ, русская армія атаковала французскій авангардъ, и они должны были отступить отъ своей прежней позиціи. Наполеонъ отъ этого извѣстія пришелъ въ такое смущеніе, что забылъ всѣ распоряженія свои, началъ давать новые приказы и тотчасъ же перемѣнялъ ихъ. Геній сдѣлался простымъ человѣкомъ. Наконецъ, одумавшись, онъ приказалъ войску въ эту же ночь выступать на калужскую дорогу (*). Адъютанты его бросились во всѣ стороны. Тотчасъ появился и дневной приказъ: «сего вечера, въ 8 часовъ, всѣ корпуса должны изготавиться къ выступленію изъ Москвы; каждый генералъ возьметъ съ собою фуражи и съѣстныхъ припасовъ сколько можетъ (**). Тогда всѣмъ войскомъ его овладѣлъ паническій страхъ, началась страшная суматоха: всѣ бросились торопливо укладывать свой багажъ и награбленныя вещи въ фуры. Къ довершенію ужаса французовъ, чрезъ Серпуховскую заставу потянулись по-

(*) У Наполеона всегда войска готовы были къ выступленію; часто въ Парижѣ полки, прямо съ площади, по окончаніи смотра, отправлялись въ Испанію.

(**) Многіе французскіе историкки, особенно Шамбре, свидѣлствуютъ, что французы, по невозможности вывести съ собою запасы, предали ихъ огню; напр: сарочинское плечо и проч. хранившесся въ здапіяхъ комисаріата, въ Симоновомъ Монастырѣ и въ кремлѣ.

возги, съ ранеными подъ Тарутинымъ; стоны ихъ далеко разносились по окрестностямъ. Еще не смерклось, а ужъ сборы непріятелей готовились къ окончанію; повсюду слышался разноязычный говоръ, ржаніе осѣдланыхъ лошадей, звукъ оружія, грохотъ артиллеріи, скрипъ обозовъ и фуръ; на каменномъ мосту въ особенности толпилось множество французовъ, сновавшихъ взадъ и впередъ (*). Предъ самымъ выступомъ ихъ, трубачи возвѣстили о походѣ; раздалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, грянула музыка, но войско было въ уныніи; ужъ это была не та музыка, торжественные звуки которой оглашали ихъ непрерывныя побѣды. Обозы двинулись на Калужскую дорогу, которая была такъ стѣснена ими, что долго не возможно было ни пройти, ни проѣхать по ней; русскихъ брали проводниками (**).

«И поднялись вороны съ орлинаго гнѣзда!»...

Видъ французской арміи, выступающей изъ Москвы, былъ самый странный: верстъ на тридцать, среди длинныхъ колоннъ немногихъ стройныхъ полковъ гвардіи и 600 пушекъ, влекомыхъ истощенными лошадьми, тянулось болѣе десяти тысячъ каретъ, колясокъ, дрожекъ, брычекъ, телѣгъ и фургоновъ; кромѣ того движеніе арміи затруднялось безчисленнымъ множествомъ обозовъ, (всѣхъ болѣе 40 тысячъ повозокъ) (***)).

Позади арміи тянулся длинный хвостъ нестроевыхъ, принадлежавшихъ къ арміи чиновниковъ, маркитан-

(*) Москворѣцкій мостъ сгорѣлъ; вмѣсто его устроенъ былъ плочучій.

(**) Выходъ французовъ изъ Москвы былъ въ день 7-го Вселенскаго собора.

(***) Баронъ Денъе.

товъ, придворнаго штата Наполеона и другихъ служителей, также иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ и присоединившихся къ непріятелямъ актеровъ и прочихъ (*). Эта армія представляла собою какъ бы кочующую толпу народовъ, отыскивающей себѣ мѣсто для привала. На кавалерскихъ лошадяхъ, на патронныхъ и на зарядныхъ ящикахъ находились вьюки, а солдаты тащили, согнувшись, на себѣ награбленное московское добро. Было и такъ, что рядовые солдаты ѣхали въ роскошныхъ каретахъ, обгоняя пѣшихъ офицеровъ (**).

Современные писатели полагаютъ, что Наполеонъ вступилъ въ Москву съ 110 тыс: человекъ (сверхъ того къ нему прибыло туда выздоровѣвшихъ и отсталыхъ до 25 тыс.) а выступилъ изъ Москвы онъ съ 105 тыс: человекъ, слѣдовательно въ Москвѣ погибло у него отъ болѣзней, партизановъ и поселянъ до 30 тысячъ человекъ..

Выступленіе свое изъ Москвы Наполеонъ провозгласилъ фланговымъ (боковымъ) движеніемъ, угрожаю-

(*) Директоръ придворнаго Московскаго театра Наполеона, Боссе далъ свое лондо и лошадей артисткамъ: Андре и Бюрсей, прочіе помѣстились какъ и гдѣ пошло; морозъ и въ кареты просовывалъ холодныя иглы свои; много потерпѣли они и не всѣ достигли Парижа, лошади ихъ падали среди дороги, самъ Боссе ѣхалъ верхомъ на пушкѣ (на бронзовомъ конѣ, говорили французы). Г-жа Фюзи въ Вильнѣ нашла какую-то спротку, 5 лѣтъ, покинутую въ суматохѣ родителями, во время приближенія къ Вильнѣ русскихъ; она привезла ее въ Парижъ. Это событіе подало поводъ Скрибу написать водевилъ, подъ названіемъ: «*Ольга русская сирота.*» По отъѣздѣ артистовъ, въ Московскомъ Театрѣ наши страшное запустѣніе: въ немъ валялись дохлыя лошади, корридоры завалены были разломанною мебелью и разбитыми зеркалами, уборныя засорены обрѣзками парчи и бархата. (Пантеонъ русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ, 1849 года).

(**) Н. П. Липранди.

щимъ Петербургу и приближающимъ армію его къ зимнимъ квартирамъ. Большая часть ея дѣйствительно осталась въ Россіи зимовать на вѣки!.. Маршалу Мортье, оставшемуся въ Москвѣ, кромѣ другихъ порученій, приказано было Наполеономъ, по сигналу, подорвать кремль и другія зданія; это было какое-то дѣтское, малодушное мщеніе — казнить камни. Остатокъ французскаго войска находился въ кремлѣ; рѣдко проходилъ патруль по Москвѣ или мелькалъ какой нибудь непріятельскій солдатъ по опустѣлымъ улицамъ, предварительно осмотрѣвшись хорошенько, нѣтъ-ли гдѣ нибудь русскаго, не грозитъ ли ему откуда нибудь смерть или увѣчье; кой гдѣ, изъ обгороженныхъ зданій, робко высовывались головы московскихъ жителей; по раснесшейся между ними молвѣ, всѣ ожидали, что городъ разрушится до основанія и всѣ жители будутъ побиты.

Между тѣмъ французская армія перешла на правый берегъ Пахры и повернула на Оминское. Наполеонъ, узнавъ чрезъ шпионовъ своихъ, что Кутузовъ не думаетъ на него напасть, послалъ къ Мортье приказъ: подорвать кремль и очистить Москву (*). Въ это время Генералъ Винценгероде, стоявшій съ небольшимъ своимъ отрядомъ близъ Тверской заставы, узналъ о выступленіи непріятелей изъ Москвы и о пагубномъ намѣреніи ихъ взорвать кремль; быстро атаковалъ онъ непріятельскіе посты, принудилъ ихъ отступить и, преслѣдуя ихъ, отдѣлился отъ свое-

(*) Приготовленія къ подорванію Кремля, т. е. подкопы подъ зданія его, были уже сдѣланы; Наполеонъ, смотря на теченіе дѣлъ своихъ, думалъ еще имѣть для себя въ Кремлѣ укрѣпленное мѣсто, если бы надлежало ему воротиться въ Москву.

го отряда; онъ рѣшился вѣхать въ Москву, чтобы убѣдить маршала оставить ее и не исполнить варварскаго повелѣнія Наполеона. Винценгероде ѣхалъ по Тверской съ адъютантомъ своимъ, ротмистромъ Нарышкинымъ, и съ однимъ козакомъ, безъ трубача; подпустивъ его къ себѣ на близкое разстоянiе, непрiатели, не взирая на то, что Генераль махалъ имъ бѣлымъ платкомъ (въ означенiе переговоровъ), схватили всѣхъ ихъ, какъ военнопленныхъ и представили Мортье, который, не входя съ ними ни въ какiя объясненiя, отправилъ ихъ въ главную квартиру Наполеона (*).

10-го Октября цѣлый день французы взрывали понтоны и зарядные ящики, вывозили больныхъ изъ госпиталей (**); Мортье поспѣшалъ сборами своими, смятенiе французовъ было чрезвычайное. Въ это время у Тверской заставы появились козаки; нѣкоторые, оставшіеся въ Москвѣ французскіе генералы, просто бѣжали, не успѣвъ захватить свою добычу, а нѣкоторые не взяли даже нужныхъ плановъ и бумагъ (по которымъ послѣ увидѣли большія потери непрiате-

(*) Баронъ Винценгероде представленъ былъ Наполеону въ Вереѣ, раздраженный Наполеонъ сказалъ ему: «если ты Саксонецъ или Баварецъ, то мой подданный, и я вѣю тебя разстрѣлять.» Винценгероде отвѣчалъ ему: «Государы 20 лѣтъ жду я французской пули и готовъ умереть». Его съ адъютантомъ Нарышкинымъ везли за арміею Наполеона, въ сопровожденiи трехъ жандармовъ. Проѣхавъ Минскъ, Винценгероде увидѣлъ мелькнувшаго вдали казака, привсталъ съ повозки и закричалъ: «я русскій Генераль!» [Козакъ исчезъ—и вдругъ опять явился съ 12-ю товарищами, мигомъ обезоружили они жандармовъ, пересадили пленныхъ на своихъ лошадей и ускакали съ ними къ главному посту флигель-адъютанта Чернышева.

(Шолное собраніе анекдотовъ 1815 года.)

(**) Многихъ изъ нихъ оставили въ Москвѣ, по недостатку повозокъ и лошадей.

лей); они оставили болѣе тысячи повозокъ, за недостаткомъ лошадей, и потому не могли увести русскихъ пушекъ. Тутъ появились изъ всѣхъ потайныхъ норъ Московскіе обыватели, крича: «ура, ура! козаки, козаки!» Въ это время было перебито множество отсталыхъ французовъ.

Надъ Москвою висѣла темная, непроглядная ночь и вдругъ за калужской заставой грянула пушка, у каменнаго моста отозвалась другая, въ кремль, при блеснувшей молніи, раскатился третій выстрѣлъ... Послѣ этого настало глубокое затишье; всѣ изумились, услышавъ эти выстрѣлы; московскіе жители подумали, что французы опять воротились въ Москву, но сигнальные залпы скоро пояснили свое дѣло: чрезъ нѣсколько времени раздался такой оглушительный, трескучій ударъ, отъ котораго заколебалась земля, застонала даль, задрожали и обрушились дома, въ дребезги разбились стекла; вылетѣли оконницы, стѣны и потолки треснули, мебель въ домахъ сдвинулась съ мѣста и попадала, бревна и камни полетѣли по воздуху... Эти взрывы и удары съ перекатами повторялись нѣсколько разъ... Запламенѣло небо, будто облокнутое красною фольгою, къ нему брызнули фонтаны искръ, надъ кремлемъ разверзлось огнедышащее жерло и, среди мрака, ярко обрисовались силуэты кремлевскихъ зданій и блестящіе кресты соборовъ.

Послѣдніе удары возвѣстили жителямъ Москвы окончаніе ихъ бѣдствій и начало бѣгства французовъ (*).

(*) Предъ выступленіемъ французовъ изъ Москвы, былъ еще взрывъ пороховаго погреба на полевомъ дворѣ (около станціи Николаевской желѣзной дороги). Въ это же время изъ селъ: Петровскаго-Разумов-

Испуганный Мортье, не успѣвъ привести вполнѣ замысль Наполеона, т. е. подорвать весь Кремль, въ 6 часовъ вечера, поспѣшно выступилъ изъ Москвы; онъ успѣлъ зажечь только одну часть подкопа и, опасаясь плѣна, бросился догонять свою отступающую армію (*). Къ счастью не всѣ мины были подорваны; въ это самое время, изъ безоблачнаго неба, вдругъ полилъ дождь и залилъ вспыхнувший пожаръ. Соборы уцѣлѣли, но пристройки подлѣ Ивана Великаго, арсеналь и многія башни были совершенно разрушены, также сгорѣлъ дворецъ. Къ общему изумленію, образъ св. Николая, находившійся на полуразрушенной Никольской башнѣ, остался невредимъ, тогда какъ въ Сенатѣ, близъ этой башни, не осталось не только ни одного стекла, но даже ни одной рамы. Описаніе этого чуда сохранено для памяти потомства въ надписи, изображенной, по повелѣнію Государя, на дскѣ, подъ самымъ образомъ (**). Многіе отъ этихъ

скаго, Всесвятскаго, Покровскаго и прочихъ окрестностей, также изъ тамошнихъ лѣсовъ, выступили поселяне и помогли козакамъ разбить отрядъ французовъ, около Петровскаго Дворца; множество труповъ ихъ похоронено въ глиняныхъ ямахъ, за Тверской заставой.

(*) Наполеонъ хотѣлъ уничтожить и церковь Василія Блаженнаго, назвавъ ее мечетью. По тогдашнему исчисленію, въ Москвѣ сгорѣло всѣхъ зданій съ церквями около шести съ половиною тысячъ. Полагаютъ, что убытковъ отъ пожара и войны доходитъ до 321 милліона, (по исчисленію Коммиссіи).

(**) Тамъ находится слѣдующая надпись: Въ 1812 году, во время непріятельскаго пашествія, твердыня сія почти вся была разрушена подрывомъ непріятеля, но чудесною силою Божіею, св. Образъ Угодника Божія, Святителя Николая, здѣ начертанный на самомъ камени, и не только сей образъ, но стекло, прикрывающее оный, и фонарь со свѣщю, остались невредимы. Кто Богъ Великъ, яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ, творяи чудеса! Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ.» Стекла въ кивотахъ у св. Образовъ на башняхъ Спасской и другихъ не-

страшныхъ, потрясающихъ звуковъ, попадали ницъ, иные, трепещущіе, стояли на колѣняхъ и молились Богу, ожидая вѣрной смерти. Ужасна была картина разрушенія, представляющаяся съ набережной: отъ силы взрыва, желѣзная рѣшетка набережной была изломана, исковеркана, дома, на другой сторонѣ берега Москвы рѣки, облѣплены мусоромъ и вонзившимися въ стѣны осколками камней; поверхность Москвы-рѣки покрывалась, точно серебромъ, оглушенною и всплывшею на верхъ рыбою. Между одной взорванной угловой башней Кремля и Троицкими воротами, какъ будто бы текла сѣрая, волнующаяся масса, низвергавшаяся, въ видѣ водопада, исписанная бумага, выброшенная непріятелями изъ кремлевскихъ архивовъ. Козаки никого не впускали въ Кремль (*). Въ тотъ же день прискакалъ въ Москву Генералъ Иловайскій съ отрядомъ козаковъ; онъ возстановилъ наскоро возможный порядокъ и издалъ 2 объявленія слѣдующаго содержания. 1) (отъ 12-го Октября) Непритель, тѣснимый и вседневно пораженный нашими войсками, вынужденъ былъ очистить Москву, но, убѣгая, умышлялъ онъ поразить новою скорбію христіюбивый народъ русскій, взорвавъ подкопами Кремль и Божіи храмы, въ коихъ почиваютъ тѣлеса угодниковъ. Дивенъ Богъ во Святыхъ Его! Стѣны кремлевскія и почти всѣ зданія взлетѣли на воздухъ, а соборы и храмы, вмѣщающіе мощи Святыхъ, остались цѣлы и невредимы, въ знаменіе милосердія Господня къ царю и царству русскому.»

взорванныхъ также совершенно уцѣлѣли съ висѣвшими предъ ними фонарями.

(*) Воспоминаніе очевидца.

2-е объявленіе отъ 14: октября «Слава Богу! первопрестольный градъ очищенъ отъ враговъ. Окрестные жители могутъ теперь быть спокойны и привозить безопасно въ древнюю столицу всѣ произведенія земли и издѣлія свои. Обитатели Москвы нуждаются въ жизненныхъ припасахъ; я увѣренъ, что всякій русскій будетъ продавать привезенное имъ за умѣренную цѣну; торговые дни назначаются тѣ же, какіе и были прежде. Пріѣздъ въ Москву обезпеченъ воинскими отрядами. Господь милосердъ! Государь нашъ благотворителенъ! Народъ русскій единоклубенъ, и скоро древняя столица возвратитъ прежнюю свою славу и благоенствіе.» Съ этого дня Москва почиталась окончательно свободною отъ враговъ.

Кто бы узналъ тогда, нѣкогда людную, обстроенную зданіями Москву? Высокіе храмы съ позолочеными куполами, барскія палаты—все это или исчезло или исказилось, являло на себѣ клеймо пожара и представляло груды развалинъ; страшно промчался надъ Москвою ураганъ разрушенія и глубоко впились въ нее слѣды его. Въ иномъ мѣстѣ стояли стѣны безъ кровель и обезглавленные церкви, въ другомъ мрачно чернѣлись закоптѣлыя трубы и печи, какъ остовы, или представлялись пепелища домовъ еще курящіяся, дымящіяся, наполнявшія улицы удушливымъ смядомъ. Вѣтеръ вылъ и свистѣлъ, пролетая сквозь выбитыя окна и выломанныя двери, сколько нибудь сохранившихся домовъ и звучно шевелилъ полусторванными желѣзными листами кровель. Опасно было по мостовымъ ходить отъ проваловъ въ погребъ и колодцы и въ помойныя ямы; во многихъ мѣстахъ валялись дохлыя лошади и другія животныя, между которыми находились и человѣческіе трупы;

полиція Наполеона если и хоронила ихъ, то кое какъ, умирающихъ съ умершими и, какъ сказано уже было, зарывали тѣло въ землю, не болѣе какъ на 2 или на 3 вершка (*).

Изъ ополченій прежде всѣхъ прибыло въ Москву Владимірское, съ начальникомъ своимъ, Генераломъ Спиридовымъ; за ними пріѣхали Оберъ-Полиціймейстеръ съ полицією и съ пожарными инструментами и Московскій Комендантъ, Эссенъ (**): Докторъ Воробьевской официально доносилъ Правительству, что отъ неуборки и гніенія труповъ угрожаетъ опасность: повальная болѣзнь, и потому тогда правительство тотчасъ озаботилось очистить городъ отъ смѣшаннаго зловонія, происшедшаго отъ гари, смрада и разложенія труповъ. Для этого назначены были фурманчики, они собирали ихъ (какъ нѣкогда во время моровой язвы)—въ фуры и свозили за заставы, въ Марьину рощу и въ прочія отдаленныя мѣста, также къ крымскому броду, гдѣ сожигали ихъ: сперва укладывали тамъ рядъ дровъ, а на нихъ трупы, изъ чего составлялись огромные костры, которые сожигались по ночамъ, въ продолженіе мѣсяца. Картина была поражающая, невыносимо грустная (***)... Между развалинами зданій, двигались, какъ привидѣнія, жители

(*) Русскіе и Пап. Бонапарте, сочиненіе московскаго жителя, 1813 года.

(**) Пзвѣстный драматургъ, кн. Шаховской, одинъ изъ первыхъ въѣхалъ въ развалины Кремля.

Моск. альманахъ 1826 г.

(***) Фурманчики жгли обнаженные трупы неприятелей, они пользовались одеждою ихъ, особливо мундирами французовъ, которые послѣ продавались на рынкахъ и площадяхъ.

Разсказъ современника той эпохи.

Москвы, отыскивавшіе свои жилища; нѣкоторые изъ нихъ еще робко оглядывались, опасаясь возвращенія французовъ, но козаки, занявшіе всѣ посты въ Москвѣ, афиши Иловайскаго и возвращеніе полиціи ободрили ихъ. Вотъ начали мало по малу съѣзжаться изъ разныхъ губерній и удалившіеся отъ непріятельскаго погрома жители; какова была въ Москвѣ встрѣча знакомыхъ!.. Вы живы, и вы! Ну, слава Богу!» восклицали, они обнимаясь со слезами и повѣдуя другъ другу свои приключенія. Многіе еще не возвратились въ Москву, потому что негдѣ было жить въ суровое время года. Неимущіе погорѣлые жили на бивакахъ, иные пріютились въ Лефортовскомъ дворцѣ, въ спасскихъ казармахъ и въ чужихъ обгорѣлыхъ зданіяхъ, занавѣшивая оконницы и двери рогожами; тамъ вскорѣ открылись даже харчевни и начали варить новаго рода пиво изъ сахарнаго песку, во множествѣ собраннаго въ разныхъ частяхъ Москвы. Квартиры въ удѣлѣвшихъ зданіяхъ отдавались за дорогую цѣну, и потому въ одной комнатѣ тѣснилось нѣсколько семействъ.—Но вотъ раздались звуки топоровъ, сперва начали скалачивать шалаши, и, покамѣсть, наскоро поправлять увѣчные дома (*).

Для полной картины пожараща Москвы и для удовлетворенія любопытныхъ, особенно жителей Москвы, представляю оффиціальное статистическое свѣдѣніе о числѣ жителей въ ней, до нашествія въ нее непріятелей и о числѣ погорѣвшихъ въ Москвѣ зданій, сравнительно съ 1822 годомъ (десятилѣтняя разница).

(*) Позже всѣхъ казенныхъ зданій отстрѣснъ арсеналь.

Потомственныхъ и личныхъ дворянъ въ 1812 году было 14,247 ч. въ 1722—14,724; приказнослужащихъ 1898, 1722,—3101 (*), Священно и церковно-служащихъ съ монашествующими 4,804, а въ 1812 г. 4,388 (**); купцевъ 20,277 и 1822 г. 9392 (значительная разница (**)); мѣщанъ: 18,853,—23,029, цѣховыхъ 6,192—10,384; иностранцевъ: 2,862—2,385; разнощичевъ 10,135—10,069; солдатъ 16,395—21,893 фабричныхъ: 4635—1854; ямщиковъ 1,654—1882; дворовыхъ людей: 84,880—53,541; (замѣчательныя цифры для того времени); крестьянъ: 70,299—234,400 челов. Въ 1822 г. въ сравненіи съ 1812 число г. жителей въ Москвѣ оказалось менѣе на 22,731 человекъ.

Домовъ въ 1812 г. было въ Москвѣ каменныхъ: 2,567; изъ нихъ выжжено 2041 (осталось 526) деревянныхъ: 6,591, выжжено 4,491 (осталось 2,100; лавокъ каменныхъ было: 6,324 выжжено 5335 (осталось 989); деревянныхъ: 2,197, выжжено, 1818 (осталось 379); не совсѣмъ сгорѣвшихъ, а только обгорѣлыхъ домовъ каменныхъ: 180, деревянныхъ 223; порожнихъ загороженныхъ мѣстъ: 367, незагороженныхъ: 223 (****); кромѣ того сколько еще было обгорѣлыхъ церквей, безъ главъ и крестовъ, натреснутыхъ отъ жара; (изъ

(*) Они поступали тогда въ государственную службу изъ всѣхъ званій, (выключая крѣпостнаго состоянія), особенно изъ духовнаго и вольноотпущенныхъ людей.

(**) Послѣ 1812 года многія церкви въ Москвѣ уничтожены.

(***) Вѣроятно многіе купцы, разорившіеся въ то время, приписались въ мѣщанское общество, а многіе разбогатѣли, посредствомъ разныхъ оборотовъ, пользуясь смутнымъ временемъ.

(****) Московскія Вѣдомости 1823 г. № 14-й—№ 1-й Москов. Вѣдомостей, послѣ выступленія неприятеля изъ Москвы, вышедъ 23-го Мая, 1812 года.

237 ц. 12 изъ нихъ сгорѣли, а 115 обгорѣли; прочія разграблены).

Теперь взглянемъ на мѣстность пожарищъ:

Нѣмецкая слобода вся была выжжена и съ слободскимъ дворцомъ; у Богоявленія (близь Елохова моста) уцѣлѣлъ только домъ Гр. Головкина, а у Вознесенія, на Гороховомъ полѣ, дома Демидова и Гр. Разумовскаго. Въ старой Басманной уцѣлѣли только 4 дома, въ томъ числѣ большіе: Хлѣбниковой и Кн. Куракина; у красныхъ воротъ остался запасный дворецъ, въ новой Басманиой сгорѣли дома: Аршеневскаго; Гр. Гудовича, Высоцкаго, Кн. Голицына, Мѣщанинова и пр. небольшіе. На Земляномъ валу почти всё зданія сгорѣли, кромѣ Шереметьевской больницы и большаго корпуса спасскихъ казармъ; домъ Оберъ-Полицмейстера также сгорѣлъ; Сухарева башня уцѣлѣла. Отъ Никольскихъ воротъ до Мясницкихъ всё дома уцѣлѣли, а отъ Мясницкихъ до Красныхъ воротъ почти всё были выжжены. Отъ Никольскихъ воротъ до Срѣтенскихъ почти всё дома были цѣлы, также и къ Кузнецкому мосту, (кромѣ флигеля, въ которомъ помѣщалась, славившаяся тогда конфетная лавка, Гуа; также гражданскаго губернатора, Обрѣзкова, Анненкова и Рѣшетникова. На Лубянкѣ всё дома уцѣлѣли, въ томъ числѣ и Гр. Растопчина (*). Отъ Воскресенскихъ воротъ, по Тверской, до дома Главнокомандующаго, всё дома сгорѣли, въ томъ числѣ и Гр. Гудовича; уцѣлѣли: домъ Главнокомандующаго и, близь него, домъ танцовальнаго клуба.

(*) Непрiатели, предъ выходомъ своимъ изъ Москвы, начинили въ немъ всё трубы порохомъ; къ счастью истопникъ это замѣтилъ и отвратилъ опасность.

Отъ Покровскихъ воротъ до Мясницкихъ дома были цѣлы. Отъ Тверскихъ до Мясницкихъ также многіе уцѣлѣли, въ томъ числѣ, на бульварѣ, и большой домъ Соловова, также Пушкина, Князя Гагарина (Н. Серг.); въ немъ тогда помѣщался англійскій клубъ. Отъ Покровскихъ воротъ до Ильинскихъ почти всё дома уцѣлѣли, выключая домовъ: Кн. Трубецкаго, Мещерскаго и Мясоѣдова; Покровскія казармы сгорѣли, уцѣлѣлъ только нижній этажъ со сводами. Воспитательный домъ уцѣлѣлъ; половину его заняли раненые французы (1,500 чел., послѣ ихъ перемѣстили въ разныя больницы). Гостинные ряды и Замо-скворѣчье сгорѣли. На Никольской уцѣлѣли только дома: Гр. Шереметева, духовной типографіи и Ку-совникова; книжныя лавки сгорѣли. На Моховой сгорѣлъ университетъ, дома Нарышкина и Пашкова (новый университетъ); на Пречистенкѣ домъ Всеволожскаго и сестры его Княгини Мещерской уцѣлѣли; ихъ спасъ французъ, редакторъ типографіи; на Никитской почти всё дома сгорѣли, выключая домовъ: Гр. Маркова (бывшій князя Меншикова) и Познякова; также многіе на Воздвиженкѣ сдѣлались добычею пожара. Въ заключеніе всего скажемъ, что часть Петровскаго дворца сгорѣла.

Ужъ нечего говорить о дальнихъ концахъ Москвы; надобно замѣтить, что большею частію тѣ дома уцѣлѣли, въ которыхъ помѣщались французскіе генералы и въ которыхъ находились разныя казенные склады ихъ арміи, или лежали больные; эти дома зорко и строго караулили (*).

(*) У Владимірскихъ и у Никольскихъ воротъ находились французскія батареи; слѣды ихъ видны были долгое время.

Да, неприглядна была картина опустошенной, ужъ не бѣлокаменной, а чернокаменной Москвы; нѣкоторые обгорѣлые дома, безъ крышъ, дымились еще; надъ ними безобразно высились, какъ мачты, черныя закоптѣлыя трубы; кой-гдѣ въ подвалахъ этихъ домовъ мелькали огоньки пріютившихся тамъ жителей; на улицахъ задымились кучи навоза, зажженные, для отвращенія отъ заразы мертвыхъ тѣлъ. Прибывшіе съ отрядомъ козаковъ толпы подмосковныхъ крестьянъ, устремились за добычей. Они собирали богатую дань, особенно съ убитыхъ французовъ, которыхъ они отыскивали по разнымъ ямамъ, по подпольямъ и по погребницамъ, а трупы ихъ выбрасывали, куда попало, даже выбывали изъ оконъ домовъ на улицы, или въ нечистыя мѣста. Вскорѣ около гостинаго ряда, на Моисеевской площади, на Тверской, противъ дома главнокомандующаго и на нѣкоторыхъ другихъ площадяхъ появились балаганы, шалаши, досчатые лавочки и треножки съ съестными и прочими припасами. Закипѣла мелкая промышленность; иные начали торговать просто, на разостланныхъ рогожахъ, всякою рухлядью, обломанною мебелью, одеждою, обувью; расхищенная собственность жителей собиралась въ кучи; здѣсь можетъ быть иной покупалъ свою собственную вещь. Сперва все шло за бѣзцѣнокъ, потомъ всѣ товары, равно какъ и квартиры, ужасно вздорожали.

Наконецъ, въ третій день, утромъ, послѣ выступленія непріятелей изъ Москвы, въ Страстномъ монастырѣ послышался уже не унылый, но торжественный благовѣстъ къ обѣднѣ и къ благодарственному молебну; по его призыву, раздались звуки колоколовъ и съ прочихъ уцѣлѣвшихъ колоколенъ.

Шесть недѣль Москва не оглашалась этими отрадными, торжественными звуками—и вотъ, она какъ будто очнулась; народъ съ восторгомъ поспѣшилъ на это радостное благовѣстіе, и въ воздухѣ какъ будто повѣяло освобожденіемъ; наболѣвшія сердца русскихъ воскресли....

Пока начала оживать Москва, взглянемъ, что въ это время дѣлалось въ Тарутинскомъ лагерѣ; скоро мы опять воротимся въ нее, чтобы дорисовать общую картину возрождавшейся столицы.

Императоръ Александръ, еще 2-го Октября, прислалъ Кутузову повелѣніе, начать наступательныя дѣйствія противъ непріятелей: «Вспомните, писалъ онъ ему, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы». Кутузовъ получилъ это повелѣніе тогда, когда уже начались наступательныя дѣйствія на непріятелей, когда Мюратъ былъ уже разбитъ. Кутузовъ зналъ только о приготовленіи Наполеона къ выступленію изъ Москвы, но онъ не зналъ еще о совершенномъ отступленіи его на Калужскую дорогу. Наполеонъ хитрилъ; по его распоряженію, Маршалъ Бертье, изъ селенія Фоминскаго, при поворотѣ на новую Калужскую дорогу, отправилъ къ Кутузову письмо, посланное *будто бы изъ Москвы*, въ которомъ Маршалъ просилъ Кутузова о рѣшительномъ отвѣтѣ на мирныя предложенія Лористона. Наполеонъ хотѣлъ оставить Кутузова въ невѣденіи о движеніи своей арміи, чтобы имѣть время выбраться на сытую, неразоренную дорогу. Французскій полковникъ Бартеми, прибывъ въ Тарутинскій лагерь, не замѣтилъ тамъ никакихъ приготовленій

къ походу; впрочемъ Фельдмаршалъ, на всякій случай, принялъ мѣры предосторожности: всѣ наблюдательные посты русскихъ были подкрѣплены войсками, въ томъ числѣ и корпусъ Дорохова, стоявшій около Боровска. Французскіе писатели превозносятъ обходный маневръ Наполеона, который, въ свою очередь, провелъ хитраго русскаго военачальника; никто не ожидалъ, что французы желали прорваться на эту дорогу; казалось, счастье улыбалось еще непріателямъ; но можно-ли было что нибудь скрыть отъ летучихъ отрядовъ нашихъ партизановъ, которые рыскали повсюду, тревожа непріателей всегда и вездѣ? Такъ одинъ изъ партизановъ, Сеславинъ, тотчасъ открылъ движеніе и направленіе всей массы непріательской арміи на Оминское, и поспѣшилъ увѣдомить объ томъ Дохтурова; но Дохтуровъ не совсѣмъ вѣрилъ еще тому; тогда Сеславинъ, съ горяча и съ досады, бросился на французскіе биваки, расположенные около Боровска, схватилъ плѣнныхъ и представилъ Дохтурову офицера Наполеоновой гвардіи; офицеръ подтвердилъ это извѣстіе; Дороховъ тотчасъ же послалъ начальника своего штаба, Бологовскаго, съ донесеніемъ объ этомъ къ Кутузову, а самъ поспѣшилъ къ Малоярославцу, предупредить непріателя.

Въ Тарутинскомъ лагерѣ давно уже скучали бездѣйствіемъ; всѣ чего то ждали, ждали—и наконецъ дождались... Лишь только что летунъ—куррьеръ извѣстилъ Кутузова о выступленіи французовъ изъ Москвы и о намѣреніи ихъ тайкомъ пробраться въ хлѣбородныя наши губерніи, какъ вдругъ Кутузовъ явился посреди лагеря съ одушевленнымъ лицомъ и громко, торжественно поздравилъ нетерпѣливыхъ ратоборцевъ своихъ съ давно ожидаемой, наступающей битвой....

О, что тогда произошло! Встрепенулся весь лагерь, всѣ ожили, всѣ начали поздравлять другъ друга; явились пѣвцы молодые, голоса заливные, грянули веселыя пѣсни и пошла круговая!.... Въ дополненіе ко всему этому, вечеромъ, наканунѣ выступленія изъ лагеря, среди разложенныхъ огней, съ поднятыми кубками въ рукахъ, наши войны, собравшись въ кружокъ, восторжено пѣли и читали сладкозвучные стихи русскаго Баяна-Жуковскаго (*).

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ!
 Хвала вамъ, чада славы!
 Дружиной смѣлой, вамъ во слѣдъ,
 Бѣжимъ на пиръ кровавый.
 Да мчится нашъ побѣдный строй
 Предъ нашими орлами,
 Да сѣтъ нашъ предтеча въ бой
 Погибель надъ врагами!
 Наполнимъ кубокъ! мечъ во длаць!
 Внимай нашъ вѣчный мститель:
 За гибель гибель, брань за брань,
 И казнь тебѣ, губитель!
 Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
 Страна, гдѣ мы впервые
 Вкусили сладость бытія,
 Поля, холмы родные,
 Роднаго неба милый свѣтъ,
 Знакомые потоки,
 Златыя игры первыхъ лѣтъ
 И первыхъ лѣтъ уроки!
 Что вашу прелесть замѣнить?
 О родина святая,
 Какое сердце не дрожитъ,
 Тебя благословляя!

(*) Пѣвецъ во стаѣ русскихъ воиновъ.

Туть было сказано все!

Надо было спѣшить, предупредить, остановить, отбросить непріятеля отъ юга Россіи. Ударили сборъ, быстро снялся лагерь и 11-го Октября двинулись все въ полномъ маршѣ въ походъ къ Боровску. Наполеонъ обходилъ лѣвый флангъ нашей арміи; Дохтуровъ вмѣстѣ съ Дороховымъ, только съ 10 тыс. войска, спѣшили по кратчайшему пути къ Малоярославцу, и 12 Октября нашли уже предъ нимъ Платова, съ отрядомъ козаковъ; но городъ былъ уже занятъ французами. Рано утромъ завязалось сраженіе, въ которомъ не могла участвовать конница, потому что бой происходилъ на улицахъ. Среди грома артиллеріи, городъ переходилъ изъ рукъ въ руки 5 разъ. Въ полдень прибылъ туда Наполеонъ со всею своею арміею и тотчасъ велѣлъ поставить нѣсколько батарей на берегу р. Лужи. Корпусъ Даву громилъ русскихъ; положеніе ихъ было критическое: отовсюду французская артиллерія мчалась по грудамъ тѣлъ; наши раненые отпалзывали въ сторону; но вдругъ блеснули вдали штыки русской арміи—и тогда началась рѣшительная, роковая битва. Ужь наступила ночь; весь городъ объятъ былъ пламенемъ; оттуда, какъ тѣни, выскакивали: то французы, то русскіе; сквозь оглушительную пальбу прорывались звуки барабановъ. Ночью французы утвердились въ городѣ. Наполеонъ въ Маломъ Ярославцѣ, съ высоты уцѣлѣвшей колокольни, видѣлъ ужасныя слѣды упорной битвы и 13 Окт., рано утромъ, разсмотрѣлъ русскую армію, стоявшую немного далѣе ружейнаго выстрѣла отъ города, въ боевомъ порядкѣ, слитую въ сплошную массу. Прорваться къ Калугѣ ему надобно было сквозь наше войско; дать генеральное сраженіе онъ опа-

сался; онъ видѣлъ ожесточенную упорность русскихъ: не стороняться отъ него съ дороги, но наброситься на него всею массою силъ своихъ; онъ боялся расшибиться объ эту живую стѣну. На военномъ совѣтѣ французскихъ генераловъ положено было *отступить*, чтобъ сохранить свою растроенную армію, и вотъ, ветераны Наполеона, привыкшіе къ непрерывнымъ побѣдамъ, съ поникшими головами, опять поворотили на прежнюю свою смоленскую дорогу, на Можайскъ, чрезъ Боровскъ, Верею. Гжатскъ и т. д.

Въ продолженіе этого времени, Наполеонъ чуть не попался въ плѣнъ козакамъ; его выручилъ Маршалъ Бессьеръ.

Между тѣмъ и русскіе начали совершать отступленіе по Калужской дорогѣ къ Дѣтчину, чтобы предупредить непріятелей на пути ихъ къ Юхнову. Кажалось оба полководца, Наполеонъ и Кутузовъ, были въ нерѣшимости: они не совсѣмъ довѣряли своимъ силамъ. Наполеонъ потянулся къ Боровску, оставивъ въ Малоярославцѣ корпусъ Даву, для замаскированія своего отступленія, Кутузовъ же оставилъ тамъ Милорадовича съ его авангардомъ, а самъ, со всею арміею, тронулся къ Гончарову. Войска наши, отступая, роптали....

Изумительно было видѣть, что въ одну и ту же ночь (съ 13-го на 14-го Октября) обѣ арміи отступали другъ отъ друга. И вотъ, начинаются, доселѣ неслыханныя, бѣдствія, для бывшей, нѣкогда стройной, громадной французской арміи; но пока она выбирается на старую дорогу, въ разсказѣ моемъ опять перемѣняется декорация, и опять представляет-ся Москва.

Москва постепенно оживала, изъ близъ лежащихъ около нее городовъ и деревень продолжалъ стекаться народъ, чрезъ заставы тянулись обозы съ жизненными припасами; воза ѣхали чрезъ неогороженные сады съ обгорѣлыми деревьями, съ жизненными припасами (*); на площадяхъ появились разные ремесленники, въ томъ числѣ каменщики и плотники, предлагавшіе, кому угодно, свои услуги. Появились и мясныя лавки, изъ наскоро сколоченныхъ лубковъ, къ нимъ бросились испостившіеся голодные жители съ такимъ стремленіемъ, что къ дверямъ ихъ приставили козаконъ съ нагайками; но врядъ ли продавцы остались съ барышемъ, потому что масса народа сдвинула эти лавки съ мѣстъ ихъ, и ужь тутъ некогда было сводить счетовъ; за то продавцы хлѣба наживались; въ первые привозы его они брали за фунтъ ржанаго хлѣба по 25 коп. (ассигн.) а за небольшой калачь, по 30 копѣекъ (**).

Разумѣется, сначала большая часть московскихъ жителей, вмѣстѣ съ безпріютностію своею, не имѣла средствъ и къ пропитанію; если-жъ кто изъ нихъ рѣшился просить милостыню, то за этимъ надобно было обращаться то же къ нищимъ. Продажа разной мелочи, въ послѣдствіи времени, открылась еще въ другихъ мѣстахъ Москвы; тамъ уставили вверхъ дномъ кадки или подѣлали подмостки и на нихъ расклали то же разный смѣшанный товаръ: чай, деготь, сахаръ и соль, пеньку и шелковыя матеріи, книги и стеклянную посуду, старое желѣзо и галантерейныя вещи. Кромѣ того тамъ сновами взадъ и впередъ

(*) Духъ журналовъ 1817 г.

(**) По свидѣтельству современниковъ.

ходебщики съ съѣстными и другими товарами; кто носилъ въ глиняной корчагѣ масляную пшеничную кашу, и за веревочнымъ поясомъ его торчали деревянные ложки, кто на лоткѣ похваливалъ гороховый кисель, покрытый слоемъ войлоковъ или грязныхъ тряпицъ, на которыхъ лежали разной величины и формы деревянные чашечки; изъ пазухи кашника высовывалось горлышко масляной бутылки. Иной густымъ басомъ кричалъ наименованіе своего товара, состоявшаго изъ разнаго тряпья, и очевидецъ, изъ воспоминаній котораго мы заимствуемъ описаніе этого торжища, узналъ въ немъ пѣвчаго изъ Синодальнаго хора. Нѣмецъ, бывшій содержатель пансіона, въ алой уланской конфедераткѣ, съ полуоторваннымъ козырькомъ, подпоясанный черной кожаной португеею, съ изображеніемъ на бѣлой бляхѣ ея буквы №, носилъ ящикъ съ нюхательнымъ табакомъ, оклеенный пестрыми обоями и уставленный вокругъ цвѣтными бумажными трубочками, разной величины: *на копль-ка на два трубка, нюхай!* кричалъ онъ. «Ишь, нѣмецъ-то, ишь мусьѣ-то, на все изловчится» говорилъ народъ, глядя на него. Деревенская баба въ кичкѣ, одѣтая въ непріятельскую шинель, съ гербовыми пуговицами и подпоясанная бѣлою солдатскою португеею, носила, для продажи, на глиняномъ противнѣ, запыленную говяжью студень; мужикъ въ зипунѣ, въ высокой гусарской медвѣжьей шапкѣ, продавалъ моченый горохъ; мальчишка, облѣпленный какими-то лохмотьями, кричалъ: «блины горячіе!» и чтобъ эти блины не стыли, они были покрыты кавалерійскимъ чепракомъ, съ вышитыми, по концамъ его, французскими гербами; другой продавалъ разныя иностранныя монеты, которыми охотники играли уже въ орлянку;

дряхлая старуха съ усиліемъ тащила охапку длинныхъ непріятельскихъ палашей, и, кланяясь проходящимъ, упрашивала ихъ: «родные, голубчики мои, избавьте старуху отъ тяжелой ноши, купите, дешево отдамъ, достались-то они мнѣ, послѣ злодѣя хранцуза, годятся хоть на косари, щепать лучину. Sic transit...

На смѣну козакамъ и ополченцамъ, для занятія карауловъ, вступили въ Москву пѣхотные полки, потомъ прибыла и полиція, на послѣдахъ ужь съѣхались и прочія городскія власти. Гр. Растропчинъ, прибывъ въ Москву, засталъ уже угасающее, но все еще дымящееся пепелище ея. Онъ засталъ еще бродягъ, расхищавшихъ винные подвалы, кладовыя и другія потайныя мѣста, гдѣ было запрятано достояніе Москвитянь; онъ тотчасъ принялъ мѣры къ прекращенію всѣхъ безпорядковъ. Къ дому его начали стекаться толпы безпріютныхъ, съ просьбами о вспоможеніи; онъ озаботился о размѣщеніи ихъ, по возможности, по квартирамъ и о доставленіи имъ одежды и пропитанія. Таковыхъ бѣдняковъ считалось до 3,000 человекъ.

По прибытіи своемъ въ Москву, онъ издалъ послѣднюю афишу къ крестьянамъ Московской губерніи: «По возвращеніи моемъ въ Москву, узналъ я, что вы, недовольны бывъ тѣмъ, что таскали, что попадалось вамъ на пепелищѣ, еще вздумали грабить дома господъ своихъ по деревнямъ и выходить изъ послушанія. Ужъ многихъ зачинщиковъ привезли сюда. Неужели вамъ хочется попасть въ бѣду? Славное вы дѣло сдѣлали, что не поддались Бонапарту, и отъ этого онъ околѣвалъ съ голоду въ Москвѣ, а теперь бѣжитъ, не оглядываясь и арміи его живой не приходитъ; покойниковъ французскихъ никто не под-

везеть до ихъ дому. Ну, такъ Бонапарта не слушались, а теперь слушаетесь какого-нибудь домашняго вора. Вѣдь опять и капитанъ-исправники и засѣдатели есть на мѣстѣ. Гей, ребята, живите смирно, а то дураки, забіячныя головы, кричатъ: батюшки, не будемъ.» (*).

Сдѣлавъ на скоро распоряженіе въ Москвѣ о приведеніи ея въ возможный порядокъ, Графъ написалъ къ Преосв. Августину: «Врагъ человѣческаго рода, опустошивъ Москву и оскверня храмы, сопровождаемый проклятіями россійскаго народа, съ малымъ числомъ оставшейся въ живыхъ нечестивой рати своей, предался бѣгству, желая довершить злодѣйство разореніемъ Кремля подкопами; но рука Всевышняго спасла отъ паденія Соборы и Ивановскую колоколю и прахъ царей нашихъ съ Державою Государя Императора: они съ вѣрностію и мужествомъ народа, ему преданнаго, остались непоколебимы. Обманутый ложною надеждою и ослѣпленный успѣхами, онъ мечталъ покорить Россію, предписать ей законы, но Россія возстала вся на него, попрала его силу и повергла страшное могущество Наполеона къ подпожію Александра І-го. Сообщая о семъ происшествіи Вашему Преосв—ству, прошу направить путь Вашъ къ первопрестольному граду, коего жители желаютъ возвращенія Вашего, церкви освященія, и всѣ истинные христіане присутствія чудотворныхъ иконъ: Иверской и Владимірской Божіей Матери, для принесенія имъ теплыхъ молитвъ, за избавленіе свое отъ нашествія врага и уничтоженія гордыни его».

(*) Гр. Растропчинъ вышелъ въ отставку въ 1814 г. (на мѣсто его поступилъ одинъ изъ героевъ войны 1812 г. Гр. А. П. Тормасовъ); онъ умеръ въ Москвѣ, въ 1826 г. и схороненъ на Пятницкомъ кладбищѣ.

Изъ Казани возвратился въ Москву Сенать, изъ Владиміра канцелярія Гражданскаго Губернатора; многіе переселенцы прибыли изъ Ярославля, изъ Нижняго возвратилось Губернское правленіе, Архивъ иностранныхъ дѣлъ, многіе купцы прибыли изъ Рязани и изъ другихъ мѣстъ; тогда носился слухъ, что Нижній-Новгородъ замѣнить сгорѣвшую Москву; въ немъ собрались литераторы: Карамзинъ, В. Л. Пушкинъ (*), Малиновскій, Батюшковъ; выключая Жуковскаго, звуки пѣсень котораго сливались съ пушечными громами. (Изъ поэтовъ Князь Вяземскій участвовалъ на Бородинскомъ сраженіи; также Батюшковъ и профессоръ русской словесности Дерптскаго университета, Кайсаровъ, были подъ градомъ пуль).

Пресв. Августинъ, проживая въ Муромѣ, получилъ письмо Гр. Растопчина 18 Октября. Нельзя выразить тотъ восторгъ, который охватилъ, преисполнилъ душу архипастыря, при извѣстіи о бѣгствѣ непріятеля изъ Москвы; весь городъ сочувствовалъ этой радости; тотчасъ всѣ отправились въ Соборъ, для принесенія благодарственнаго молебна Спасителю. Тамъ все-народно, предъ литургією, прочитано было письмо Гр. Растопчина, а послѣ литургіи, Преосвященный произнесъ на этотъ случай одушевленную рѣчь. Вскорѣ послѣ того муромскіе жители собрались на проводы чудотворныхъ иконъ и Преосвященнаго, изъ своего города въ Москву. Раздался колокольный звонъ, заколыхались хоругви, появился крестный ходъ. Народъ да-

(*) Тамъ онъ написалъ привѣтствіе свое къ городу. *Примите насъ подъ свой покровъ, питомцы волжскихъ береговъ;* музыку къ нимъ сочинилъ извѣстный нашъ ученый естествоиспытатель, Григ. Иванов. Фишеръ фонъ Вальдгеймъ; къ Вѣстнику Европы 1813 г. приложены ноты на эту пѣснь.

леко, за городъ, несъ на рукахъ иконы Иверской и Владимірской Божіей Матери. Въ концѣ Октября Пресвященный прибылъ въ подмосковное село Черкизово (*), потому что въ Москвѣ негдѣ ему было пріютиться; архіерейскія подворья были сожжены; къ нему спѣшили на встрѣчу народъ и тѣснился около его экипажа и жилища, со слезами умиленія. Архипастырь привѣтствовалъ всѣхъ радостнымъ восклицаніемъ: *Христосъ Восресел!* 7 Ноября Августинъ перѣхалъ изъ Черкизова въ Срѣтенскій монастырь (**), и внесъ въ него иконы, въ теплую церковь и совершилъ тамъ козѣнопреклонное молебствіе. На другой день, ночью, съ нѣкоторыми духовными сановниками, чрезъ Боровицкія ворота, вступилъ онъ въ Кремль— и что представилось его взоромъ! Весь Кремль заваленъ былъ мусоромъ, камнями, сѣномъ, соломой, разбросаннымъ оружіемъ, человѣческими и конскими трупами, сломанными экипажами, мебелью и даже разбросанными по землѣ иконами. Съ стѣсненнымъ сердцемъ подступилъ онъ къ Успенскому Собору, двери котораго были заперты и запечатаны до его прибытія. Снаружи стѣны Собора торчали брусья, вставленные въ пробитыя отверстія ихъ, для коновязей, а что таилось внутри? можетъ быть подкопы. Опасно было войти туда, но Августинъ приказалъ отворить сѣверныя двери собора; это было исполнено и изъ нихъ пахнулъ удушливый воздухъ. Авгу-

(*) Черкизово отстоитъ въ 1-й верстѣ отъ Преображенской заставы, по Остроминской дорогѣ, это было нѣкогда любимое мѣсто-пребываніе Мятр. Платона; есть преданіе, что онъ тамъ хотѣлъ устроить свою Виапію.

(**) Онъ уцѣлѣлъ отъ сожженія, но былъ поврежденъ:

стинъ сказалъ сопровождавшимъ его: «помолитесь!» и самъ первый совершилъ трижды земное поклоненіе; потомъ, осѣнивъ входъ и себя крестнымъ знаменіемъ и воскликнувъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!» вступилъ въ храмъ; за нимъ вошли всѣ, сопровождавшіе его, держа предъ собою зажженные свѣчи. Лишь только мерцающій свѣтъ озарилъ внутренность храма—представилась ужасная картина запустѣнія и оскверненія этого святилища: кто содрогнулся, кто прослезился; окна въ соборѣ, отъ пороховыхъ взрывовъ, перебились, и сквозь нихъ нанесено было въ храмъ множество снѣгу; полъ былъ запыленъ, зачерненъ углями и навозомъ; на немъ шевелились отъ вѣтра стружки; валялись доскутья отъ одежды, вмѣсто большаго серебрянаго паникадила стояли вѣсы, на которыхъ непріатели вѣшали грабленные металлы (на иконостасѣ написаны были цифры награбленнаго: 325 пудъ серебра и 18 п. золота). Въ срединѣ храма стояли плавильные сосуды и на-тасканныя статуи изъ оружейной палаты, во всемъ вооруженіи ихъ. Съ иконостаса и съ иконъ содрано было серебро, ризница разбросана и все это, перемѣшанное съ валявшимися по полу иконами, загро-рожало входъ. Мощи св. Филиппа были изринуты изъ раки и лежали около нея на помостѣ; гробницы прочихъ Святителей обнажены отъ серебряныхъ украшеній, надъ гробницами митрополитовъ устроены были стойла для лошадей; мощи св. Петра, хотя находились на своемъ мѣстѣ, но также обнажены отъ бывшихъ украшеній и открыты (дотолѣ съ давнихъ временъ они были запечатаны). Мощи Св. Іоны, въ серебряной ракѣ, были неприкосновенны и при нихъ серебряная лампада, подсвѣчникъ и образъ Спасите-

ля въ дорогомъ окладѣ. Соборы Архангельскій и Благовѣщенскій (также какъ и Успенскій) были неповреждены отъ пороховыхъ взрывовъ, но также разграблены и осквернены. Въ Архангельскомъ соборѣ навалена была разная рухлядь и бочки, потоки вина не просохли еще на помостѣ храма. Мощи царевича Дмитрія были вынуты изъ раки и лежали близъ ея, на помостѣ.

По выходѣ французовъ изъ Москвы, священникъ Вознесенскаго монастыря, Ив. Яковлевъ, сокрылъ ихъ въ Соборной церкви Вознесенскаго монастыря, за иконостасомъ, чтобы сохранить ихъ отъ святотатственнаго расхищенія неразумной набожности (*). На Спасскихъ воротахъ уцѣлѣлъ, отъ грабежа враговъ, образъ Спасителя въ позолоченой серебряной ризѣ; Никольская башня, близъ арсенала, при взрываніи подкоповъ, отъ сотрясенія, сверху до половины, была разрушена; стѣна съ сѣверной стороны ея оторвана, но образъ надъ воротами св. Николая чудотворца и хрупкое стекло, покрывающее ликъ Угодника, какъ было уже сказано, не потерпѣли поврежденія (**). Въ Вознесенскомъ монастырѣ надодились

(*) Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ, передавъ тайну сокрытія мощей брату своему, свящ. Казанской, въ Сузевѣ, церкви. По указанію его мощи были взяты изъ монастыря и перенесены на свое мѣсто, за это онъ награженъ былъ набедренникомъ и получилъ отъ Преосвященнаго часть волосъ отъ мощей Царевича.—*Описание московской Троицкой церкви; свящ. Иоанна Орлова.*

(**) На воротахъ Савинскаго подворья образъ преп. Саввы, среди самого лютаго пламени, сохранился. Объ этихъ чудесахъ засвидѣтельствовалъ Августинъ въ одной изъ проповѣдей своихъ. Сильное колебаніе отъ пороховыхъ взрывовъ въ воздухѣ за полверсты повреждало зданія. *Духъ журналовъ 1812 года.*

семь французскихъ хлѣбныхъ печей, а у подошвы Ивана Вел. лежали два колоссальные колокола, упавшіе отъ погрома съ высоты этого зданія и онѣмѣвшіе, безъ языковъ. Раки надъ мощами Черниговскихъ угодниковъ также были обнажены.

10-го Ноября Преосвященный служилъ обѣдню въ Срѣтенскомъ монастырѣ, во время отправленія которой, онъ, со слезами на глазахъ, читалъ умиленную молитву, нарочно сочиненную имъ для этого времени. Послѣ литургіи тронулся изъ монастыря крестный ходъ; оттуда подняли и понесли икону Иверской Божіей Матери въ часовню, къ Воскресенскимъ воротамъ; большія толпы народа сопровождали ее; другой крестный ходъ, отъ часовни, съ кадилами и хоругвями, встрѣтилъ ее; это была чудная, поразительная, одушевленная картина: масса народа затопила собой не—только всю воскресенскую площадь, но и развалины строеній, обрушенные башни и обгорѣлыя стѣны домовъ, находящихся близъ площади. Подошедъ къ часовнѣ, Августинъ совершилъ водосвятіе предъ входомъ въ нее и окропилъ св. водою самую часовню; послѣ чего, съ благоговѣніемъ и съ подобающею честію, икона была поставлена на прежнее свое мѣсто, и въ часовнѣ опять раздался умиленный напѣвъ: *Богородице! прилежно нынѣ къ Тебѣ притечемъ, грѣшнии и смиреннии припадемъ* (*).

Въ этотъ же день Преосвященный сдѣлалъ обзорѣніе Чудову монастырю; онъ нашелъ и его въ такомъ же поруганіи, какъ и соборы; главный алтарь

(*) Во время освященія соборной церкви въ Срѣтен. монастырѣ Гр. Растопчинъ читалъ тамъ извѣстія о побѣдахъ русскихъ надъ полчищами Наполеона и тогда въ 1-й разъ стрѣляли изъ пушекъ, отбитыхъ у непріятелей.

храма его обращенъ былъ въ спальню Маршала Даву; (*) но что болѣе смутило скорбію Августина, такъ это то, что онъ не нашелъ тамъ мощей основателя этого монастыря, Св. Митрополита Алексія; усиленно всюду стали искать ихъ и наконецъ, въ преддверіи Благовѣщенской церкви, въ хламъ разодранныхъ ризъ, обрѣли ихъ и поставили на прежнее мѣсто. (**) 1-го Декабря Преосвященный освятилъ нижнюю церковь въ Покровскомъ Соборѣ, потомъ, съ большимъ крестнымъ ходомъ, отправился онъ на лобное мѣсто, освящать Китай городъ и обошелъ его вокругъ; въ это время вся Москва оглашалась торжественнымъ колокольнымъ звономъ. Бѣлый городъ былъ освященъ въ день рожденія Государя (12 Декабря). Два отдѣленія крестнаго хода сошлись въ Срѣтенскомъ монастырѣ, въ тамошнемъ новоосвященномъ храмѣ; послѣ Литургіи, Графъ Растворчинъ прочелъ тамъ депеши, полученныя изъ дѣйствующей арміи, о побѣдахъ ея надъ непріателемъ и опять раздался пушечный громъ, вмѣстѣ съ благовѣстіемъ о торжествѣ русскаго оружія (***) .

(*) Замѣчательно, что Даву присягалъ всѣмъ, кому попало: королю, конвенту, директоріи, республикѣ, консулу и Императору. Однажды у Наполеона спросили: зачѣмъ онъ употребляетъ на свою службу негодяевъ?—Наполеонъ отвѣчалъ: Министры Людовика XVI всѣ были честные люди, а онъ погибъ на эшафотѣ; я знаю французовъ, ихъ должно держать въ желѣзныхъ когтяхъ.

(**) На другой день (11 Ноября) скончался Митрополитъ Платонъ; онъ похороненъ въ Венеціи, въ церкви Лазарева Воскресенія. Викарію Августину поручено было управленіе Московскою Митрополіею. 11 Октяб. князь Шаховскій отправилъ своего Адъютанта, поручика Палицына, къ Платону, въ Венецію, съ извѣщеніемъ объ изгнаніи непріятелей изъ Москвы; этотъ вѣстникъ напомнилъ митрополиту доблестнаго келаря Троицкой Лавры, Авраамія Палицына.

(***) Торжественное открытіе Кремля воспослѣдовало уже въ слѣдующемъ году, Февраля 1-го, а на другой день (въ Срѣтеніе Гос-

Между тѣмъ, съ 23-го Ноября, возобновилось изданіе Московскихъ вѣдомостей, и въ 1-мъ № ихъ напечатанъ былъ (отъ 14-го Ноября) слѣдующій Высочайшій рескриптъ, на имя Главнокомандующаго:

«Хотя изгнанный изъ Москвы непріятель краткое время былъ въ ней, и хотя не преодолѣнемъ противу поставленной ему обороны онъ вошелъ въ нее и не силою осадныхъ орудій, но дѣйствіями не приличныхъ и срамныхъ для война зажиганій, грабительствъ и подрываній нанесъ ей тяжкій вредъ; однако же онъ не престанетъ тѣмъ тщеславиться и величаться. Для уничтоженія и помраченія сего самохвальства его, повелѣли мы Генераль Фельдмаршалу князю Кутузову, всю отбитую у него въ разныхъ сраженіяхъ артиллерію, препроводить въ Москву, гдѣ, на память многократныхъ побѣдъ и совершеннаго истребленія всѣхъ, дерзнувшихъ вступить въ Россію непріятельскихъ силъ, имѣетъ изъ сихъ, отнятыхъ у нихъ орудій, воздвигнуть быть увѣнчанный лаврами столбъ. Да свидѣтельствуемъ сей памятникъ не постыдныя и хищныя дѣла презрѣнныхъ зажигателей, но славные и знаменитые подвиги храбраго народа и войскъ, умѣющихъ на поляхъ брани карать враговъ и наказывать злодѣевъ. Въ слѣдствіе сего, имѣете вы сдѣлать надлежащее распоряженіе о приемѣ и храненіи сей артиллеріи, по мѣрѣ доставленія которой доводите оное до нашего свѣдѣнія.»

И вотъ, Москва мало по малу начала возрождаться и принимать новую физиогномію; ее тогда срав-

подне) носили мощи Св: Царевича Дмитрія вокругъ кремлевскихъ стѣнъ; въ день Св: Алексія Митрополита (12-го Февраля) въ Чудовъ монастырѣ освященъ былъ храмъ, во имя сего Святителя.

нивали съ невѣстой, для которой все закупаютъ, запасаютъ и готовятъ полною рукою: «Эта красавица (писала тогда), послѣ тяжелой болѣзни, съ блѣдными ланитами, съ небрежными власами, съ едва выступающимъ румянцемъ; она еще немоществуетъ, но врачи обѣщаютъ ей скорое и лучшее прежняго здравіе» (*). Это пророчество, какъ мы видимъ, исполнилось.

Теперь сдѣлаемъ очеркъ отступленія французовъ отъ Москвы до конца русской границы.

Въ день отступленія непріятелей отъ Малоярославца, доставленъ былъ Курскими гражданами въ нашу армію списокъ съ Иконы чудотворной курской Божіей Матери изъ Казанскаго Богородицкаго монастыря; тамошняя Игуменья, Назарета, также прислала Кутузову образъ казанской Божіей Матери (**).

До половины Октября русская армія продолжала еще отступать; всѣ удивлялись, что нигдѣ не слышно и не видно непріятелей, какъ вдругъ получено было увѣдомленіе, что и они отступаютъ на старую смоленскую дорогу: наше войско заняло Малоярославецъ,

(*) Духъ журналовъ 1817-го года.

(**) Во время отступленій, производимыхъ непріятелями около Москвы, графъ Милорадовичъ прикрылъ войсками своими имѣніе Графини Орловой Чесменской; въ изъявленіе признательности своей къ нему, Графиня, при благодарственномъ письмѣ, прислала (ему, украшенный драгоцѣнными камнями мечъ, подаренный родителю ея, Императрицей Екатериной II-й, за истребленіе турецкаго флота при Чесмѣ. За нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, жители Бухареста поднесли Милорадовичу также дорогой мечъ, за побѣду, одержанную имъ съ русскими войсками надъ Турками, въ Валахія.

отсюда Кутузовъ сдѣлалъ распоряженіе: полнымъ паралельнымъ маршемъ преслѣдовать враговъ (*).

И вотъ опять усугубилась, разгорѣлась народная война, на походѣ русскихъ войскъ опять стали встрѣчаться воины мужики, явившіеся на проводы незнанныхъ гостей, верхами, вооруженные чѣмъ попало, иной косою, утвержденною на длинномъ древкѣ, другой штыкомъ, прикрученномъ къ дубинѣ, третій большимъ гвоздемъ, прикрѣпленнымъ къ толстой палкѣ, на подобіе пика. «Сперва, говорили они, мы боялись бить француза, чтобъ насъ за то не потянули въ судъ, а если случалось иногда изподтишка загубить нехрестя, то мы прятали его въ колодезь или подъ соломѣ; но какъ пришелъ приказъ изъ Губернскаго и какъ сказалъ намъ исправникъ:» ребята, бей француза на пропалую! тогда то мы развернулись, тогда такая пришла намъ охота бить поганого звѣря, что иные для того покупали плѣнныхъ у козаковъ (**).

Кутузовъ съ главною арміею, двинувшись за непріателемъ, сказалъ Платову и Милородовичу: «Ну, господа, провожайте гостей нога въ ногу, а мы проселкомъ, лѣвою сторонкою, впередъ забѣжимъ. Пылкій Милорадовичъ съ своимъ авангардомъ порывался ударить на непріателя съ тыла и просилъ у Кутузова вспоможенія, но старый полководецъ хладнокровно отвѣчалъ ему: «и, полно, мой герой, погоди,

(*) 6 Октября происходило тирутинское сраженіе; того же числа англичане и испанцы разбили французовъ и заняли Мадридъ. Россія и Испанія въ одно время, съ двухъ крайнихъ рубежей Европы, подавали другъ другу руки; въ Испаніи шла въ то время ожесточенная народная война.

(**) Походныя записки артиллерииста, изд. 1835 года.

я жду еще вспомогательныхъ войскъ, русскихъ морозовъ (*); ты лучше побереги нашихъ солдатъ, а гдѣ нужно будетъ, дѣйствуй. Платовъ скормандовалъ своимъ Донцамъ: «шире шагъ!» и началъ трепать непріятелей, не давая имъ ни покоя, ни отдыха; французскіе маршалы хотѣли наказать его за это, но заплатили ему безчестіе убитыми и плѣнными. Русскій штыкъ и козацкая пика сильно напирала на непріятелей; отрядъ русскихъ вдругъ нагрянетъ на нихъ, сомнетъ и исчезнетъ какъ молніеносно-громовой ударъ. По старой тактикѣ, со временъ Суворова, который говорилъ: «пуля-дура, штыкъ молодецъ,» въ него вѣрили болѣе, нежели въ пушки.

Въ особенности Московская и Калужская губерніи ополчились противъ непріятелей; отъ народнаго нападенія и погони козаковъ, французы боялись далеко отстраняться отъ большой дороги за провіантомъ; лѣса и болота для русскихъ обращались въ крѣпости: «Ну, французы потянули, какъ журавли осевью, къ теплымъ мѣстамъ,» говорили тогда русскіе поселяне.

При выходѣ изъ Москвы, Наполеонъ сказалъ своимъ солдатамъ: «я поведу васъ на зимніе постой, и если встрѣчу на дорогѣ русскихъ, то разобью ихъ.» Но то ли оказалось на дѣлѣ! Невыносимо тяжело было для ветерановъ-французовъ, привыкшихъ къ непрерывнымъ побѣдамъ, отступать по разоренной дорогѣ, отъ сильнаго напора русскихъ войскъ. Не смотря на то, что погода стояла еще сносная, дни свѣтлые и непріятели терпѣли только недостатокъ въ съѣст-

(*) Въ иностранныхъ газетахъ писали: «Россія послала на Бонапарта троихъ ледяныхъ мужей—братьевъ: Декабрь, Генварь и Февраль.»

ныхъ припасахъ, по ночамъ началъ уже прохватывать ихъ холодъ отъ легкихъ заморозьевъ. Панорама отступленія ихъ была суетлива и поспѣшна: мѣшающіяся команды, артиллерійскія парки, повозки, обгоняющія одна другую, тянущіяся въ нѣсколько рядовъ и запружающія дорогу, звуки скрипучихъ и дребезжащихъ колесъ, громыханье кузововъ, телѣгъ и лафетовъ, крики понуканій, ругательства, по краямъ дороги палыя лошади, сломанныя повозки, на спускахъ и подъемахъ сгущенныя толпы солдатъ и возникшихъ, гдѣ раздавался пронзительный гулъ криковъ, и смѣсь осиплыхъ голосовъ, гдѣ непріатели утопали въ грязи, подхватывая орудія и фуры на руки. Въ иномъ мѣстѣ скользили копыта, лопались постромки, надрывались груди...

Наполеонъ, оставивъ въ сторонѣ Можайскъ, 16-го Октября ночевалъ близъ Бородина и на другой день проѣхалъ чрезъ это роковое историческое поле; онъ былъ пасмуренъ, ему какъ будто не хотѣлось и взглянуть на тамошніе холмы и равнины; печальные слѣды смерти и разгрома были тамъ еще явственны: полусогнившіе и обезображенные хищными птицами трупы людей и лошадей, обломки оружія, клочки мундировъ, а тамъ, вдали, кое гдѣ, мелькали деревянные кресты могилъ, поставленные родною или дружескою рукою, надъ отысканными и погребенными тѣлами падшихъ героевъ—все это производило грустное впечатлѣніе на отступающую армію. Наполеонъ шелъ въ авангардъ съ своею гвардіею; арріергардомъ командовалъ Даву; онъ довершалъ опустошеніе во всѣхъ, проходимыхъ имъ городахъ и деревняхъ. Опять появились столбы дыма и алія знамена огня на этой дорогѣ. Чтобы нѣсколько ободрить себя, гвардейская

музыка заиграла известную во французскомъ войскѣ пѣснь: *Ou peut on etre mieux qu au sein de sa famille* (что можетъ быть лучше, какъ находится въ своемъ семействѣ). Это почелъ Наполеонъ какъ бы укоромъ себѣ и велѣлъ музыкантамъ заиграть: *veillons au salut de l'empire!*—Эта пѣснь была ему привѣтствіемъ.

19-го Октября Наполеонъ прибылъ въ Вязьму; отдохнувъ тамъ два дня, въ ожиданіи своихъ корпусовъ, онъ отправился далѣе; но слѣдовавшіе за нимъ отряды были остановлены при Вязьмѣ Милорадовичемъ, который, будучи подкрѣпленъ Платовымъ, сталъ поперегъ дороги и ринулся на французовъ. Послѣ упорнаго сраженія, Даву пробился стороною дороги къ Вязьмѣ, но потерялъ свой обозъ, орудія, знамена и множество убитыхъ и плѣнныхъ. Отсюда уже, вмѣсто отступленія, началось безпорядочное бѣгство французской арміи; замѣтимъ, что это произошло еще до большихъ холодовъ.

Но что стало съ Вязьмой! Весь городъ превращенъ былъ въ развалины и кладбище, по улицамъ валялись обломки разнаго оружія, опрокинутыя фуры, погорѣлые остатки взорванныхъ ящиковъ; развалины зданій, преграждавшія дорогу, курились еще...

Въ самой срединѣ города собрано было до 2 тыс. плѣнныхъ французовъ; оборванные, загорѣлые, съ самыми плачевными физиономіями, занимались они дѣлежомъ мяса палыхъ лошадей; одни торопливо рѣзали себѣ большіе куски изъ окороковъ, другіе съ жадностію хватали печенку и легкое, а иные, воткнувъ на шомполы свои порціи, жарили ихъ надъ огнемъ развалинъ зданій, посыпая мясо, вмѣсто соли, поро-

хомъ (*). Вокругъ ихъ стояли конвойные русскіе солдаты, съ отвращеніемъ смотря на эту картину.

22-го Октября (день Казанской Божіей Матери и день сраженія подъ Вязьмою), выпалъ большой снѣгъ на оледенѣлую землю, закутились вьюги и мятели, забушеваль рѣзкій вѣтеръ; непріатели стояли на бивакахъ по колѣна въ снѣгу, и вотъ солдаты ихъ, не запасшись зимнимъ платьемъ и не бывъ достаточно обезпечены продовольствіемъ, начали бросать оружіе свое по дорогѣ; порядокъ и подчиненность исчезли, всякой заботился только о себѣ: никто не повелѣваль, никто и не подчинялся, полки мѣшались безъ разбору, корпуса распознавались только по тянувшимися за ними обозами, которыя отхватывали козаки (**). Еще не доходя до Смоленска, многіе изъ непріателей погибли; иные изъ нихъ, обезсиленные, ползали по дорогѣ, другіе искали себѣ пріюта подъ опрокинутыми фурами, иные, едва двигая окоченѣлыми челюстями, скорченные, сторбленные, въ какой то апатіи, глодали кости дохлыхъ лошадей, которыя также падали голодные и, не бывъ подкованы шипами, выбившись изъ силъ, ступая по скольской дорогѣ, валялись, едва шевелясь, полуживыя. Сохранившія сколько нибудь силъ, лошади, запре-

(*) По всей Смоленской дорогѣ наши воины часто встрѣчали издохшихъ лошадей, мягкія части которыхъ были вырѣзаны; въ утробѣ одной лошади видѣли француза, схватившагося обѣими руками за печеньку, но лютый морозъ окаменилъ его въ этомъ положеніи.

Записки артиллериста, 1835 года.

(**) Особенно отъ русской зимы терпѣли итальянцы, въ своихъ фантастическихъ костюмахъ—продуванчикахъ. Не съ тѣхъ ли поръ сложилась у насъ и пословица: *что русскому здорово, то нѣмцу смерть*, т. е. всякому иностранцу.

женныя по 12 и болѣе, едва тащили одну пушку; бывшіе конные солдаты шли толпою пѣшкомъ. Впрочемъ на иныхъ бивакахъ сверкали еще огоньки; тамъ французы жарили конину и утоляли жажду снѣгомъ, распускаемымъ въ манеркахъ.—Иные, изъ срубленныхъ еловыхъ вѣтвей, устраивали себѣ шалаши. Это были какія-то темныя пятна на бѣлизнѣ снѣга.

Нельзя сказать, чтобъ и наша армія имѣла во всемъ изобиліе; «хлѣбъ да вода, солдатская ѣда,» въ придачу сухари, да жиденская каша—въ походѣ и то слава Богу. Одеждой солдаты наши были обезпечены; еще въ Тарутинѣ розданы имъ были тулупы и валенки; днемъ, въ движеніи (при 10 градусномъ морозѣ) они не чувствовали холода, а ночью, на бивакахъ, офицеры разбивали себѣ палатки, а солдаты грѣлись около артельныхъ огней; иные спали подъ лафетами пушекъ. Лошади болѣе терпѣли: фуражировки, по опустошенной дорогѣ, доставляли не много продовольствія. Были больные и отсталые изъ нашей арміи, но большая часть, особенно главная армія, шла бодро и весело, нравственно успокоенная мыслью, что они гонятъ непріятелей съ родной земли. Такъ достигли они до Дорогобужа; и этотъ городъ весь былъ выжженъ; тамъ у французовъ находились магазины, но они уже были разграблены ими въ поспѣшномъ отступленіи, и водка текла по улицамъ. (*) Здѣсь одинъ французскій корпусъ оставилъ всю свою артиллерію. Смоленскъ почитали французы своимъ обѣтованнымъ пристанищемъ, но и тамъ уже

(*) По свидѣтельству Шамбре, въ Дорогобужѣ (25 окт.) всѣ русскіе плѣнные, взятые при Малоярославцѣ, были разстрѣляны.

Изъ записокъ Г. Дипранди.

было все расхищено, проходившими ихъ войсками; тамъ пробыли французы два дня; проголодавшіеся солдаты съѣдали вдругъ припасъ, назначенный на нѣсколько дней, хотя онъ состоялъ не въ хлѣбѣ, а только въ мукѣ, да и ее солдаты вырывали изъ рукъ другъ у друга (*). Ужь это была не раздача, а тотъ же грабежъ. Тамъ объявлено было еще о раздачѣ аммуниціи, но солдаты, бывъ уже нѣсколько разъ обмануты подобными приглашеніями, не являлись для полученія ея. (**) Дойдя до Смоленска, Наполеонъ потерялъ уже убитыми, плѣнными и умершими отъ холода и голода до 60,000 человекъ и до 400 пушекъ. Въ окрестностяхъ Смоленска были у французовъ также устроены магазины и приготовлены, для продовольствія арміи, большія стада рогатаго скота, но наши козаки и партизаны прежде передовыхъ непріятельскихъ войскъ пробрались туда, разбили конвой, охранявшій эти живые запасы, и весь рогатый скотъ погнали къ своей арміи. Согласимся съ французскими историками, что войско ихъ много потерпѣло отъ голода, но при хорошей, предусмотрительной распорядительности, этого бы не было; что же касается до холода, то французы, еще до большихъ морозовъ, отъ самой Москвы до Смоленска и далѣе, не однократно разбитые, бѣжали уже въ безпорядкѣ; еслибы Наполеонъ не извѣдалъ стойкости и храбро-

(*) Эту муку они заваривали въ кипяткѣ и дѣлали изъ нея мѣсиво, безъ соли и всякой приправы, а иногда протирали между двумя камнями сушенныя хлѣбныя зерна. Корпусъ Пей вступилъ въ Смоленскъ послѣдній и ничего уже не нашелъ тамъ.

(**) *Побѣга Французовъ*, брошюра 1813 года. Одна гвардія Наполеона получала провіантъ и аммуницію, но и то все скоро истощилось у нихъ.

сти нашей арміи, то, вѣроятно, даль бы ей генеральное сраженіе. Отдѣльные корпуса его, непрерывно тревожимые нашимъ войскомъ, часто вступали съ нимъ въ бой, но постоянно были разбиваемы; это неопровержимые факты. Нерѣшительность и медленность въ дѣйствіяхъ Кутузова выкупается приведеніемъ въ исполненіе удачно рассчитанныхъ стратегическихъ начертаній его. Въ то время въ Наполеонѣ нельзя уже было узнать генія; онъ потерялся и думалъ болѣе о личной своей безопасности и о сохраненіи своихъ любимцевъ, нежели о сохраненіи арміи; видя маршала Нея, шедшаго позади его и окруженнаго нашими отрядами, онъ нетерпѣливо восклицалъ: «я бы охотно далъ два милліона, чтобы спасти Нея (*). Но онъ самъ спасся, бѣжавъ, подобно предводителю своему, который съ самымъ безчеловѣчнымъ расчетомъ выставлялъ подъ русскія пули сперва нѣмцевъ, потомъ уже поляковъ, итальянцевъ, швейцарцевъ, голландцевъ и наконецъ французовъ (**).

Во всемъ этомъ согласны не одни нѣмецкіе журналы, но историки почти всей Европы. Въ заключеніе о гибельномъ вліяніи морозовъ на непріятелей, замѣтимъ, что стужа не могла имѣть гибельнаго

(*) У Наполеона хранились въ подвалахъ Тюльери большія сокровища, они принадлежали Бурбонамъ; надъ кроватью Наполеона блисталъ коронный алмазъ, украшавшій прежде законныхъ обладателей Франціи. Жозефина (1-я жена Наполеона) смотрѣлась въ драгоценный золотой туалетъ, принадлежавшій казенной французской королевѣ (супругѣ Людовика XVI).

Такъ сказано въ тайной исторіи Франціи, изд. 1805.

(**) *Справедливая повесть о походѣ Наполеона на Россію, къ утѣшенію нѣмецкому народу.* Переводъ съ нѣмецкаго языка Александръ Шишковымъ, 1814 года.

вліянія на французовъ; эти же самыя французы при соблюденіи дисциплины, нравственнаго состоянія и не упавшіе духомъ, выдерживали холода несравненно продолжительныя и сильнѣйшіе, безъ всякаго улучшенія одежды и обуви. Напримѣръ, когда они переходили чрезъ Альпы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, гдѣ они чрезъ глубину его переносили на плечахъ артиллерію. (*) По свидѣтельству самихъ французовъ, самая большая стужа, (продолжавшаяся только три дня) между Дорогобужемъ и Краснымъ, была слабѣе, нежели въ 1795 году, когда французская армія, въ Голландіи, перешла по льду Вааль и овладѣла голландскомъ флотомъ въ Зюйдерзе; или во время компаніи въ Пруссіи и Польши, въ 1807 году, когда большія массы войскъ, съ тяжелою артиллеріею, сшибались между собою на озерахъ, болотахъ и рѣкахъ, покрытыхъ льдомъ; между тѣмъ, какъ во время отступленія французовъ отъ Дорогобужа (въ то время только началась зима) до самой Березины, рѣки не замерзали до такой степени, чтобъ по нимъ можно было переходить по льду (**).

Захвативъ наскоро, что было заготовлено въ запасныхъ магазинахъ въ Смоленскѣ, Наполеонъ велѣлъ остальное сжечь, въ томъ числѣ и часть большаго обоза, сопровождавшаго его: орудія же велѣлъ онъ потопить въ рѣкѣ и зарыть въ землю, а самъ послѣдно продолжалъ отступленіе свое; (***) но Пла-

(*) Не голодъ и не морозъ были причиною гибели французскихъ полчищъ. Замѣчанія И. П. Липранди.

(**) Тамъ же.

(***) Наполеонъ пробылъ въ Смоленскѣ 5 дней; полагаютъ что онъ хотѣлъ тамъ остаться зимовать, но не нашедъ въ немъ достаточ-

товъ съ козаками своими накрылъ суматоху этого уничтоженія и отбилъ у непріятелей обозъ со 120 пушками (*). Подъ Краснымъ, (5 Ноября), гдѣ самъ Кутузовъ настигъ непріятелей, произошло трехдневное сраженіе; Наполеонъ сдалъ начальство Маршалу Даву, который, потерявъ жезлъ свой, бѣжалъ, оставивъ, пришедшаго къ нему на подкрѣпленіе Нея, на произволь судьбы. Французы защищались упорно, отчаянно, имъ хотѣлось пробиться чрезъ корпусъ Милорадовича, который застѣнилъ имъ дорогу, но они были опрокинуты во всѣхъ пунктахъ и понесли

ныхъ запасовъ и видя отсюда собиравшіяся надъ нимъ грозовыя тучи, онъ отступилъ далѣе, и вскорѣ послѣ этого раздался грохотъ взрывовъ города. Башни его и древнія зданія полетѣли на воздухъ. Изъ переформированнаго имъ войска корпусовъ, старой и молодой гвардіи, набралось еще до 35 тыс. Это было еще грозное войско, снабженное всѣмъ гораздо лучше, нежели прочіе скитающіеся оборвыши. Наполеонъ съ наступленія холодовъ ѣхалъ въ каретѣ, въ собольей шубѣ и въ теплыхъ сапогахъ; вокругъ него двигалась еще живая стѣна защитниковъ; чтобъ окуражить ее, онъ приказалъ играть гвардейской музыкѣ національныя пѣсни и славу побѣдъ. Тамъ веселились по указу, впрочемъ всѣ видѣли, что и самому предводителю ихъ было жутко, особенно поразила его, во время отступленія, вѣсть о заговорѣ Малле, который распространилъ въ Парижѣ слухъ о смерти Наполеона:—тогда-то оказалось, что у него было много тайныхъ враговъ и что власть его непорочна; но этотъ заговоръ скоро открылся и виновные были арестованы и казнены.

(*) Гибельна была переправа французовъ чрезъ рѣку Воль, а послѣ чрезъ Днѣпръ. Кутузовъ не рѣшился напасть на главный оплотъ французской арміи всѣмъ напоромъ войскъ своихъ: «пусть непріятели сами пропадутъ», говорилъ онъ, а если мы потеряемъ много солдатъ, то съ чѣмъ же придемъ на границу. Ген. Ден. Давыдовъ пишетъ въ своихъ сочиненіяхъ, что французская гвардія представляла тогда еще грозную осанку и изъ сомкнутыхъ колоннъ ея образовалась гранитная стѣна: въ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ, въ синихъ сюртукахъ, въ бѣлыхъ ремняхъ, съ красными султанами и эполетами, они казались маковымъ цвѣтомъ, среди бѣлоснѣжнаго поля».

ужасную потерю убитыми, пѣнными, разными орудіями и вещами, награбленными въ Москвѣ. Ужъ тутъ дѣйствовалъ не морозъ русскій, а жаркій русскій огонь и холодный штыкъ. Между тѣмъ въ Мониторѣ писали, что русскіе дѣйствовали въ этомъ сраженіи на лыжахъ. Современники—очевидцы говорили, что подъ Краснымъ всё поля были *красныя*, отъ множества пролитой крови, а про Нея говорили, что онъ дѣйствовалъ, какъ храбрый солдатъ, но какъ плохой военачальникъ. Здѣсь также отличился съ своими козаками и Платовъ. Кутузовъ, по случаю этой новой побѣды, далъ большое прозднество; между трофеями его находилось много великолѣпныхъ почетныхъ непріятельскихъ знаменъ; онъ велѣлъ ихъ доставить въ гвардейскій русскій станъ и тамъ, предъ каждымъ полкомъ, низко преклонять ихъ. Многіе французы цѣлыми толпами, приходя въ нашъ лагерь, сами напрашивались въ плѣнъ. Добыча русскихъ, состоявшая изъ разныхъ драгоценностей, была неисчислима; козаки нѣсколько возовъ съ нею послали къ себѣ на Донъ; Платовъ препроводилъ къ фельдмаршалу 60 пудъ серебра, а Кутузовъ отправилъ его къ Пр. Амвросію въ Петербургъ; даже мужички наши, Башкиры, Калмыки и ополченскія дружины (которые такъ французамъ *удружили*) (*) горстями черпали золото. Тогда за русскую ассигнацію давали тамъ мѣшокъ серебра, каждая дорогая вещь шла за безцѣнокъ. Эти событія можно назвать *первымъ* періодомъ отступленія непріятелей; *второй* начался отъ *Краснаго* до р. Березины.

(*) Тогдашняя поговорка.

За побѣды подъ Краснымъ и вообще за дѣйствія въ Смоленской Губерніи, Кутузовъ получилъ титулъ «Смоленскаго», Милорадовичъ орденъ св. Георгія 2-го класса, а Платовъ графское достоинство. Смоленская Божія Матерь, сопровождавшая русскую армію, 10-го Ноября, въ воскресенье, ровно *чрезъ три мѣсяца*, внесена была въ предмѣстіе Смоленска. По предварительномъ извѣщеніи о томъ, присутствующій Смоленской консисторіи, протоіерей Ал. Васильевъ, объявилъ въ уцѣлѣвшемъ отъ разоренія Успенскомъ соборѣ, собравшемуся тамъ народу, отношеніе о томъ Генерала Коновницына и пригласилъ всѣхъ встрѣчать икону. Граждане съ восторгомъ и радостію приняли это приглашеніе. Въ соборѣ раздался торжественный благовѣстъ; духовенство, войско и народъ изъ всѣхъ окрестностей Смоленска пошли изъ собора за городъ съ крестнымъ ходомъ. Комендантъ Смоленска, Горихвастовъ, поставилъ въ парадъ 20-й егерскій полкъ и отрядъ козаковъ. Чудотворная икона встрѣчена была за Малоховскими воротами; смоленскіе жители приняли ее со слезами умиленія, духовенствомъ отправленъ былъ молебенъ Божіей Матери, а граждане, поднявъ ее, понесли въ городъ, чрезъ Никольскія ворота, у входа ихъ, стоявшее въ парадѣ войско, производило пушечную и ружейную пальбу, звуки которой слились съ повсемѣстнымъ колокольнымъ звономъ. У Троицкаго монастыря эта процессія встрѣчена была Архимандритомъ Іосифомъ; въ самый Успенскій соборъ икона внесена была и поставлена на прежнее мѣсто офицерами, находящихся тамъ полковъ. Послѣ этого начался колѣнопреклоненный молебенъ; при воспѣтіи многолѣтія Государю, его Фамиліи и побѣдоносному русскому

воинству, произведена была опять пальба. Всѣ стали прикладываться къ иконѣ и, въ заключеніи всего, Смоленяне единогласно изъявили желаніе, чтобы въ память сохраненія этой иконы, всѣ обстоятельства пребыванія ея въ армию и возвращенія въ родной ихъ городъ, означены были въ приличной надписи на самой иконѣ. Общее желаніе это исполнено въ точности (*). Текстъ Евангельскій: «*пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяца и возвратися въ домъ свой*», было, какъ бы истиннымъ пророчествомъ скорого возвращенія иконы въ *домъ свой*, ибо она привезена въ Смоленскомъ 8-го Ноября, изо дня въ день, чрезъ *три мѣсяца*, послѣ отсутствія Ея.

Во время сраженія подъ Краснымъ (6-го Ноября) наши солдаты, при шумѣ зимнихъ бурь и при оглушительныхъ смертоносныхъ громахъ, ошиблись въ числахъ; они думали, что уже наступило 8-е Ноября, день именинъ М. А. Милорадовича (**); лишь только онъ явился предъ рядами воиновъ, въ самый разгаръ битвы, какъ вдругъ раздались въ русскихъ полкахъ со всѣхъ сторонъ восклицанія: «Ура! поздравляемъ со днемъ ангела нашего отца!» Подъ свистомъ ядръ Милорадовичу нѣкогда было разувѣрять солдатъ въ ошибкѣ и онъ обратилъ ее въ пользу русскаго оружія. Въ эту минуту показалась изъ лѣсу Французская ко-

(*) Сѣверная почта, 1812 года. № 27-й.

(**) Число 6-е въ этой кампаніи также ознаменовано важными происшествіями: 6-го Іюля Государь далъ слово, «что не положитъ оружія, доколѣ хотя одинъ врагъ останется въ Россіи»; 6 Сентября Кутузовъ перешелъ на Калужскій трактъ, чѣмъ спасъ плодородныя наши Губерніи отъ непріятелей; 6-го Октября, при Тарутинѣ, разбить былъ Мюратъ; въ этотъ же день Витгенштейнъ разбилъ Сен-Сира и перешелъ Двину; 6-го Ноября, при Красномъ, разбить былъ Ней, и наконецъ, 6-го Декабря: французы оставили предѣлы Россіи.

лонна, предводимая Неемъ: «солдаты-молодцы!» воскликнулъ Милорадовичъ, обратясь къ Павловскому гренадерскому полку, «дарю вамъ эту колонну!»—и поздравители въ одно мгновеніе спустили этотъ именнинный подарокъ съ высоты штыками (*).

Въ Петербургѣ, 8-го Ноября, въ Казанскомъ соборѣ, въ присутствіи Сената и многихъ знатныхъ особъ, совершенно было благодарственное колѣнопреклоненное молебствіе, за побѣды русскихъ надъ французами и читано было донесеніе Кутузова къ Государю, отъ 28-го октября, начинающееся сими словами: «Великъ Богъ, Всемилостивѣйшій Государь! Припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, поздравляю Васъ вновь съ побѣдою. 4-й французскій корпусъ, подъ командою вице-короля Итальянскаго, совершенно разбитъ.» Потомъ прочтенъ былъ манифестъ Государя (отъ 3-го Ноября), въ которомъ обозначался весь ходъ войны, вѣроломное вторженіе неприятелей въ предѣлы Россіи, страшные, предосудительные предъ цѣлымъ свѣтомъ поступки ихъ въ нашемъ отечествѣ, самоотверженіе и храбрость русскихъ и проч: кончается манифестъ слѣдующими словами: «При таковыхъ доблестяхъ нашего народа, мы, вмѣстѣ съ православною церковію, св. Синодомъ и Духовенствомъ призывая на помощь Бога, несомнѣнно надѣемся, что если неукротимый врагъ нашъ и поругатель святыни не погибнетъ совершенно отъ руки Россіи, то, по крайней мѣрѣ, по глубокимъ ранамъ и текущей крови своей, почувствуетъ силу ея и могущество. Между тѣмъ почитаемъ за долгъ и

(*) Полное собраніе анекдотовъ достопамятной войны русскихъ съ французами. Москва 1815 года.

обязанность, симъ нашимъ всенароднымъ объявленіемъ, изъявить предъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность нашу и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу россійскому (*)».

29-го Октября Кутузовъ издадъ приказъ своей арміи, извѣщающій о побѣдахъ, одерживаемыхъ ежедневно надъ непріятелями, ввѣренными ему войсками; онъ заключаетъ его слѣдующими словами: «послѣ таковыхъ успѣховъ, остается намъ только быстро преслѣдовать ихъ и тогда, можетъ быть, земля русская, которую мечталъ непріятель поработить, усѣется костью его. Настаетъ зима, вьюги и морозы, но вамъ ли бояться ихъ, дѣти сѣвера? Желѣзная грудь ваша не страшится ни суровости погодъ, ни злости враговъ: она есть надежная стѣна отечества, о которую все сокрушается. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпѣніемъ; старые служивые дадутъ примѣръ молодымъ. Пусть всякій помнитъ Суворова, онъ научилъ сносить голодъ и холодъ, когда дѣло шло о побѣдѣ и о славѣ русскаго народа. Идемъ впередъ! Съ нами Богъ, предъ нами разбитый непріятель, за нами да будетъ тишина и спокойствіе (**).

Почти въ то же время войсковою атаманъ, Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, отдалъ приказъ по всему донскому войску: «Я въ полной мѣрѣ увѣренъ, что всякій изъ насъ долженъ чувствовать очевидное молосердіе Божіе и Его святое къ намъ покровитель-

(*) Отъ 31 октября было донесеніе отъ Генерала Ртищева объ побѣдѣ, одержанной Генераломъ Котляревскимъ надъ Персами.

(**) «Непріятель бѣжитъ отъ насъ нѣсколько сотъ верстъ, какъ школьникъ отъ строгаго учителя,» писалъ тогда Кутузовъ въ одномъ частномъ письмѣ своемъ.

ство, подавшее намъ способъ къ прогнанію инопле-
меннаго врага изъ нашихъ границъ.

Сія благодать Божія да пребудеть во вѣкъ неизгла-
дима изъ сердець нашихъ. Мы должны по всей спра-
ведливости доказать предъ всѣми наше душевное
усердіе къ Богу и, въ знакъ признательности къ Не-
му, обязаны собрать перехваченное отъ французовъ
серебро нашихъ церквей, ограбленныхъ святотатствен-
ными врагами, и соорудить въ Петербургѣ, въ Ка-
занскомъ соборѣ, лики 4-хъ Евангелистовъ. Сей Бо-
жественный памятникъ, какъ нынѣ, такъ и въ пред-
будущіе вѣки, напоминать будетъ всему нашему по-
томству наши знаменитыя дѣла и наше усердное по-
жертвованіе Богу, и да возбудитъ и въ нихъ подоб-
ное мужество къ побѣжденію враговъ.»

Лишь только приказъ Графа Платова разошелся по
полкамъ, въ самое короткое время собрано было со-
рокъ пудъ серебра, которое тотчасъ отослали къ Ку-
тузову; чрезъ 10 дней отправили къ нему еще 20
пудъ; на посылкахъ подписано было: «*Твоя отъ Тво-
ихъ.*» Козаки толклись съ привошеніями своими око-
ло того мѣста, гдѣ пребывалъ ихъ атаманъ, какъ буд-
то для полученія наградъ, Церковную добычу отда-
вали своимъ начальникамъ и Татары, которыхъ въ
каждомъ донскомъ полку находилось довольное чис-
ло (*). Въ отбитомъ у неприятелей обозѣ, при Крас-
номъ, найдены были большіе, смятые оклады съ об-
разовъ, ящики съ шампанскимъ и бургонскимъ ви-
номъ, жезлъ маршала Даву, между сапогами и плать-
емъ; наши солдаты, точно на ярмаркѣ, за безцѣнокъ
продавали богатые, разшитые золотомъ мундиры мар-

(*) Подвиги добродѣтелей и славы русскихъ, 1816 года.

шала, бѣлье его и пр. евреямъ, которые, будто по чутью, набѣжали въ русскій лагерь. Орловъ французскихъ, разбросанныхъ по землѣ, было такъ много, что они попирались ногами коней (*).

Наполеонъ такъ былъ пораженъ всею этою потерю, что, подобно Юману богоотступнику, грозно взглянулъ на небо, какъ будто упрекая его въ своемъ бѣдствіи (**), а между тѣмъ онъ писалъ въ своихъ биллютеняхъ, что громъ оружія его слышенъ уже въ Азіи.

Сраженіе при «Красномъ» замедлило преслѣдованіе французскихъ войскъ; они вступили уже на землю, почитавшуюся за союзническую, и погода сдѣлалась нѣсколько теплѣе; но эти благопріятствующія для нихъ обстоятельства получили противный ожиданію ихъ, оборотъ, потому что Адмиралъ Чигаговъ прошелъ уже Минскъ и спѣшилъ къ нимъ на встрѣчу, а Графъ Витгенштейнъ соединился съ молдавскою арміею; Наполеонъ зналъ объ этомъ и спѣшилъ предупредить ихъ при Березинѣ. Со времени выступленія изъ Краснаго, уже всѣ войска его представляли нестройную толпу, при которой почти не было кавалеріи и очень мало артиллеріи.—Онъ, для собственнаго своего охраненія, велѣлъ составить кавалерійскій эс-

(*) Во время сраженія при Красномъ, (ночью, съ 6-го на 7-е Ноября) одинъ французскій офицеръ прибылъ въ лагерь къ Генералу Раевскому, который узналъ въ немъ бывшаго у брата его камердинера, Колло, женившася на дворовой дѣвкѣ его. Колло объявилъ Раевскому, что колонна Нея готова сдаться русскимъ и дѣйствительно, къ разсвѣту она сдалась.

(**) Записки адмирала Шишкова.

кадронъ изъ Генераловъ; оберъ-офицеры составляли рядовыхъ, штабъ-офицеры унтеръ-офицеровъ; начальникомъ этого эскадрона, названнаго *ссященнымъ*, Наполеонъ назначилъ Генерала Груши. Пѣхоту расписали по полкамъ, и, сколько можно, снабдили ее оружіемъ; но, не смотря на все это, за предводителемъ своимъ двигалась большая, нестройная масса безоружныхъ, неповинующихся никому. Тщетно Наполеонъ издавалъ строгіе приказы, имъ никто не внималъ (*). На переходѣ къ Оршѣ, онъ шелъ пѣшкомъ, опираясь на палку; на половинѣ перехода онъ остановился, велѣлъ своей гвардіи построиться въ каре, и, ставъ по срединѣ ея, сказалъ: «вы видите разстройство арміи, я надѣюсь на васъ и вамъ ввѣрю спасеніе ея; если мы сохранимъ устройство, неприятель не побѣдитъ насъ; я обращаюсь не къ военнымъ законамъ, а къ чувству чести вашей, которое французскій солдатъ сохраняетъ въ самыхъ большихъ опасностяхъ (**).

Могилевская Губернія прислала къ Наполеону депутатовъ въ Оршу, для полученія повелѣній, но онъ отослалъ ихъ обратно, не видѣвшись съ ними; онъ стыдился показать имъ свое блуждающее войско. Въ Оршѣ нашлось не большое количество съѣстныхъ припасовъ (**); тамъ велѣлъ онъ потопить въ Днѣпрѣ

(*) Разные приказы его и диспозиціи были перехвачены русскими.

(**) Въ Дубровнѣ Наполеонъ ночевалъ въ домѣ К-ни Любомирской и, по причинѣ оттепели, бросилъ тамъ свои сапи, которые, кажется, сохраняются тамъ и донынѣ.

(***) Графъ Салтыкъ пишетъ въ своихъ замѣткахъ, что вѣхавъ въ одинъ изъ домовъ Орши, онъ нашелъ тамъ нѣсколько солдатъ, варищихъ себѣ супъ. Условившись съ ними за 6 франковъ взять десять ложекъ, онъ отвѣдалъ его; найдя его отвратительнымъ, и

«трофеи,» везенныя изъ Москвы и самъ истребилъ множество своихъ замѣтокъ и документовъ, которые имѣлъ онъ, для составленія записокъ (Mèmoires). Въ г. Оршѣ французскій лазаретъ, по очищеніи непріятелей, былъ въ самомъ жалкомъ положеніи; больные были лишены пищи и медицинскихъ пособій; раны ихъ, вмѣсто корпіи, были перевязаны сѣномъ и соломой; они у мертвыхъ товарищей своихъ вырѣзывали икры и тѣмъ питались.—По большой дорогѣ и во всѣхъ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ лежало множество разбросанныхъ труповъ; тамъ появились стаи собакъ и волковъ, которые, въ виду жителей, пожирали трупы (*). Вообще картина отступленія французовъ отъ Краснаго, до самыхъ границъ нашихъ, была особенно невообразимо-ужасна; вотъ общій очеркъ ея:

Каково было переносить имъ, то пасмурныя, влажныя, то холодныя Ноябрьскія ночи, лежать подъ открытымъ небомъ во время дождя, снѣга или мороза и питаться чѣмъ попало! Это были истощенныя осеннія мухи; подобно подземнымъ тѣнямъ, живомертвые, синеблѣдныя, шли непріатели, сами не зная куда, безъ памяти, безъ языка, съ помутившимися глазами. Козаки и поселяне таковыхъ уже и не тро-

узналъ, что супъ приготовленъ былъ изъ человѣческаго мяса; приготовляющіе его присовокупили, что печень, находящаяся еще въ горшкахъ, очень вкусна.

Записки Н. П. Дитранди.

(*) Въ одной Смоленской губерніи сожжено было слишкомъ шестьдесятъ тысячъ труповъ, а закопаны въ ямы болѣе ста тысячъ. Однихъ пушекъ найдено было тамъ 423, и послѣ много лѣтъ находили ихъ въ прудахъ, рѣкахъ и въ землѣ. Смольяне долго послѣ того торговали разнымъ непріятельскимъ оружіемъ.

гали; ихъ находили во множествѣ въ копнахъ сѣна, въ сараяхъ, въ конюшняхъ, прижавшихся къ стѣнамъ и заборамъ, стѣснившихся въ кучи, чтобъ согрѣться. Подобныя скопища умершихъ находили вокругъ потухшихъ огней, около издохшихъ лошадей съ ножами и кусками этой мертвячины въ окостенѣлыхъ рукахъ; въ иномъ мѣстѣ эти полуживые выморозки накидывались на мертвыхъ товарищей своихъ, стаскивали съ нихъ ветхія платья и сами кутались въ ихъ лохмотья. Французовъ находили и среди разложенныхъ огней, гдѣ одна сторона тѣла ихъ жарилась, а другая леденѣла; иные повертывались такимъ образомъ, какъ куропатки на вертелѣ, иные катались по горячей золѣ, чтобы хотя нѣсколько согрѣться; живые складывали изъ труповъ; какъ изъ бревенъ, стѣны, чтобы, лежа за ними, укрыться отъ зимнихъ вьютъ (*). Плѣнныхъ некуда уже было дѣвать (**). Французы продолжали являться въ нашъ лагерь, напрашиваясь на плѣнъ и вымаливая себѣ кусокъ хлѣба; (***) солдаты наши дѣлились съ ними, чѣмъ могли. Въ иномъ мѣстѣ цѣлые эскадроны ихъ, полузанесенные снѣгомъ, стояли на поляхъ замерзлые. Кромѣ нашихъ солдатъ и поселянъ, свидѣтелями ужаснаго положенія непріятелей въ пустыняхъ были хищныя птицы, тучами летавшія надъ умиравшими, лакомо заглядывая въ потухающія глаза ихъ.

(*) Въ походныхъ запискахъ артиллериста сказано, что онъ видѣлъ длиннаго, тощаго Пѣмца, который едва двигался по полю; ноги свои онъ ухитрился завязать въ мѣшокъ.

(**) Ростопчинъ говорилъ тогда: «боюсь, чтобы плѣнныхъ не брали къ намъ въ гувернеры.»

(***) O ciel, ciel! (о небо, небо!) восклицали тогда французы; да что ты съѣлъ-то?—отвѣчали имъ солдаты.

Много ли думаль о нихъ Наполеонъ, когда онъ называль свою армію *пушечнымъ мясомъ* (*)!..

Для большаго удостовѣренія въ истинѣ описанія моего, почерпнутаго изъ разныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, и въ подвѣсокъ къ изображенной картинѣ, предлагаю въ сокращеніи отрывокъ изъ воспоминаній объ отступленіи французской арміи въ 1812-мъ году, подъ названіемъ «*бивакъ*»; сочиненіе, изданное на французскомъ языкѣ, однимъ изъ участниковъ отступленія:

«*Ложе, состоявшее изъ льду и снѣга, на которомъ я успокоиваль тогда свое уставшее тѣло, давно уже растаяло, и яркая зелень много разъ уже закрывала кровавый слѣдъ, оставленный нашею арміею. Я не хочу сказывать ни моего имени, ни другихъ лицъ, описываемыхъ мною. Напримѣръ: представьте себѣ, для образца, человекъ пяти футовъ и восьми дюймовъ роста; если подобный великанъ попадаетъ въ конскринцію, то его не нужно уже вытягивать въ мѣрку. Но онъ тощъ и худъ, потому что три недѣли питается только отрубями, разболтанными въ подѣ; этотъ скелетъ прикрытъ шубою, которая много разъ уже была вымочена и высушена на его плечахъ; низъ этой шубы, въ видѣ фестоновъ, обожженъ бивачнымъ пламенемъ, воротникъ шубы загнулся въ видѣ жолобя, и въ немъ постоянно лежитъ нѣскольکو фунтовъ снѣга. Лицо, выглядывающее изъ шубы, небрито и прокопчено пороховымъ дымомъ, оно осунулось, на немъ блеститъ пара глазъ, покраснѣвшихъ отъ блеску огня, во время ночи, и отъ яркости*

(*) Вѣстникъ Европы, 1814 года.

снѣга, во время дня. На этомъ бродящемъ островѣ надѣта ушастая поповская шапка, на полотенцѣ, служащемъ вмѣсто пояса, привѣшана сабля, безъ ноженъ, ноги его обвиты тряпищами. Онъ двигался вмѣстѣ съ товарищами своего бѣдствія, не зная, гдѣ и когда остановится, безъ заботы о будущемъ, потому что никто не былъ увѣренъ: будетъ ли у когонибудь изъ нихъ *«завтрашній день»*.

Между тѣмъ холода усиливались; многіе солдаты жаловались, что у нихъ огостенѣли руки, они и не подозрѣвали того, что руки ихъ отморожены и разпадутся кровавыми кусками, если они попадутъ въ теплое мѣсто. Какое было для нихъ счастье, когда они находили на дорогѣ какуюнибудь хижину! Въ одну минуту она была разбросана—и бревна растасканы. Иногда лошади какогонибудь Генерала, съ вечера поставленныя подъ навѣсъ, среди ночи были уже на вольномъ воздухѣ, потому что конюшня была быстро расхищена; каждая доска была для нихъ дорога потому, что хотя на одну ночь она могла служить для нихъ, если не мягкою, то сухою постелью. Изъ древесныхъ вѣтвей и груды снѣга дѣлали они себѣ защиту отъ вьюги и раскладывали огонь; съѣвши по лепешкѣ, приготовленной изъ отрубей и испеченной на горячей залѣ; они завертывались во что попало и спали. Иногда комунибудь надобно было стоять на часахъ, чтобъ не унесли у нихъ горящихъ головней. Передъ сномъ шли у нихъ разные толки, воспоминаія: одинъ говорилъ, что настали для нихъ черные дни, другой возражалъ, что, напротивъ «бѣлые» (по снѣгу, ярко блиставшему вокругъ нихъ). Иной выражалъ желаніе, что ему хотѣлось бы выпить кофею, хоть по турецки, безъ сахара, другой тосковалъ, что онъ

не привыкъ отступать и идти такою капуцинскою церемонією; иной хладнокровно говорилъ, что солдатъ есть наемщикъ у смерти, слѣдовательно надобно и имъ когда нибудь не подать голоса не перекличкѣ. Нѣкоторые совсѣмъ потеряли надежду возвратиться къ роднымъ пенатамъ: «видно этотъ праздникъ для насъ исключенъ изъ календаря», говорили они, «это не то, что въ Испаніи, тамъ, бывало, ступаешь на землю, какъ на топленную печь», замѣчали иные. Были счастливы, сохранившіе нѣсколько зеренъ чаю въ узелочкѣ; они распускали его въ подогрѣтой снѣжной водѣ и пили съ величайшимъ наслажденіемъ; при этомъ питаніи дѣло обходилось у нихъ безъ зубочистки. Наставалъ новый день—день новаго страданья. Иной уже не вставалъ, и когда его расталкивали, онъ отвѣчалъ: «Que faire, il faut mourir (что дѣлать, надобно умереть)». Смерть, не давъ нѣкоторымъ протянуться, охватывала ихъ холодною рукою своею и окаменяла...

Наполеонъ набралъ подъ знамена свои цвѣтъ юности всей Европы, и изъ нихъ составилъ легіонъ призраковъ; они шли, какъ будто гонимые сквозь строй; по этой же дорогѣ, по временамъ, тянулись обозы съ сотнями замороженныхъ, увязанныхъ веревками труповъ, для сожженія. Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ журналахъ писали тогда: «французы получали отъ Наполеона приказаніе: *добровольно служить ему*, что въ кошелькѣ его былъ одинъ уголь очень щедръ, а другой ужъ очень скупъ. И кто же сопровождалъ его въ походахъ! Вожди, многіе прежніе товарищи его, отправлявшіеся съ нимъ на поприще славы; но какая противоположность между египетскою и русскою войною! Французы, которыхъ пощадило жгучее солнце востока, погибли на снѣгахъ сѣ-

вера (*)! Французскій орелъ печально махаетъ своими окровавленными крыльями на безбрежныхъ снѣговыхъ поляхъ Россіи».

Немногіе изъ воиновъ Наполеона, когда ихъ охватывалъ уже холодъ смерти, приподнимаясь съ окровавленнаго снѣга, восклицали еще слабымъ голосомъ: *Vive l'empereur!* но большая часть ихъ, въ томъ числѣ и разноплеменники, проклинали его на всѣхъ европейскихъ языкахъ (**)... Это все историческіе неопровержимые факты.

Въ сочиненіи, взятомъ изъ секретныхъ французскихъ записокъ, Н. Гол-мъ, 1814 года, сказано: «Гензерихъ и Аттила, также какъ и Бонапарте, сражались не для счастья своего отечества, но для собственной своей выгоды»; авторъ этихъ записокъ говоритъ, что Бонапарте между государями былъ тоже, что блуждающій жидъ между людьми. — Въ политической картинѣ Европы (изданной на французскомъ языкѣ 1806 года, переведенной и напечатанной въ Петербургѣ 1808 года) сказано, что самые воинственныя времена Римлянъ едва ли могутъ представить примѣръ такихъ успѣховъ въ завоеваніяхъ, какіе оказалъ Наполеонъ. Разборъ блистательныхъ походовъ Бонапарте показываетъ съ математическою точностію, что онъ былъ болѣе сча-

(*) Въ нѣкоторыхъ французскихъ реляціяхъ, въ оправданіе поражений Наполеона, было сказано: «При Бель-Алианѣ мы потеряли сраженіе отъ какого-то сверхъ-естественнаго ужаса, при Эйлау—отъ снѣжной метели, при Асперитѣ—отъ разлитія воды, въ Россіи—отъ стужи, въ Испаніи отъ жаровъ, а при Лейпцигѣ—отъ ошибки капрала: (Наполеона).

(**) Особенно Пѣмцы, по неволѣ сражавшіеся съ русскими, ругали Наполеона: *sey er verdammt und verflucht in Ewigkeit* (Будь онъ проклятъ на вѣки)! восклицали они съ ожесточеніемъ.

стливъ, нежели искусень, что онъ умѣлъ пользоваться ошибками другихъ и умѣлъ выбирать полководцевъ.— Въ тайной исторіи новаго французскаго двора (часть III) прибавлено, что *Пултускъ*, *Прейсигъ-Эйлау*, *Бородино*, *Мало-Ярославецъ* и *Крѣсный* исхитили нѣсколько листовъ изъ окровавленнаго лавра Наполеона. Авторъ книги: *Французы въ Вѣнѣ* говоритъ о Наполеонѣ, (до похода его на Россію): «Австрійскіе и Прусскіе генералы, сражавшіеся съ нимъ, были: или не искусны, нерѣшительны, или стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ затруднительными предписаніями и ошибочными придворными планами. Въ отношеніи же политики, Бонапарте вспомошествоуемъ былъ первымъ, дальновиднымъ и хитрымъ политикомъ своего времени, Талейраномъ, который, подобно Циклопу, помогалъ своему Вулкану ковать цѣпи на Европу».

Маскарадное бѣгство французовъ изъ Россіи вдохновило литераторовъ и художниковъ изобразить его въ разныхъ видахъ; у насъ называли тогда французовъ святочными ряжеными пугалами. И дѣйствительно, сколько каррикатурныхъ сценъ, какую смѣсь костюмовъ представляли они изъ награбленныхъ въ Россіи, особенно въ Москвѣ, одеждъ: кто шелъ въ поповской рясѣ и въ треугольной шляпѣ, кто въ ризѣ и въ вязаномъ колпакѣ, кто въ салопѣ и съ муфтой на головѣ, кто въ мундирѣ и въ кокошникѣ, кто въ женской тѣлогрѣйкѣ и въ гренадерской каскѣ, кто въ кафтанѣ стариннаго русскаго боярина и въ спальномъ чепчикѣ, кто въ лакейской ливреѣ съ галунами и въ крестьянскомъ треухѣ, а кто ужъ просто въ лошадиной попонѣ, въ рогожѣ, пли въ шкурѣ, содранной (можетъ быть ужъ и съѣденной имъ) палой лошади, съ повязанною тряпкою на головѣ; иные красо-

вались въ сарафанахъ и въ гвардейскихъ косматыхъ киверахъ, обуты въ лапти (*). Такъ стояли они и на караулѣ, съ ружьями на плечахъ. Иные, сидя у огня, прикрывались соломой, а ноги укутывали шапками; другіе холодили собою горячую золу, а нѣкоторые, въ безсиліи, ходили по сторонамъ большой дороги, безсознательно.

Надобно признаться, что французамъ мстили, и довольно жестоко, поселяне, которыхъ они вдесять разоряли, истязали, ограбили, надругались надъ ними, особенно надъ русскими храмами и женщинами; но когда плѣнныхъ непріятелей прогоняли чрезъ наши города, удаленные отъ театра войны, многіе горожане и поселяне снабжали ихъ чѣмъ могли: одеждой, хлѣбомъ и деньгами; это тоже положительные факты, объ этомъ значится и въ періодическихъ русскихъ изданіяхъ того времени, и въ изустныхъ преданіяхъ.

Критическое положеніе Наполеона нѣсколько улучшилось, когда онъ соединился съ войсками Виктора, Домбровскаго и Удино; эти войска состояли изъ 35,000 человекъ, имѣли исправныя орудія и не были такъ изнурены, какъ тѣ, которыя велъ самъ Наполеонъ. Онъ отрядилъ Виктора противъ Витгенштейна, а поляковъ противъ Чичагова (предводительствовавшего дунайскою арміею), къ городу Борисову. Наполеона особенно опечалило взятіе русскими Минска, гдѣ хранились у него большіе запасы хлѣба; Чичаговъ послалъ Графа Ламберта не допустить поляковъ въ Бо-

(*) Однажды, при преслѣдованіи непріятеля къ Березницѣ, нашъ солдатъ прицѣлился изъ ружья въ француза, одѣтаго въ жепскую кофту и въ шляпку, но другой; отвелъ его руку, сказавъ: «не стрѣлай въ барыню».

рисовъ, что Ламбертъ и исполнилъ блистательно; онъ ринулся на Домбровскаго, вступившаго въ городъ, съ быстротою, разбилъ его, вырвалъ изъ рукъ его городъ и утвердилъ за собою переправу чрезъ Березину. Узнавъ о занятіи Борисова, Наполеонъ съ отчаяніемъ ударилъ палкою въ землю и воскликнулъ: «видно намъ суждено дѣлать глупости!»

Въ отчаяніи, Наполеонъ составилъ новый планъ, для скорѣйшей переправы чрезъ Березину; онъ состоялъ не въ храбрости войскъ его: пробиваться силою, но въ военной хитрости; онъ вздумалъ обмануть русскихъ, оставить ихъ въ заблужденіи о мѣстѣ своей переправы; вслѣдствіе этого онъ тотчасъ же послалъ маршала Удино внезапно остановить войска Чигачова, овладѣть Борисовскимъ мостомъ и если бы мость былъ истребленъ русскими, то отыскать удобное мѣсто, для построенія новаго моста. Удино быстро и внезапно обрушился, со всею громадою силъ своихъ, на авангардъ Графа Палена, находившійся по сю сторону Березины, у Борисова. Началась страшная суматоха; войска наши были разрознены, у нихъ захватили непріатели часть обоза и заставили ихъ перебраться съ лѣваго берега рѣки на правой, къ своей арміи, т. е. къ корпусу Чичагова. Впрочемъ, при выходѣ изъ Борисова, русскіе успѣли зажечь мость, но Удино, не теряя времени, открылъ бродъ у Студянки (верстахъ въ 15 выше отъ Борисова), велѣлъ тамъ наскоро строить мость и въ то-же время онъ дѣлалъ приготовленіе къ ложной постройкѣ моста, ниже Борисова. Чигачовъ, введенный этимъ въ заблужденіе, стянулъ всѣ войска свои на нижнюю Березину, въ ожиданіи тамъ непріательской переправы, а въ прочихъ мѣстахъ, на большомъ прос-

транствѣ, для наблюденія за непріятелями, оставилъ только не большой отрядъ. Армія Чичагова должна-бы была совершенно заградить бѣгство французовъ. Многіе полагали, что здѣсь вѣдѣтъ истребитъ непріятельское войско—и самъ Наполеонъ попадетъ въ плѣнъ.

Наполеонъ сильно обрадовался, узнавъ, что Чичаговъ не соединился съ Витгенштейномъ; онъ послѣшно прибылъ съ своею гвардіею въ Борисовъ, за нимъ, въ ночной тишинѣ, слѣдовали всѣ соединенныя войска его, назначенныя къ переправѣ (*); онъ отдѣлилъ отъ нихъ только небольшую, часть, для демонстраціи, чтобы продолжать оставлять въ недоумѣніи русскихъ. На разсвѣтѣ (14-го Ноября) онъ подѣхалъ къ деревнѣ Студянкѣ, гдѣ припасены уже были матеріалы, для наведенія двухъ мостовъ. Тамъ кипѣла работа, тамъ разламывали избы, бревна которыхъ употребляли на постройку моста; одинъ артиллерійскій французскій генераль сохранилъ двѣ походныя кузницы и фургонъ съ угольями. Присутствіе Наполеона ободряло работавшихъ, піонеры, погружаясь по грудь въ воду, по которой неслись льдины, (по причинѣ оттепели) спѣшили утвердить въ ней козлы (**). Дѣла шли быстро и успѣшно; къ довершенію радости Наполеона, на противоположномъ берегу не видать было русскаго войска, которое бы могло воспрепятствовать его намѣренію; тамъ только мелькали ко-

(*) Странную противоположность представляли отступавшіе лохмотные французскіе солдаты съ войсками Виктора, сохранившими полный воинственный видъ; впрочемъ, въ составѣ своемъ, армія Наполеона имѣла тогда еще до 80 тысячъ человекъ.

(**) Замѣчательно, что почти въ томъ же мѣстѣ переправлялся черезъ Березину Карлъ XII.

заки. Для большаго обезпеченія своей переправы, Наполеонъ приказалъ поставить у Студянки сорокапушечную батарею, и лишь только что раздались выстрѣлы изъ русскихъ орудій, подоспѣвшей туда конной роты отряда Корнилова, какъ вдругъ загрохотала французская батарея, пронизывая градомъ пуль слабый русскій отрядъ, который не въ силахъ былъ воспрепятствовать движеніямъ непріятелей. Наполеонъ торжествовалъ... Но вотъ наступаетъ послѣдній актъ великой драмы, развязка крововой европейской трагедіи 1812 года.

Еще мосты не навели, но Наполеонъ, въ нетерпѣннѣи, послалъ уже кавалерію Генерала Корбино вплавь чрезъ рѣку; сзади каждаго всадника посадили по пѣхотинцу, прочую пѣхоту двинули на паромахъ; этотъ первый отрядъ, высадившись на правый берегъ, оттѣснилъ козаковъ и стрѣлковъ Корнилова. Наконецъ, одинъ мостъ, назначенный для пѣхоты, былъ конченъ послѣ полудня, и по немъ прошелъ корпусъ Удино; вскорѣ готовъ былъ и другой мостъ, по которому начала переходить артиллерія и потянулись обозы (*). Французы, перебравшіеся на другую сторону, хотя утвердились на правомъ берегу, но не могли совершенно оттѣснить отрядъ Корнилова, усиленный подоспѣвшимъ къ нему отрядомъ Генерала Чаплица. Между тѣмъ переправа продолжалась всю ночь. Утромъ, 15-го числа, перешелъ на правый берегъ и самъ Наполеонъ съ гвардіею; на лѣвомъ остался Викторъ съ двумя дивизіями, третья дивизія

(*) Мосты, наскоро построенные, портились, по саперы и піонеры, съ самоотверженіемъ, стоя по грудь въ рѣкѣ, исправляли ихъ, продрогнувъ въ холодной водѣ, и почти всѣ они заплатили за то своею жизнію.

его находилась еще у Борисова. Вдруг, около вечера, къ старому Борисову прибылъ Витгенштейнъ съ своимъ корпусомъ. Узнавъ что переходъ черезъ Березину непріятелей не можетъ уже быть остановленъ, онъ принялъ быстрыя и рѣшительныя мѣры для того, чтобъ помѣшать исполнить эти дѣйствія оставшимся по сю сторону рѣки французскимъ корпусамъ. Такъ какъ одна изъ дивизій ихъ была отдѣлена отъ прочей арміи, то онъ не только преградилъ ей путь, но, окруживъ ее, тотчасъ заставилъ сдаться (всѣхъ до 9 тысячъ человѣкъ). Борисовъ уже былъ занятъ Платовымъ и Сеславинымъ; Чигачовъ съ той стороны навелъ понтонный мостъ и соединился съ Витгенштейномъ. Здѣсь услъвились оба генерала въ слѣдующій день сдѣлать общее нападеніе на непріятелей.

На разсвѣтъ (16-го Ноября) дунайская армія, съ подослѣвшими къ ней отрядами Платова и Ермолова, на правомъ берегу, открыли огонь противъ Нея, защищавшаго береговой путь. Съ обѣихъ сторонъ небыло рѣшительнаго успѣха въ сраженіи. Бой кончился ночью; между тѣмъ въ это время Витгенштейнъ смялъ и отгѣснилъ Виктора къ самому мосту; немолкаемая канонада поддерживалась съ той стороны самимъ Наполеономъ, который лично наводилъ орудія противъ Витгенштейна. Въ этотъ день и на другой, въ продолженіи непріятельской переправы, картина смерти, была невообразимо ужасна: едва только Викторъ, гонимый Витгенштейномъ, началъ приближаться и спускаться къ мосту, къ тылу корпуса его подвинулись русскія батареи и ядра ихъ начали пронизывать ряды переправляющихся продольными выстрѣлами. Спѣшный переходъ чрезъ мостъ непріате-

лей сопровождался большим замѣшательствомъ, безпорядкомъ и своевольствомъ; сильные, не разбирая чиновъ, переступая чрезъ груды тѣлъ, пробивались сквозь слабыхъ; иные прочищали себѣ путь штыками, многіе были столкнуты въ воду. Чичаговъ въ это же время опрокинулъ Домбровскаго и погналъ его назадъ къ главному войску. Витгенштейнъ и Чичаговъ тѣснили французовъ съ боковъ и держали ихъ, какъ въ ящикѣ, а съ тылу напиралъ на нихъ Платовъ. Страшный ужасъ и смятеніе распространились между непріятелями: артиллерія, обозы, конница и пѣхота смѣшались, сперлись, стѣснились около моста и на самомъ мосту; иные, упавъ, въ толкотнѣ, попадали подъ копыта лошадей или подъ колеса пушекъ и были раздавлены ими, иные бросились впадь чрезъ рѣку, иные силились перебраться чрезъ несшіяся по ней льдины—и, сжатые ими, тонули.... Наконецъ бой закипѣлъ на обоихъ берегахъ, на мость, посыпались ядра и свистящія пули, зарокоталъ адскій громъ пушекъ, гулко и раскатисто раздавался онъ и въ прибрежномъ лѣсу, наполненномъ непріятелями; высокія сосны, раздробленныя ядрами, падали съ трескомъ и осколками своими убивали многихъ (*). Съ самаго утра втораго дня переправы поднялась мятель, съ гудящимъ сѣвернымъ вѣтромъ; сильная вьюга залѣпляла сражавшимся глаза инеемъ и снѣгомъ; сдѣлалось сумрачно, только блескъ выстрѣловъ освѣщаль окрестность; каждое ядро поражало людей, лошадей, или опрокидывало повозку. Къ довершенію

(*) Въ это время французы потеряли множество убитыхъ, плѣнныхъ и орудій. Почти цѣлый корпусъ Виктора, не успѣваго перебраться на ту сторону, съ 7000 чел. и съ 5 генералами, сдался на капитуляцію русскимъ.

ужаса и безвыходнаго положенія непріятелей, вдругъ одинъ мостъ, изгромленный ядрами и отягощаемый войсками и артиллерією, обрушился съ шумомъ.... Въ одно мгновеніе все, что на немъ двигалось и толпилось, было поглощено волнами, сердито ропчущей рѣки; изъ нея показались одни только всплески воды.... Всѣ, оставшіеся на лѣвомъ берегу, спѣшно, сплошной толпой бросились на другой мостъ, но и тамъ уже зарядные ящики, взорванные гранатами, съ трескомъ летѣли по воздуху; артиллерійскія лошади съ опрокинутыми передками, и выючныя, вырвавшіеся изъ рукъ вожатыхъ своихъ, пронзительно ржали, бѣгая по мосту назадъ и впередъ. Уцѣлѣвшіе изъ отряда Виктора, дѣлая рядъ траншей изъ мертвыхъ тѣлъ, горами наваленныхъ на мосту, только къ утру перешли на другой берегъ. Французскіе военачальники, надрывая грудь, осиплымъ голосомъ кричали, понуждали команду свою скорѣе перебираться чрезъ мостъ, но изнуреніе и ужасъ непріятелей были такъ велики, что они насилу могли двигаться.

Передъ другимъ мостомъ, по сю сторону рѣки, послѣ несчастной переправы чрезъ нее французской арміи, осталось еще множество усталыхъ, безоружныхъ, раненыхъ и нестроевыхъ непріятелей. Одному французскому офицеру приказано было, пропустивъ чрезъ мостъ бѣглецовъ, тотчасъ зажечь его, чтобъ остановить преслѣдованіе русскихъ; но онъ не спѣшилъ исполнить этого порученія, давая возможность перебѣжать чрезъ него отсталымъ; когда же, вслѣдъ за непріятельскою армією, показалась мчащаяся наша кавалерія, и на возвышенномъ берегу блеснули русскіе штыки, тогда офицеръ долженъ былъ скорѣе исполнить приказаніе своего начальства—и вотъ яви-

лась новая, потрясающая чувства картина: мостъ запылалъ, на немъ загорѣлись и обозы и люди и лошади, раздалась смѣсь отчаянныхъ голосовъ... Многие, съ пронзительными воплями, какъ и съ перваго моста, стали бросаться въ рѣку—и скоро Березина запрудилась трупами; изъ воды торчали морды утопшихъ лошадей, въ иномъ мѣстѣ высывались изъ льдинъ поднятыя руки, ноги и головы людей съ обмерзлыми волосами; это было ледяное кладбище.... Долго послѣ того запрещено было брать и пить воду изъ этой рѣки.

На берегу, въ числѣ больныхъ и отсталыхъ, находилось много женщинъ и дѣтей, слѣдовавшихъ за французскою арміею изъ Москвы (между которыми были и русскія авантюристки); вся веселовская равнина, на которой снѣгъ багроваль отъ крови, была покрыта каретами, телѣгами, переломанными, наваленными одна на другую, пушками безъ лафетовъ, разбитыми ящиками, просыпаннымъ порохомъ, баулами, сундуками, книгами, бумагами, несшимися по вѣтру, церковною утварью и пр. пр. всякою всячиною, награвленною въ Россіи—все это досталось въ добычу нашей арміи. Не менѣе ужасное положеніе было для самой послѣдней, запоздалой непріятельской толпы, состоявшей изъ разнаго сброда людей: солдатъ, прислуги, обозныхъ пассажировъ и прочихъ. Маршалъ Викторъ, не имѣя силъ защититься отъ Витгенштейна, покинулъ расхищенную деревню Студянки (на 29 ноября), оставивъ небольшое число солдатъ прикрывать мостъ на Березинѣ; онъ обрекъ ихъ на вѣрное истребленіе. Всѣ эти несчастные, полубнаженные, голодные, окоченѣвшіе отъ холода, какъ будто обезумившіе, съ помутившимися глазами, вмѣсто

того, чтобы скорѣе бѣжать съ прочими на переправу, съ жадностію начали расхватывать обломки экипажей, устраивать себѣ изъ нихъ лачуги и разводить огонь; нѣкоторые же изъ нихъ, чтобъ сколько нибудь прикрыть себя, сдирали съ каретъ парусину, сукно, кожу. Между тѣмъ артиллерія лѣваго фланка русскихъ беспрестанно громила эту столпившуюся массу людей, къ которой, съ разныхъ сторонъ, прибывали, все болѣе и болѣе, новыя бродящія толпы. Каждый выстрѣлъ русскихъ, въ темную ночь, освѣщаль разныя содрогательныя картины; непріатели не считали уже для себя смерть бѣдствіемъ, самыя лютыя несчастія для нихъ были: холодъ, голодъ и жажда. Нѣкоторымъ, обезсиленнымъ, хотѣлось отдохнуть, соснуть хоть часокъ, и они падали въ сугробы снѣга безъ пробужденія... Многіе предпочли быть раздавленными и перебитыми, чѣмъ тронутыя съ мѣста.

Послѣ полуночи русскія пушки замолкли, блѣдно-мелькавшіе огоньки, среди снѣжной пустыни, представляли обширные биваки и широкое кладбище полуживыхъ призраковъ; съ тусклыми глазами, разныхъ націй. Около самаго березинскаго моста, генераль Эбле съ той стороны, по данному знаку, приказалъ зажечь биваки, чтобы понудить безпечныхъ скорѣе перебраться какъ нибудь на другую сторону рѣки, по остаткамъ моста; между тѣмъ у офицера, исполнявшаго это приказаніе, толпа, побуждаемая бѣшенствомъ голода, съ яростнымъ крикомъ отняла верховую, изнеможенную уже лошадь, которая нѣсколько дней питалась только тѣмъ, что грызла кору съ мерзлыхъ бревенъ. Ее привололи штыками, потомъ быстро, съ ловкостію мясниковъ, содрали съ нее шкуру, притащили къ костру, распластали ее, и стали,

съ звѣриною жадностію, спѣшно пригововлять себѣ изъ тощаго мяса ея ужинъ, считавшійся, въ ихъ положеніи, очень лакомымъ. Иные, обезсиленные, безчувственно спали; если кто нибудь изъ нихъ скатывался въ огонь, никто его не подымалъ, одни смотрѣли на это съ какою-то безсмысленностію, другіе логично понимали, что если онъ еще не умеръ, то и самъ выкарабкается оттуда. Между тѣмъ пожаръ на бивакахъ распространялся и разросся въ море огня, пожирающаго шалаши и что ему попадало, въ движеніи его. Среди этого пылающаго, клочущаго ада, двигалась небольшая колонна солдатъ, неласково побуждая всѣхъ слѣдовать за нею.

Раскатные выстрѣлы русскихъ пушекъ возвѣстили появленіе мерцающаго утра; отрядъ Витгеншетейна, овладѣвъ Студянкою, началъ громить бѣлоснѣжную равнину, на фонѣ которой разметанные трупы представлялись темными пятнами; вотъ уже показались отряды русскаго войска на взгорьѣ, въ грозномъ движеніи. Инстинктивно понявъ близкую опасность, кто могъ, изъ непріятелей, вскочилъ, и вмѣстѣ съ остаткомъ своего войска, устремился къ обгорѣлому мосту; это была послѣдняя, хотя невѣрная, доска спасенія; но мостъ, полуразрушенный, подавленный уже прежними бѣглецами и хлынувшей на него новою толпою, окончательно обрушился... Напоръ потока людей надъ самымъ крутояромъ былъ такъ стремителенъ, что многіе изъ нихъ неудержимо, стремглавъ, ринулись въ волны и только что раздались всплески воды съ глухимъ шумомъ, какъ отъ обломковъ скалы, опрокинувшихъ въ воду. Нѣкоторые, не находя себѣ спасеніе, добровольно бросались въ рѣку и начали перепрыгивать со льдины на льдину, проби-

раясь на противоположный берегъ. Понтоньеры спѣшно принялись устроить плотъ, думая найти въ немъ себѣ и другимъ ковчегъ избавленія; они кое-какъ устроили его, сбросили въ рѣку, и онъ тотчасъ же былъ покрытъ, подавленъ бѣглецами. Стоявшіе на краю его съ шестами, уперлись ими изъ всѣхъ силъ въ берегъ, чтобы перебросить плотъ на ту сторону, сквозь груды льдинъ и труповъ, плавающихъ между ними. Тутъ никто не слушалъ команды, въ каждомъ преобладало чувство самосохраненія, здѣсь владычествовали права сильныхъ; многіе слабые, натиснутые толпой, попадали въ воду, и несшіеся по ней громадныя льдины, оттирали имъ головы.... «Русскіе, русскіе, козаки, козаки настигаютъ насъ!» слышались голоса; эти восклицанія усугубили силы спасающихся, плотъ съ отчаяннымъ усиленіемъ брошенъ былъ на противоположный берегъ, и только небольшая кучка людей соскочила на землю.

Едва-ли Наполеонъ, перешедъ чрезъ Березину, остался съ сорока тысячами своего войска, и вотъ начинается *последній* періодъ бѣгства французовъ отъ Березины до Нѣмана. Положимъ, что французы, при этой переправѣ, понесли страшныя потери, но планъ Имп. Александра не совершенно приведенъ былъ въ исполненіе: хоть часть непріятельскаго войска да спаслась, и не только самъ Наполеонъ, но и ни одинъ изъ лучшихъ генераловъ его не попался въ плѣнъ. Иностранные и наши историки-писатели обвиняютъ въ этомъ неуспѣхѣ ошибочныя дѣйствія русскихъ военачальниковъ, особенно Чичагова; отчасти это справедливо, но кажется, что главная причина этой не-

удачи состояла въ томъ, что Наполеонъ хитрыми маневрами своими обманулъ русскихъ генераловъ, увернулся отъ нихъ и ловко проскользнулъ между отрядами ихъ войскъ; къ тому же и Кутузовъ, съ главною арміею, былъ далеко позади; преслѣдованіе и наступленіе непріятелей въ этомъ мѣстѣ производилось дунайскою арміею и корпусомъ Витгенштейна. Предоставимъ стратегикамъ оцѣнить дѣйствія Фельдмаршала и прочихъ русскихъ генераловъ.

Остатки французской арміи продолжали тянуться оголоженною дорогою, по направленію къ Вильнѣ; вообще бѣдствія ея умножились, когда, послѣ оттепели, наступили такіе морозы (до 20 градусовъ,) что отъ нихъ спиралось дыханіе; иные бѣглецы падали мертвые, другіе, забывъ о всякой подчиненности, бросали свои ружья и влеклись почти безъ обуви, безъ одежды, обертывая ноги тряпками, галстухами, ключьями войлоковъ, соломой и чѣмъ попало. Вотъ и недавно бывшее свѣжее, бодрое войско маршаловъ Виктора и Удино, представило собою маскарадное шествіе; и здѣсь прикрытіемъ непріятелямъ служили ветхія, съ бахромою мочаль рогожи, а содранныя шкуры съ разныхъ животныхъ прикрывали плечи ихъ. Жалкая драпировка! И вотъ опять появились кирасиры въ юбкахъ, лейбъ-гусары въ ризахъ и егеря въ длинныхъ монашескихъ эпанчахъ. Для нихъ также не было ни мѣста для отдыха, ни времени для пищи, ни способовъ для перевязки ранъ, потому что козаки и другія русскія войска гнали ихъ по пятамъ. Русскіе затруднялись большимъ количествомъ плѣнныхъ (*) и

(*) Платовъ жаловался на то въ своемъ донесеніи Кутузову.

оставляли многихъ безъ вниманія. Съ ногами, пораженными антоновымъ огнемъ, брели они безсознательно, или валялись по сторонамъ дороги и глодали собственныя руки или сосали кровь изъ ободранной падали. Иная сборная толпа, разложивъ огонь, не пускала грѣться другихъ, подошедшихъ къ нимъ: «принеси свое полѣно», говорили они, но жизнь ихъ самихъ гасла съ потухавшимъ пламенемъ...

Обозы непріятелей также всѣ были истреблены, сожжены и расхищены самими ими; оставалась одна карета Наполеона, которую онъ сохранялъ, какъ сокровище, и самъ, при Березинѣ, перетаскивалъ ее черезъ мостъ (*). На запяткахъ и на козлахъ у него сидѣло нѣсколько приближенныхъ къ нему; сопровождалъ его конвой на крестьянскихъ клячахъ, подъ предворительствомъ Мюрата и марш. Груши; всѣ спѣшили скорѣй подвигаться впередъ, потому что слово: *Козакъ* приводило всѣхъ въ страшный трепеть (**).

(*) Въ одной нѣмецкой книгѣ, изд. въ 1814 г. сказано: «Въ этой каретѣ Наполеонъ сидѣлъ, какъ Вельзевулъ на своемъ адскомъ престолѣ, озирая повсюду распространенное вокругъ себя опустошеніе»

(**) Въ одномъ изъ бюллетеней своихъ, Наполеонъ говорилъ, что онъ приведетъ въ Парижъ, для показу, плѣнныхъ русскихъ козаковъ, но они сами пришли туда въ 1814 г.—Въ 1813 г. въ Лондонъ прибылъ на гамбургскомъ пакетботѣ донской козакъ, 60 лѣтъ, Александръ Земленухинъ; англичане встрѣтили его на берегу съ восклицаніями: «ура, козакъ!» и толпою проводили его до дома русскаго посланника, Гр. Ливена; всѣ усердно привѣтствовали его, жали ему руку и осыпали подарками, отъ которыхъ онъ отказывался, что заявлено было въ англійскихъ газетахъ. Король приказалъ сдѣлать для него дорогую военную сбрую, а весь его снарядъ, на обмѣнъ, взялъ себѣ на память; англичанамъ особенно дорога казалась пика его, съ согнутымъ концемъ, отъ ударовъ, наносимыхъ имъ французскимъ латникамъ. Козака нашего возили въ каретѣ въ парламентъ и въ театръ, гдѣ онъ сидѣлъ въ ложѣ съ лордами; при появленіи его, раздавались вос-

Послѣдняя катастрофа, приключившаяся съ арміею Наполеона, быстро разнеслась по Европѣ и обрадовала всѣхъ, угнетенныхъ французами. Въ Вильно военная полиція Наполеона еще скрывала отъ солдатъ своихъ и жителей города, всѣ неблагопріятныя происшествія, касавшіяся до ихъ арміи. Въ Вильно было средоточіе союзныхъ польскихъ областей, депо французскихъ присутственныхъ мѣстъ и виталище чужестранныхъ посланниковъ. Пребывавшій тамъ администраторъ, герцогъ Бассано, имѣлъ неусыпный надзоръ за всѣмъ; онъ положительно отвергалъ всѣ, доходившіе туда тревожные слухи о положеніи главной арміи, и такъ какъ давно не было извѣстія о Наполеонѣ, то онъ послалъ одного молодого поляка, одѣтаго въ женское платье, провѣдать объ участи Наполеона, а самъ, между тѣмъ, распустилъ слухи, чрезъ Виленскія вѣдомости, что Наполеонъ нарочно приманилъ Чичагова къ Минску, гдѣ поставилъ ему ловушку. Шпіонъ герцога скоро возвратился и, по приказанію его, объявилъ жителямъ Вильно, что Импе-

вѣщанія: «вивать Александръ, вивать Платовъ, вивать козакъ! Въ Лондонѣ награвированъ былъ портретъ Земленухина и отпечатанъ во многихъ оттискахъ. Бывшій тогда въ Лондонѣ Кн. Воронцовъ пригласилъ его съ собою говѣть на страстной недѣлѣ. Козака нашего полюбили тамъ даже маленькіе дѣти и ласково гладили его бѣлую бороду: Англичане уговаривали его на всегда остаться въ Лондонѣ и хотѣли его женить; но онъ не пожелалъ промѣнять своего тихаго Дона на шумный городъ, и послѣ святой недѣли отправился изъ Лондона въ Россію. Англичане съ сожалѣніемъ провожали его и просили кланяться отъ нихъ всему молодецкому русскому войску. Гр. Платовъ представлялъ его Государю и прусскому Королю; Земленухинъ произведенъ былъ въ урядники и уволенъ на спокойствіе, домой.

Анекдоты о войнѣ русскихъ съ французами и Русскій Вѣстникъ, изданія 1814 г.

раторъ находится при Березинѣ въ самомъ лучшемъ положеніи, и что Чичаговъ попался въ западню. И вотъ, 20-го Ноября, въ день коронаціи Наполеона, въ Вильно было большое празднество, сопровождаемое блестящимъ баломъ и освѣщеніемъ всего города. Въ польскихъ костелахъ пѣли Те Деум (тебя Бога хвалимъ); впрочемъ на другой же день Бассано шепнула иностраннымъ министрамъ, чтобы они скорѣе уѣзжали изъ Вильно въ Варшаву. Трудно было скрыть большое смятеніе и суетню въ городѣ, по причинѣ сборовъ всѣхъ дипломатовъ къ отъѣзду; на станціяхъ многимъ изъ нихъ недоставало лошадей.

Пока французская армія бѣжитъ, спѣшитъ, а большая часть ея бредетъ, влечется по знакомой уже ей, опустошенной дорогѣ, а Наполеонъ впереди ея мчится во Францію, взглянемъ, какъ принято было это неожиданное событіе въ Европѣ. Летучіе листки нѣкоторыхъ европейскихъ газетъ начали передавать уже не ложныя извѣстія о конечной гибели наполеоновыхъ полчищъ, особенно нѣмецкія и англійскія газеты непрерывъ стали трубить объ этомъ событіи; первыя сначала осторожно, сдержанно пускали въ ходъ эти извѣстія, потому что Германія находилась еще въ тискахъ Наполеона; но вскорѣ потомъ жители ея сами стали постепенно снимать съ себя оковы, дыхнули свободой и громко, печатно заговорили, обращаясь къ падшимъ соратникамъ деспотическаго предводителя: «вы, которые пили воды Нила, Эбро, Дуная, Вислы и Москвы, вы осквернившіе капітолій Рима, Нумидійскія развалины, Эскуріаль гордаго Филиппа, столицу Габсбурговъ, Сансуси великаго Фридриха и священные храмы Москвы, теперь воляетесь прахомъ на саванахъ русскихъ снѣговъ. Ни чья слеза не ка-

нетъ надъ вами, ни чья молитва не изрѣчется за васъ—Се Божій перстъ!»... Прусскій король и народъ его въ то время также связаны еще были союзомъ съ Наполеономъ, иначе не дойти бы французамъ отъ Нѣмана до Варшавы. Состояніе храбрыхъ прусаковъ было невыносимо, даже уничтожительно, но въ скоромъ времени послѣ того, они не могли болѣе переносить своей рабской подчиненности французамъ, они первые подали собою примѣръ всей Германіи: твердо отстаивать общую независимость; въ Пруссіи послышался первый кличъ свободы — и разнесся сперва по всей Германіи, а потомъ далѣе (*):..

Въ Лондонѣ, пишетъ П. П. Свиньинъ (**), побѣды надъ французами доставали тамошнему дрюриденскому театру много удачныхъ представленій; Бонапарте въ нихъ являлся обыкновенно карликомъ, въ арлекинскомъ костюмѣ, въ ботфортахъ, съ длинною кошою и въ высокой треугольной шляпѣ. Во всей Англіи, въ лубочныхъ театрахъ, на ярмаркахъ, для забавы черни, выводили Наполеона на сцену по нѣсколь-

(*) Въ то время въ Пруссіи сочинена была забавная пѣсенка-поговорочка *Einquartiren, Alimentiren, Requistiren, Einchribiren, Frau entfaren, Paus ferliren, Nicht resoniren, und doch illuminiren, das ist zum sgeriren.*—Тогда въ Германіи сложена была еще пѣсня на поражение французовъ, припѣвъ къ куплетамъ которой былъ: *ein, zwey, dreu,* (разъ, два, три), *«Нѣмцы французовъ откормили, а русскіе ихъ поколотили.»*—Общественное мнѣніе противъ деспотизма Наполеона издавна выказывалось во всей Германіи, особенно въ театрахъ, гдѣ при пѣсни Валленштейна (Шиллера): *«Гремитъ труба, знамена вьютъ»*, зрители соединяли голоса свои съ торжественнымъ хоромъ. Брауншвейгскій герцогъ сформировалъ противъ Наполеона *смертоносный черный легионъ*, изъ самыхъ отчаянныхъ наѣздниковъ; они были въ черныхъ мундирахъ, съ изображеніемъ мертвыхъ головъ на каскахъ.

Берлинскія Вѣдомости, 1813 г.

(**) Записки его изданы были въ Петербургѣ, въ 1817 г.

ку разъ и заставляли его каррикатурно плясать. Иногда, забывая, что на сценѣ дурачится одинъ изъ ихъ единоплеменцевъ, а—не самъ *Бонапартъ*, зрители бросали въ него гнилыми яблоками.—«Мы такъ много пьемъ за здоровье русскихъ, говорили англичане, что у насъ скоро вздорожаетъ вино».

Замѣчательно, что истребленіе большой французской арміи праздновалось съ живою и торжественною радостію въ сѣверной Америкѣ: въ филадельфійскихъ газетахъ описано было данное, по этому случаю, празднество, которое началось богослуженіемъ и ораторією, пѣтою двумястами пѣвчихъ, а кончилось великолѣпнымъ пиршествомъ, на которомъ была пѣта ода, нарочно для того сочиненная. При питіи за здоровье многихъ тогдашнихъ нашихъ героевъ, подъ звѣздистымъ знаменемъ, вдругъ появились прозрачныя картины, изображавшія наши побѣды надъ французами, при чемъ были произнесены приличныя тому случаю рѣчи. Первый тостъ предложенъ былъ въ честь Александра, который, сказано было въ этой рѣчи, не проливаетъ слезъ, подобно Македонскому, отъ того, что не покорилъ всего свѣта, но радуется, что можетъ избавить многихъ отъ ненасытнаго покорителя.

Въ константинополѣ находился въ то время французскій повѣренный въ дѣлахъ, Жубертъ; онъ выставилъ на своемъ домѣ гербъ Наполеона, но Рейсъ-Эфенди приказалъ сказать ему, чтобы онъ снялъ его; Жубертъ отвѣчалъ, что онъ поставилъ этотъ гербъ по повелѣнію своего государя, и если кто осмѣлится, пусть сниметъ его; тогда появились турецкіе чиновники съ вооруженными солдатами, и, приставивъ къ воротамъ лѣстницы, сняли гербъ; между тѣмъ турки срывали трехцвѣтныя кокарды со всѣхъ, встрѣ-

чавшихся съ ними французовъ, осыпая ихъ бранью, даже ударами (*).

Въ Германіи начались бунты противъ французовъ, за новыя конскрипціи, вслѣдствіе которыхъ волнующійся народъ нѣсколькихъ меровъ выкинулъ за окно; въ Любекѣ и въ Гамбургѣ начали срывать французскіе гербы съ крѣпостныхъ стѣнъ и отбивать у французовъ награбленные ими вещи. Въ Берлинѣ, подобно Петербургскому *Патріотическому обществу*, основанному Имп. Елизаветою, для поданія помощи, претерпѣвшимъ отъ войны, стало составляться общество, подъ названіемъ: *Соединеніе женщинъ ко благу отечества*. Тамъ же, въ началѣ 1813 г. даже мальчишки, увидя бѣглыхъ, оборванныхъ французовъ, кричали: «посторонитесь, большая армія идетъ!» А пѣшей конницѣ говорили: «не прикажете ли поддержать вашихъ лошадей»?... Въ Кенигсбергѣ, къ отступающему Мюрату, во время обѣда его, толпы народа подходили къ самымъ окнамъ съ ругательствами и не дали ему кончить обѣда. Бѣгство Наполеона открыло глаза и многимъ полякамъ, горячимъ приверженцамъ его. Въ Готѣ польскія войска послали къ нему депутацію, съ просьбою объ увольненіи своемъ изъ его арміи; раздраженный Наполеонъ спросилъ у посланныхъ: «Развѣ они льва считаютъ уже мертвымъ?» Потомъ, какъ будто опомнясь, прибавилъ: «пусть они подождутъ еще недѣлю, по прошествіи которой могутъ возвратиться по домамъ своимъ.» Поляки, согласившись на это, всякій день замѣчали новый наступившій день на киверахъ своихъ, проведенною чертою мѣломъ, и по истеченіи срока, покинули французовъ (**).

(*) Моск. Вѣдом. 1815 г.

(**) Анекдоты изъ войны русскихъ съ французами, изд. 1814 г.

Въ то время началась ожесточенная полемика между французскими и англійскими газетёрами (отчасти и нѣмецкими). И въ самомъ Парижѣ между журналистами происходило междуособіе, образовались два враждебные лагеря: одни превозносили Наполеона, называли его: *L'homme extraordinaire* (необыкновенный человѣкъ) и написали въ честь его акrostихъ: *Бонапарте*, въ которомъ, въ 1-мъ стихѣ сравнивали его съ Брутомъ, во 2-мъ съ Октавіемъ, въ 3-мъ съ Нумою, основавшемъ религію на политикѣ, въ 4-мъ съ Аннибаломъ, перешедшимъ чрезъ Альпы, въ 5-мъ съ Перикломъ, въ 6-мъ съ Алекс. Македонскимъ, завоевавшимъ весь свѣтъ, въ 7-мъ съ Ромуломъ, основавшемъ величіе Рима, въ 8-мъ съ Титомъ, прославившемъ царство свое милосердіемъ; 9-я строка содержала въ себѣ слова: «*Это все соединено въ одномъ герое.*»—Лъстецы называли его, (какъ было выражено въ катехизмѣ, изданномъ по повелѣнію его): *l'image de Dieu vivant* (образъ Бога живаго); въ этомъ же катехизмѣ было сказано, что «нелюбящіе Наполеона подвергаются вѣчному осужденію». Противники же его, на счетъ этой угрозы, въ тайной типографіи напечатали эпиграмму:

On nous l'enseigne et le precepte est claire,
 Il faut t'aimez o Corse haissable!
 Il faut l'aimer sous peine de l'enfer
 Ah! s'en est faite! nousirons tout au diable!

Сами же французы писали, что Наполеонъ родился 3-го февр. 1768 г., но для того, чтобы имѣть право называться французомъ, онъ провозгласилъ, что родился 3-го Авг. 1769 г., потому что Корсика присоединена къ Франціи только 3-го мая, 1768 г.

Тогда же пущены были въ ходъ еще двѣ ѣднія эпиграммы на Наполеона и на его любимцевъ, заключающія въ себѣ два рецепта:

Dans un chadron sur un feu ardent,
Mettez Davoust, Ney, et le brav Bertrand;
Joignez y sans artifice
Savary, digne chef de police.
Infusez et—ritires on fleur,
Vous aurez du vinaigre des quatre voleurs.

(Какъ составить уксусъ 4-й разбойниковъ изъ Даву, Нея, Бертранда и Савари).

Prenez de sang—de Robesprière
Les os de Tibere,
Le crâne de Neron,
Vous aurez tout Napoléon.

(Возьми крови Робеспьера, кости Тиверія, черепъ Нерона, и выйдетъ Наполеонъ).

Въ англійскихъ газетахъ писано было тогда: «Если бы собрать всю кровь, пролитую Наполеономъ, то онъ могъ бы, стоя на вандомской колоннѣ, пить ее, не наклоняясь. Подобный отзывъ объ Наполеонѣ, въ стихахъ, появился, приклеенный на самой этой колоннѣ, съ прибавленіемъ: «вся Европа, облитая слезами и кровью, громко требуетъ мира, мира!»—Когда Наполеонъ, разбитый русскими, прибылъ въ Парижъ и приказалъ выставить на улицахъ черныя знамена, съ надписью: *отечество въ опасности*, подъ ними тотчасъ же появилась подпись: *А кто этому виноватъ?* (*).

Въ нѣмецкихъ газетахъ Наполеона называли солдатскимъ императоромъ (Soldatenkaiser); на ярмаркѣ,

(*) *Достопамятная война 1812 г. изд. въ 1813 г.*

въ Лейпцигѣ, выставленъ былъ портретъ его, съ надписью: *разрушитель ярмарокъ.* (*) Въ тѣхъ же газетахъ писали тогда: Рейнъ рѣка, а не граница Германіи; если бы Рейнъ остался за французами, то нарушилось бы равновѣсіе Европы; уголь, составляемый у Германіи, отъ Базеля до Роттердама, есть колѣно, которымъ Франція опирается на затылокъ Германіи, когда ей заблагорасудится. «Болѣе всѣхъ полемизировали съ французами англичане; они исчислили, что Наполеонъ, съ 1802 г., принесъ въ жертву честолюбію своему 5 милл. людей, что для человѣчества онъ былъ впятеро гибельнѣе Юлія Цесаря, который своими войнами истребилъ 1 милл. людей. Англичане писали еще въ *Morning chronicle* слѣдующее: «Наполеонъ желаетъ въ черномъ морѣ—мыть бѣлье, въ Средиземномъ—купать лошадей, въ Балтійскомъ—ловить рыбу, по Атлантическому океану прогуливаться, въ тихомъ—смотрѣться, вмѣсто зеркала. Въ *The Courier* сказано было: «труба славы Наполеона замерзла въ Россіи, бѣгство его изъ Египта было триумфомъ, въ сравненіи съ бѣгствомъ изъ Москвы; теперь онъ считаетъ своими войсками тѣхъ, кто лежитъ въ Россіи, подъ снѣжными сугробами. Въ Кенигсбергскихъ газетахъ дополнили эту эпиграмму, тамъ написали, что у французовъ появилась болѣзнь: *тоска по родинѣ*, потому что они опроретью бѣгутъ домой.—Наполеонъ въ прежнія войны, говорили англичане, давалъ генераламъ своимъ итальянскія, нѣмецкія и испанскія имена; не вздумаетъ ли онъ, въ память знаменитаго похода на Россію, пожаловать имъ и русскія названія, имѣющія одинаковое окончаніе на *овъ* съ безсмертными именами: Кутузовъ, Платовъ,

(*) Моск. Вѣдом. 1815 г.

Чичаговъ, напр. kill'doff (убитый,) Taken-off (взятый въ плѣнъ,) knock'doff (побитый на голову); а самому Наполеону хорошо бы принять титулъ: Made-off (убѣжавшій). Англичане отыскиали преданія Парацельса, (писанныя въ 16-мъ стол.), въ когорыхъ онъ объяснилъ характеръ французовъ собственнымъ ихъ именемъ: «Они не только называются *Галлами*, сказалъ онъ, но дѣйствительно походятъ на пѣтуховъ (gallus по латыни знач. пѣтухъ), по тремъ причинамъ: по спеси, по невѣрности и по сварливости ихъ нрава. Возьмите на удачу француза, перегоните его въ кубъ—выйдетъ парикмахеръ. (*)»

Наполеонъ, ненавидя англичанъ, называлъ ихъ: nation des boutiqueiers (нація торговцевъ—лавочниковъ) и le génie du mal (геній зла); «это вторые Алжирцы,» говорилъ онъ, «но моя шпага длинна, достанетъ до нихъ.» Французскія газеты отвѣчали англичанамъ тоже злыми эпиграммами, между которыми замѣчательны слѣдующія: «Лондонъ диковинный городъ, тамъ истинные англичане только министры, тамъ изъ всѣхъ зрѣлыхъ плодовъ находятся только печенныя яблоки, тамъ веселые люди только пьяницы; вся дичина у англичанъ состоитъ въ бивстексѣ, и, наконецъ, солнце лондонское грѣетъ менѣе неаполитанской луны.»

Въ одномъ парижскомъ журналѣ напечатана была еще курьезная статья, свидѣтельствующая о состояннн англійскихъ фабрикъ: «Геній искусства довелъ

(*) Въ 1811 г. Г-жа Сталь, бывъ въ Петербургѣ, на обѣдѣ у Гр. П. Румянцева, увидѣла на форфоровомъ сервизѣ ястреба съ надписью: *царь ястребовъ* (Roi des vautours); этотъ сервизъ былъ подаренъ Графу Наполеономъ; Г-жа Сталь сказала: «это царь ястребовъ; а вы получили подарокъ отъ *ястреба царей*. (Vautour des rois). Известно, что она была личнымъ и непримиримымъ врагомъ Наполеона.

англійскія фабрики до высшей степени совершенства; въ Лондонѣ есть машина, которая одна стоитъ пяти мануфактуръ: въ нее впускають живаго быка, машина въ одну минуту убиваетъ его, сдираетъ съ него кожу и правильно раздѣляетъ его на части, ноги его превращаются въ гребни, кровь—въ берлинскую лазурь, кости въ сушеный бульонъ, мясо, ириготовленное въ ростбифъ и въ бивстексъ, вываливается съ одной стороны машины, а кожа, вываренная, выдѣланная, вычищенная, падаетъ съ другой стороны, въ видѣ сапоговъ и башмаковъ, послѣдней моды—въ 5 минуты!..»

Въ гамбургскихъ газетахъ, въ послѣдствіи нѣкотораго времени, напечатано было прощеніе гамбургскихъ ословъ къ Марш. Даву (*): «Мы, гамбургскіе ослы, смиренные, сколько можетъ быть смиренъ нѣмецкій скоть, принуждены обезпокоить В. Прев. просьбою: Недавно приказъ, отданный меромъ, дошелъ до нашихъ длинныхъ ушей; въ силу его, тѣ обыватели добраго города Гамбурга, которыхъ захватятъ на льду рѣки, должны содержаться подъ карауломъ, заплатить штрафъ и получить нѣсколько палочныхъ ударовъ. Этотъ приказъ сначала обрадовалъ насъ, потому что граждане постоянно насъ били, а теперь они сами будутъ биты. Небезъивѣстно В. Пр. что есть старая нѣмецкая пословица: *Когда ослу бываетъ хорошо, тогда онъ ходитъ плясать на ледъ*; предки наши соблюдали этотъ обычай и мы отъ него не прочь. Намъ теперь хорошо, мы имѣемъ вдоволь корму, потому что у насъ на улицахъ растетъ высокая

(*) Это писано было въ 1613 г. Въ Гамбургѣ, какъ въ своемъ владѣніи, хозяйничали французы; Даву былъ главный ихъ начальникъ.

травя; теперь выраженіе: *лунный осель*, относится только къ такимъ людямъ, которые не хотятъ вѣрить, чтобы они сотворены были на услугу французамъ. Теперь, по нашему житію, хочется намъ сдѣлать выпляску на льду; вы знаете, какъ это пріятно, потому что сами изволили плясать на льду въ Россіи, а козаки подыгрывали подъ вашу пляску: мы надѣемся, что вы не запретите намъ старой нашей забавы; ослиными голосами молимъ васъ объ этомъ. Позвольте вамъ еще замѣтить: мы имѣемъ нѣкоторыя одинаковыя склонности въ В. Пр-мъ, вы ненавидите людей, мы также, потому что они наши мучители, такъ-какъ, наоборотъ, и вы ихъ мучители; вы ненавидите писателей, мы тоже, потому что должны отдавать свою шкуру на выдѣлку пергамена, употребляемаго ими для письма.»

«Мы, за вышепомянутое дозволеніе ваше, съ благодарностію общаемся вынести на себѣ всѣ мѣшки, которые будетъ угодно В. Пр. взять еще изъ гамбургскаго банка.»

Преклоняя съ покорностію уши, пребываемъ, готовые къ услугамъ Вашимъ, гамбургскіе ослы.»

Теперь обратимся къ окончательному выходу-бѣгству непріятелей изъ предѣловъ Россіи и взглянемъ на преслѣдованіе ихъ русскими до границы.

Видя неотвратимыя бѣдствія своей арміи, Наполеонъ рѣшился покинуть ее; но прежде надобно было ему приготовить умы какъ во Франціи, такъ и во всей Европѣ, для раскрытія истины. Прибывъ въ с. Молодечно, на пути къ Вильно, онъ издалъ 29-й бюллетень, въ которомъ, продолжая выставлать себя

побѣдителемъ; обвинялъ онъ въ гибели своей арміи ужасную стужу, постоянно свирѣпствовавшую, во время его отступленія изъ Москвы. Въ Сморгонѣ онъ объявилъ своимъ генераламъ о намѣреніи: возвратиться въ Парижъ; всѣ должны были одобрить его. Главнocomандующимъ надъ остатками бродящей арміи назначилъ онъ Мюрата. Отсюда побѣды его были очень скромны: въ карету свою посадилъ онъ Коленкура, польскій офицеръ (переводчикъ) и мамелюкъ Рустанъ, неразлучный его сорпутникъ, помѣстившись на козлы, а въ саняхъ, слѣдовавшихъ за каретою, сидѣли Дюрокъ и Мутонъ. Конвой его состоялъ изъ 20 кавалеристовъ. Около Вильно встрѣтилъ его Маре и обрадовалъ извѣстіемъ, что въ Вильно находятся большіе запасы фуража и всякаго продовольствія. Побѣхавъ далѣе, онъ остановился не въ самой Вильнѣ (ему стыдно было явиться туда *на лежку*); но въ предмѣстіи города, для перемѣны лошадей—и опять помчался. Наконецъ, 26 Ноября, переѣхалъ онъ русскую границу и направился чрезъ Ковно въ Варшаву. Тамъ пріѣздъ его изумилъ всѣхъ, особенно французскаго посланника, аббата Прадта, когда къ нему неожиданно вошелъ Коленкуръ, лице котораго скрыто было воротникомъ шубы, а голова обернута черною тафтою. Коленкуръ пригласилъ аббата къ Императору, остановившемуся въ l'hotel d'angleterre, ворота котораго охранялъ польскій жандармъ; на дворѣ гостиницы стоялъ небольшой каретный кузовъ; на сосновыхъ полозьяхъ. Наполеонъ какъ будто прятался въ небольшой холодной комнатѣ, окна которой были вполонину закрыты ставнями, чтобы лучше сохранить incognito пріѣзжаго; въ зеленой, бархатной шубѣ, въ мѣховой шапкѣ и въ теплыхъ сапо-

гахъ, онъ прохаживался по комнатамъ; полька служанка раздувала огонь въ каминѣ. Увидя Прадта, онъ улыбнулся и сказалъ: «я только что прѣхалъ; ну что, здоровъ—ли Гр. Станиславъ Потоцкій? вы, кажется, обо мнѣ беспокоились? Вздоръ, пустяки, у меня еще 120 тысячъ подъ ружьемъ, скоро я опять еще приведу сюда 300,000, а теперь мнѣ надобно быть на тронѣ, а не на конѣ; я вездѣ билъ русскихъ, всѣ бѣды наши произошли отъ суровости климата ихъ.» Вскорѣ послѣ того онъ опять велѣлъ подавать смиренный свой экипажъ—и быстро началъ продолжать путь, чрезъ Германію во Францію, подъ чужимъ именемъ (Рейневаля, секретаря Коленкура, на имя котораго выданъ былъ паспортъ, подписанный маршаломъ Бертье) (*).

Наполеонъ выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи, и однимъ, самымъ главнымъ врагомъ ея, стало менѣ (**). Безъ него—уже самопроизвольно и беспорядочно бѣжали полузамерзлые толпы непріятелей, смѣшавшись съ своими начальниками и устлая путь своей новыми жертвами, новою повалкою тѣлъ. Впрочемъ и наши войска, особенно въ исходѣ ноября, на пути отъ Минска къ Вильнѣ, стали чувствовать жестокость зимы, не смотря на то, что солдаты наши, отчасти и офицеры, укутаны были въ полушубки, въ тулупы, въ валенки и въ мѣховыя шапки (***). Отъ тяжести

(*) Мемуары Прадта, собранныя и изданныя Эмиленъ де с. Плеромъ.

(**) Есть преданіе, что въ бумагахъ Наполеона найдена тетрадь съ географическими замѣтками, писанными имъ въ 1788 г.; послѣднія слова въ ней слѣдующія: *sante Elena petit Ile* (св. Елена есть небольшой островокъ). Еще замѣчательно то, что на памятникъ Наполеону (въ домѣ инвалидовъ, въ Парижѣ,) мраморъ вывезенъ былъ изъ нашей Финляндіи, съ дозволенія Имп. Николая.

(***) Записки артиллериста, изд. 1835 года.

одежды имъ трудно было идти пѣшкомъ, да невозможно было и ѣхать, сидѣть безъ движенія отъ сильнаго мороза (около 30 град.); отъ этой напряженной жизни многіе заболѣвали, у нѣкоторыхъ же отморожены были какія нибудь части тѣла. Лошади у русскихъ также терпѣли крайнюю нужду, сѣна для нихъ не было, изъ овса же, возимаго на пушкахъ, давали имъ скудную долю, они жевали безсочную солому; къ тому же ихъ часто надобно было перековывать. Вплоть до Вильно всѣ селенія были мертвенно пусты, къ нимъ медленно приближалась главная наша армія. У самой Вильно, по обѣимъ сторонамъ дороги, какъ складенные костры, въ видѣ заборовъ, навалены были непріятельскіе трупы. Между тѣмъ, какъ Гр. Витгенштейнъ и Адмиралъ Чигачовъ по пятамъ гнали французовъ, фельдмаршалъ расположился на кантонирь-квартиры около Вильно, гдѣ спѣшно занимались уборкою мертвыхъ тѣлъ людскихъ и конскихъ и вообще чисткою города, въ ожиданіи прибытія туда Государя.

Вильно, послѣ перехода чрезъ нее бѣгущихъ непріятельскихъ войскъ, была въ безобразномъ состояніи; сперва тамъ появился Ней, за нимъ спѣшили другіе маршалы и принцы, съ какими то странными футлярами на лицахъ, отъ мороза, сдѣланными изъ чего попало; между ними былъ и Мюратъ, съ толстою суковатою палкою въ рукахъ, обернутый пестрою шалью; онъ отличался отъ всѣхъ своими странными ужимками и движеніями; защищаясь отъ мороза, онъ: то подпрыгивалъ, то подсвистывалъ, топая ногами, какъ будто въ потѣшномъ карнавалѣ (*). Непріатели остано-

(*) Справедливая повѣсть о войнахъ Бонапарта, сочиненная въ утѣшеніе нѣмецкому народу, перев. съ нѣм. яз. Ал. Шишковымъ, 1814 года.

вились было отдохнуть въ этомъ городѣ, уцѣлѣвшемъ отъ огня и расхищенія, какъ вдругъ (27 Нояб.), раздалась тамъ восклицанія: русскіе идутъ, козаки! «Въ тревогѣ и смятеніи непріатели бросились бѣжать. Первые изъ русскихъ быстро вступили въ городъ: полковникъ Теттенборнъ и Ген. поручикъ Кутузовъ; тутъ то началась суматоха.... Жидки, предшествуя русскимъ, указывали имъ на спрятавшихся кое гдѣ французовъ, выгоняли ихъ изъ ихъ убѣжищъ и натыкали ихъ на пики козаковъ. Вотъ какъ измѣнчива судьба людей! Побѣдители свѣта жалобно просили помилванія у жидовъ, которыхъ они такъ глубоко презирали. За городомъ произошло небольшое сраженіе, но Вертье не могъ собрать своего отряда, который раздѣлился на кучки, и скоро самъ побѣжалъ за испуганными бѣглецами. Въ Вильно русскіе получили большую добычу, которой ловко поживились и жиды; при томъ, тамъ множество взято было въ плѣнъ, высшихъ и низшихъ непріятельскихъ чиновъ.

5 Декабря, въ 2 часа по полудни, вступила въ Вильно и гвардія наша, подъ предводительствомъ Цесаревича, Константина Павловича, она вошла въ городъ съ музыкою и проходила церемоніальнымъ маршемъ, мимо фельдмаршала. Отовсюду раздавалось кромкое ура! Стеченіе народа затопило всѣ улицы, чрезъ которыя проходили войска; вечеромъ въ тамошнемъ театрѣ данъ былъ спектакль, въ которомъ представлена была опера; *Добрый панъ*. Въ заключеніи спектакля, въ присутствіи главнокомандующаго, жители города торжественно изъявляли благодарность свою къ полководцу, избавившему ихъ отъ враговъ: въ театрѣ выставлена была прозрачная картина, съ изображеніемъ фельдмаршала и съ надписью: *Изва-*

вителю отечества; надъ этимъ изображеніемъ видѣнъ былъ парящій орелъ, державшій вензелевое имя Александра. При этой сценѣ пѣты были привѣтственные стихи побѣдоносному русскому воинству (*).

10 Дек. получено было въ Вильнѣ извѣстіе, что Государь находится уже недалеко отъ нея, въ 70 верстахъ, у мѣстечка *Михалишекъ*; тамъ встрѣченъ онъ былъ инспекторомъ почтъ, Доливо-Добровольскимъ, а на послѣдней станціи, въ деревнѣ *Язвъ*, Полковникомъ Чернозубовыхъ съ козачьимъ полкомъ и виленскимъ Еврейскимъ обществомъ съ хлѣбомъ и солью, поднесеннымъ ему старшиною общества, Рубинштейномъ. При въѣздѣ Государя въ городъ, встрѣтили его генералы: Ставраковъ и Эртель, а у дворца — Фельдмаршалъ со всѣмъ генералитетомъ. Это дѣло было вечеромъ, въ 5-мъ ч.; во всемъ городѣ вспыхнула яркая иллюминація. Наступилъ день рожденія Александра (12 Дек.); (***) поутру онъ былъ въ вахтъ-парадѣ, возвратясь же во дворецъ, принималъ поздравленія отъ военныхъ и

(*) *Такъ разъ Польша бензе щеслива!* кричали тогда Поляки. А что было незадолго предъ этимъ!...

(**) Губернаторомъ въ Вильнѣ, 1812 г. былъ Генер. отъ инф. Римскій-Корсаковъ.

(***) День рожденія Александра 1-го, по календарю новаго стиля, бываетъ 25-го Дек., въ самый праздникъ Рождества Христова; по этому въ Лондонѣ сочинены были стихи:

Le jour de Noël 1812.

Le jour, où pour nôtre bonheur
Dieu pour nous daigna descendre,
On celebra un second Sauveur,
Et c'est l'empereur Alexandre.

Т. е. Въ день, въ который Богъ благоволилъ придти въ міръ для нашего спасенія, праздновали рожденія второго избавителя, Имп. Александра.

гражданскихъ чиновъ; во время шествія его въ церковь, къ литургіи, передъ дворцомъ стояло виленское общество съ городскими значками, при наклоненіи которыхъ, во время появленія Государя, граждане оглушительно кричали ура!.. Обѣденный столъ имѣлъ Государь у фельдмаршала (которому въ этотъ день пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 4-го класса, большаго креста); въ продолженіи стола стрѣляли изъ отнятыхъ у неприятелей пушекъ, ихъ же порохомя. Вечеромъ общее торжество ознаменовано было поставленнымъ у ратуши блистательно разсвѣщеннымъ транспарантомъ, съ изображеніемъ Минервы, стоящей на седьмиглавомъ змѣи, и изгоняющей враговъ Россіи. Въ театрѣ была другая прозрачная картина, представлявшая Государя, окруженнаго народомъ его, съ изъявленіемъ восторга, за избавленіе отечества отъ враговъ.

Ровно чрезъ полгода Государь прибылъ въ Вильну; но сколько роковыхъ событій прошло въ теченіе этого времени—и вотъ опять поляки кричатъ ему: *надать до нощ*. Нѣкоторые энтузіасты—патріоты, наэлектризованные прокламаціями Наполеона, опасаясь мщенія русскихъ, бѣжали за мнимыми избавителями своими, французами, въ Варшаву, но манифестъ Императора Александра, изданный 12 Дек. о всепрощеніи, побудилъ многихъ изъ нихъ воротиться въ свое отечество.

Дек. 15, вся Бѣлостокская область занята была уже русскими войсками; въ этотъ день французы, находившіеся въ Россіи 6 мѣсяцевъ и 3 дня (съ 12 іюня), были совершенно изгнаны изъ предѣловъ ея.

Исполнилось царское слово: наше оружіе не было положено до тѣхъ поръ, пока враги пребывали въ русской

землѣ; въ ней остались только плѣнные, убѣдительно просившіеся въ нашу службу, да космополиты иностранцы, пришедшіе въ нее съ бѣдными котомками, которымъ *тепло* и въ самыхъ сѣверныхъ окраинахъ Россіи; потомки ихъ, съ новымъ *наплывомъ земляковъ* своихъ, благоденствуютъ у насъ и доннынѣ...

На дальнѣйшемъ походѣ русской арміи къ границѣ, въ преслѣдованіи непріятелей, войны наши слышали отъ жидовъ рассказы объ вѣроломствѣ литовскихъ жителей, а именно: какъ они, при началѣ компаніи, при появленіи въ ихъ страну французовъ, нападали на наши обозы, оставляемые съ слабыми прикрытіями, убивали больныхъ и въ мѣстечкѣ Ойшишкахъ захватили команду егерей съ офицеромъ (*). Когда случалось отрядамъ русской арміи останавливаться, для квартированія, въ фольваркахъ, у помѣщиковъ, они принимали ихъ, какъ виноватые, съ видомъ раскаянія и покорности, *паньи*, (хозяйки) радушно угощали ихъ, а *цуречки* (дочки) ихъ, кокетливымъ обхожденіемъ своимъ и подслащенными улыбками, вторили своимъ добродзеямъ. Почти въ каждомъ домѣ ихъ находились портреты Наполеона, въ нѣкоторыхъ же домахъ они были завѣшаны. Изъ Гродно шляхта, съ приближеніемъ русскихъ, также откочевала въ Варшаву; городъ былъ пустъ, его прежде всѣхъ занялъ партизанъ Давыдовъ съ неугомоннымъ, легучимъ отрядомъ своимъ. Старинный тамошній дворецъ былъ превращенъ въ госпиталь, въ которомъ помѣщалось нѣсколько тысячъ больныхъ-раненыхъ непріятелей. Въ русской церкви находился фуражный магазинъ; тамъ едва виднѣлись лики Святыхъ, изъ

(*) Зап. артиллериста, 1835 года.

за насыпей овса и настилки сѣна; въ провіантскомъ магазинѣ найдено было нѣсколько тысячъ порцій бѣлыхъ сухарей, которые розданы были нашимъ солдатамъ. Эти сухари имѣли форму небольшихъ кирпичиковъ, они были прѣсны и потому не понравились русскимъ, въ сравненіи съ своимъ чернымъ и кислымъ землякомъ-хлѣбомъ: «Что въ нихъ толку-то, говорили они, только что горло оцарапаешь ими.» Услужливые спекуляторы, большею частію жидаы, въ ожиданіи русскихъ, открыли въ Гродно нѣсколько цукернъ (кондитерскихъ) и *обержей* (ресторацій), въ которыхъ приготовлены были для нихъ разныя кушанья польской стряпни: недосоль, пересоль, недоваръ и переваръ приправляемъ былъ юркими и услужливыми польско-жидовками, ихъ привѣтствіями, улыбочивостію ихъ многообѣщающихъ взоровъ и заискивающихъ граціозно кашачьихъ движеній. Не совсѣмъ долюбивая русскихъ, они страстно любили (да и теперь любятъ) корбованцы, серебряные рубли ихъ.

Для солдатъ нашихъ было тамъ своего рода угощеніе: для нихъ открыты были шинки и корчмы, въ которыхъ жидовки, подобно древнимъ пиѣямъ, сидя предъ жаровнями, пекли и жарили разныя мучныя снадобья, а суетливые и низкопоклонные жидаы, за безцѣнокъ скупали у солдатъ цѣнныя вещи. Чтобы взойти болѣе въ довѣренность къ нимъ, нѣкоторые изъ жидковъ, съ таинственнымъ видомъ шептали солдатамъ: «кавалеры, а вѣдь я зе перекрещенець, вѣдь я зе—вашей вѣры (*) на что наши смѣтливые солдатики отвѣчали: «такъ чтожъ, тѣмъ хуже, конь леченый, да жидъ крещеный, никуда не годятся.

(*) Преданіе ополченца того времени.

Такъ славно и побѣдно дошли наши воины до границы; незадолго до вступленія ихъ въ варшавское герцогство, Кутузовъ издалъ имъ приказъ, въ которомъ называлъ ихъ *спасителями отечества*: «Руссія привѣтствуетъ васъ этимъ именемъ, писалъ онъ,» не было еще примѣра столь блистательныхъ побѣдъ. Не останавливаясь среди геройскихъ подвиговъ, мы идемъ теперь далѣе, перейдемъ границы и потщимся довершить пораженіе непріятелей на собственныхъ поляхъ его. Но не послѣдуйте примѣру враговъ вашихъ, въ ихъ буйствѣ и неистовствахъ, унижающихъ солдата. Будемъ великодушны, положимъ различіе между врагомъ и мирнымъ жителемъ. Не порабоженія, ихъ и суетный славы желаемъ мы, но ищемъ освободить отъ бѣдствій и угнетеній даже самые тѣ народы, которые вооружились противъ Россіи; мы идемъ доставить миръ Европѣ (*).

Этотъ приказъ изданъ былъ на рубежѣ двухъ годовъ: кончающагося 1812 г. и возраждающагося 1813-го.

1-го Генваря, наступившаго новаго года, подъ личнымъ предводительствомъ Государя и фельдмаршала, русскія войска съ торжественною музыкою и восторженнымъ крикомъ: ура!.. перенесли оружіе и знамена свои чрезъ границу; эти знамена, какъ хоругви спасенія всей Европы, развились и заколыхались сперва за р. Нѣманомъ, а послѣ далѣе и далѣе—до самаго Парижа.

Въ дополненіе къ эпиграмамъ и сатирамъ на французовъ, представляю описаніе каррикатуръ на нихъ,

(*) Сѣверн. почта, 1813 года.

они также характеризуютъ эту войну, особенно отступление непріятелей изъ Россіи и даютъ понятіе о юмористикѣ того времени. Замысловатыхъ каррикатуръ на бѣгство французовъ было довольно въ Англии и въ Германіи, особенно въ Берлинѣ, тамъ они перешли на салфетки на ковры, на платки и на дамскія шали; тамъ могли видѣть этотъ энізодъ въ живописи на спинѣ и на плечахъ женщинъ. У насъ въ Россіи, болѣе въ Москвѣ, на Спаскомъ мосту, у Казанскаго собора и въ квасномъ ряду, (кромѣ нѣкоторыхъ помянутыхъ) продавалось множество разнообразныхъ каррикатуръ, такъ называемыхъ *лубочныхъ*, размазанныхъ сурикомъ и вохрою; между ними находились и гравированныя, историческаго, фантастическаго и аллегорическаго содержанія. Въ настоящее время они представляютъ большую рѣдкость; по случаю какого нибудь праздника или торжества, они на большихъ улицахъ, среди яркой иллюминаціи, между разсвѣщенными транспарантами и щитами висѣли на окнахъ домовъ и воротахъ. Всѣхъ ихъ было болѣе пятидесяти, представляю самыя курьезныя изъ нихъ, ярко раскрашенныя:

Французскіе генералы, въ истасканныхъ мундирахъ, съ соломенными эполетами и съ шитьемъ изъ мочалы; исподнее платье на нихъ было: одна половина изъ парчи, а другая изъ дыряваго холста. Они представлены были танцующими, съ кислыми гримасами, подъ барабанный бой самаго Наполеона. — Бѣгущій Наполеонъ, въ видѣ коршуна, прѣслѣдуемаго орломъ, съ подписью: *Въ 1812 г. отецъ и сынъ научились блатъ*. (Сынъ его въ то время былъ еще малолѣтень). Эта каррикатура служила подвѣскомъ къ портрету Кутузова. — Наполеонъ представленъ былъ

Фараономъ, утопающемъ въ Черномъ морѣ, то верхомъ на рагѣ, пятащемся назадъ, съ надписью: *Avansi* (впереды!), То изображенъ онъ былъ вѣдущимъ на своихъ генералахъ, съ подписью. *Изъ знатныхъ воробьевъ надъпалъ конюховъ.* — Осада французами русской бани, — крестьянскія бабы вилами подымающія тощихъ французовъ. — Изгнаніе изъ Москвы съ кузнецкаго моста французскихъ торговокъ. — Наполеонъ съ маршалами своими выжигаетъ въ Москвѣ золото и серебро изъ церковныхъ ризъ. Французскіе мародеры, испугавшіеся козы. — Бѣгство Наполеона на лыжахъ. — Карантинъ для Наполеона, по возвращеніе его, изъ Россіи. — Ополченіе бабъ, идущихъ на французовъ съ вальками и ухватами. — Французы, бѣгущіе въ разныхъ маскарадныхъ костюмахъ. — Къ нимъ, кстати, попалъ картина о томъ, какъ польскаго короля, *Попеля*, мыши объѣли (*). (Русскіе не добромъ вспоминали поляковъ, которые неистовствовали въ Москвѣ болѣе французовъ).

Замѣчательнѣе по своей идеи, по юмору и по исполненію каррикатуръ, съ подписями были слѣдующія.

Представляется Наполеонъ, во весь духъ мчащійся въ лубочныхъ сняхъ, запряженныхъ въ клячу, мимо разбросанныхъ своихъ пушекъ, по смоленской дорогѣ; кучеръ его, польской уданъ и самъ онъ, привставъ, нещадно погоняютъ измученную клячу; сзади саней стоитъ Даву и Понятовскій, махая отмороженными руками, внизу подпись.

(*) Вѣроятно эта картина подала мысль Пахимову написать свои саркастическіе стихи на смерть Попеля, которые оканчиваются такъ: *«Какъ будто бы Король огарокъ съѣдки сальмой».*

Бѣда! гони скорѣй съ грабителемъ Московскимъ,
 Чтобъ въ сѣти не попастьъ съ Даву и съ По-
 нятовскимъ.

Французъ, бросивъ свое оружіе и вынувъ изъ котла мертвую ворону, жадно рветъ ее зубами; по сторонамъ его стоятъ на колѣняхъ два товарища его, съ разинутыми ртами и просятъ у него знаками подѣлиться съ ними этимъ лакомымъ кушаньемъ.

Ворона, ахъ, ворона! Нельзяль хотъ ножку дать?
 А мнѣ изъ котлика хотъ жижи полизать...

Бѣгущіе изъ Москвы французы, сгорбленные, скорченные, съ самыми плачевными фізіономіями, маскарально за костюмированные; впереди, высоко поднявъ ногу, маршируетъ начальникъ ихъ въ спальномъ женскомъ чепцѣ, плечи его удрапированы лошадиной попоной.

Маршъ, маршъ! домой пора, довольно погостили,
 Безъ носу, рукъ и ногъ домой насъ отпустили.

Между двумя мужиками, изъ которыхъ одинъ играетъ на дудкѣ, а другой замахивается кнутомъ на француза, послѣдній пляшетъ, выдѣлывая презабавливый на; съ него сваливается киверъ.

Желалъ насъ вышколить ты на свою погудку,
 Анъ ибѣтъ, не удалось, пляши подъ нашу дудку.

Французы, верхомъ на палочкахъ, на знаменахъ и на трубахъ своихъ, съ длинными натянутыми носами, вступаютъ во Францію.

Ликуй, о храбрый галль, встрѣчай насъ съ
 торжествомъ,
 Спустивъ все съ рукъ, спѣшимъ на палочкахъ
 верхомъ.

Бонапартъ стоитъ величаво, осматривая новобран-
ныхъ рекрутъ, предъ нимъ стоятъ на костыляхъ Три
плѣшивыхъ старика, а подлѣ нихъ двѣ сухапарыя
лошади со впалыми боками, надъ головами ихъ раз-
вернутая хартія, на которой написано: *отъ двухъ де-
партаментовъ поставляется 3 рекрута и 2 лошади.*
Вдали катаются дѣти на телѣжкахъ, надъ ними над-
пись: *волонтеры во французскую армію.*

Не худо, славные конскрипты, галловъ честь.

А съ сколькихъ это душъ?—Послѣднее, что есть.

Надъ рѣкой высокая гора, съ арматурой, съ горы
скатываются французы вверхъ ногами, прямо въ рѣку,
за ними по горѣ катится оружіе ихъ.

Высоко влѣзя мы и силою гордились,

Но вдругъ турнули насъ, на Эльбу мы спустились.

Бонапартъ стоитъ съ обнаженной саблею въ рукѣ
и съ угрожающимъ видомъ, предъ набраннымъ поль-
скимъ ополченіемъ, въ разнообразной одеждѣ, съ пла-
чевными физіономіями.

Цыцъ, цыцъ, негодный ляхъ, гни синну и молчи,

И также, какъ другой, въ рядахъ моихъ торчи.

Колесница, съ сидящей на ней фортуной, рваные
кони шибко мчатъ ее; козакъ, сидящій на козлахъ,
погоняетъ ихъ, другой скачетъ за колесницей, по
дорогѣ разбросанное оружіе французовъ, зарядные
ящики и пр.

Счастье за галломъ, устанъ брестъ пѣшкомъ.

Рѣшилось въ станъ русской скакать съ козакомъ.

Представлено вертящееся колесо, съ котораго сле-
таютъ разные доспѣхи французовъ: оружіе, знамена,
ордена, труба славы и пр. Колесо окружено толпою

французовъ, съ воздѣтыми, отъ отчаянія, къ верху руками.

Мечты и суеты войны, чины, перуны—
Слетѣли съ колеса капризнаго фортуны....

Еще представленъ былъ одноглавый французскій орелъ съ повислыми крыльями и хвостомъ, низко летающій, съ надписью:

Куда ты, птица однобока,
Такъ низко надъ землею летишь,
Хвостомъ виляя, какъ сорока,
И крыльями песокъ чертишь?

Между историческими и аллегорическими картинами замѣчательны: *Возрождающаяся Москва и колесница*, мчащаяся на быстрыхъ коняхъ, ею управляютъ ге- нии; на колесницѣ стоитъ Александръ, Минерва вѣнчаетъ его лаврами, подъ колесами лежитъ чудовище, уже безглавое; у колесницы окованная Европа, представленная въ видѣ женщины; донской козакъ снимаетъ съ нея цѣпи—вверху летитъ слава съ трубой и развиваетъ знамя съ надписью:

Ты чудо изъ чудесъ надъ солнцемъ совершилъ:
Ты міру цѣлому свободу возвратилъ.

Кромѣ всего вышеписаннаго на ту эпоху, сочинены были разныя театральныя и музыкальныя піесы (*), марши, ораторіи и выбиты медали. Въ уцѣлѣвшемъ апраксинскомъ домѣ (близъ арбатскихъ воротъ), по выступленіи непріятелей изъ Москвы, устроенъ былъ театръ и въ немъ, кромѣ патріотическихъ піесъ: *Праздникъ донскихъ козаковъ*, *Освобожденіе Смоленска*, *Семейство старичковъ*, *Влсти или убитый и*

(*) Нѣкоторыя литературныя произведенія того времени приложены въ концѣ этой книги.

живой (Растопчина) и пр. пр. представляли балетъ: *Козакъ въ Лодонь или дань мужеству* и давали различные концерты, между которыми особенно замѣчательнъ былъ, по обстановкѣ своей и идеи, концертъ, съ участіемъ театральныхъ и полковыхъ музыкантовъ, подъ названіемъ: *твердость и случай* (аллегорическая кантата); онъ начинался маршемъ русской арміи, музыка изображала сраженіе, молитву и торжество побѣды. Между пѣснями, пѣтыми въ концертахъ, публикѣ особенно нравились пѣсни, соотвѣстныя тому времени: *миновалась злоюдина, станемъ, братцы, царевать, за горами, за долами, пхалъ козакъ за Дунай* (муз. Каваса, слова Кн Шаховскаго *) и пѣснь донскому воинству: (соч. Шатрова) *Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою*.

Восторженные панегирики и привѣтствія Александру изображались разными проявленіями не въ одной литературѣ и не въ одной Россіи, особенно въ слѣдующихъ годахъ (съ 1812—1815). Такъ, во время вѣнскаго конгресса, знаменитый скульпторъ, Канова, въ честь его изваялъ колоссальную статую, представляющую миръ; Ваттенштейнъ, въ память союза трехъ державъ, вырѣзалъ медаль и поднесъ ее Александру; на передней сторонѣ ея представлена была часть земнаго шара, съ подписью *Европа*, а на ней изображенія императоровъ: русскаго, австрійскаго и прусскаго короля верхами; надъ ними паритъ слава, вѣнчая ихъ лаврами, въ отрѣзѣ латинская надпись (взятая изъ псалма): *Вами Богъ просвѣтитъ тьму мою*; на оборотѣ медали появляющееся изъ за облаковъ, озаренное сіяніемъ око (въ треугольникѣ), по угламъ

(*) Эта пѣснь переведена на нѣмецкій языкъ Крамеромъ.

котораго находятся короны трех означенныхъ державъ, связуемая между собою узломъ. Вѣнская академія поднесла Александру дипломъ, на званіе почетнаго своего члена.

Къ 18-мъ Окт. имп. австрійская сама вышила знамя для полка, шефомъ котораго былъ Александръ, съ словами: *Александра и Франца соединяетъ неразрывный союзъ*; внизу два вѣнца, въ одномъ изображено 18-го Окт., въ другомъ: *Maria Lodoisca* (*). Къ 12-му Декабрю одинъ нѣмецкій бюргеръ выучилъ скворца произносить: *святъ Александръ!* и, въ отсутствіе Государя, отнесъ того скворца въ кабинетъ его и помѣстилъ тамъ въ скрытомъ мѣстѣ; когда Александръ, возвратясь домой, вошелъ въ кабинетъ, скворецъ произнесъ свое восклицаніе. Государь удивился и приказалъ своему камердинеру осмотрѣть комнату; камердинеръ отвѣчалъ, что кромѣ птицы тамъ никого нѣтъ; тогда Александръ понялъ, въ чемъ дѣло, и за эготъ сюрпризъ назначилъ бюргеру пенсію въ 300 флоринъ въ годъ (**).

(*) 18-го Окт. 1814 г. былъ роковой для Наполеона день Лейпцигской битвы, тогда въ Вѣнѣ нѣсколько лучшихъ художниковъ трудились надъ картинами, изображавшими эту европейскую битву. Они избрали тотъ моментъ, когда Кн. Шварценбергъ, видя, что сраженіе склоняется въ пользу союзныхъ государей, прискакалъ къ намъ съ поля битвы и объявилъ имъ эту радость. Союзные монархи сошли съ лошадей, положили шляпы и шпаги на землю, и, ставъ на колѣна, воскликнули *Съ нами Богъ!* Всѣ присутствовавшіе въ свѣтѣ ихъ генералы послѣдовали ихъ примѣру. Австрійскій императоръ сказалъ тогда: *теперь судьба Европы рѣшена въ ея пользу!* И, снявъ съ себя орденъ, надѣлъ его на Шварценберга. Послѣ этого вмѣгъ раздались по всей арміи восклицанія на разныхъ языкахъ: *Съ нами Богъ! Съ нами Богъ...*

Пожное собраніе анекдотовъ изъ отечественной войны, изд. 1815 г.

(**) Моск. Вѣдом. 1815 г.—Самая роскошная и торжественная овація (хотя заочная) была Имп. Александру въ Москвѣ, въ 1814 г. 19-го

Замѣчательны были два исчисленія, сдѣланныя въ то время директоромъ саратовскихъ училищъ, Шестаковымъ; первое состояло въ изрѣченіи: *И посла мірови Ангела кротости*; если его привести въ цифры, по славянскимъ числамъ, т. е. вмѣсто буквы и взять—8, вм. п—80, вм. о—70 и т. д. то сумма чиселъ, означающихъ каждую букву въ томъ изрѣченіи, составитъ сумму 1777-ю, годъ рожденія Александра. Второе исчисленіе состоитъ въ томъ, что если число 1777-е и 24-е (Дек. день рожденія Государя по нов. стилю) сложить, то выдетъ сумма 1801. Это годъ вступленія на престолъ Государя. Тогда многіе дивились догадкѣ и находчивости Шестакова и почитали эти числа мнозначительными, знаменательными.

Въ заключеніе представляю *русскій алфавитъ*, написанный, въ честь Александра, по окончаніи отечественной войны:

Александръ—Благословенный—Высокою—Генія,—
 Державы—Европейскія—Жестокихъ—Золь—Избавившій,—
 Короны—Лишившій—Мучителя—Наполеона,—
 Оградившій—Предѣлы—Россіи—Союзами—
 Твердыни,—Увѣнчавшій—Франціи—Христіаннѣйшихъ—
 Царей—Честію,—Шествуетъ,—Щастіе—
 Югу—Явивъ.

Мая, по случаю взятія Парижа союзными войсками; для этого сочиненъ и представленъ былъ прологъ, подъ названіемъ: *Храмъ безсмертія* (въ домѣ Полтавцаго, у калужскихъ воротъ).

См. мою статью въ *Соврем. Лѣтоп.* 1864 г. № 15-й.

ИЗБРАННЫЯ ПАТРИОТИЧЕСКІЯ И ЮМОРИСТИЧЕС-
КІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ И ПѢСНИ ТОГО ВРЕМЕНИ (*).

ПѢСНЬ

НА ПОРАЖЕНІЕ ГАЛЛЬСКАГО ФАРАОНА.

Возстани свѣше вдохновенный,
Вознесшій гимнами Сіонъ!
Реки, вѣщай, греми вселенной:
Погибнулъ Галловъ Фараонъ!
Гдѣ гордость Западнаго змія?
Ликуй и радуйся Россія!
Въ тебѣ прославился Господь:
Пресѣкъ Благій твои печали—
И конь и всадникъ купно пали!
И хищнымъ птицамъ въ снѣдь ихъ плоть!
Господь, Заступникъ, Покровитель
Израиль новый паки спасъ;
Вотще врагъ Божій—всегубитель,
Россію варварствомъ потрясъ!
Неся убійства предъ собою,
Онъ мнилъ повелѣвать судьбою,
Разсѣять Россовъ, яко прахъ!
Но, Боже! кто Тебѣ подобенъ?
Возрѣлъ—и хищникъ инороденъ
Блуждаетъ въ адскихъ глубинахъ! и. т. д.

А. Урываевъ.

(*). Не въ отношеніи поэзія, а чувствъ русскаго народа.

П Ъ С Н Ъ

НА ОСВОБОЖДЕНІЕ ЦАРСТВУЮЩАГО ГРАДА МОСКВЫ, ОКТЯБРЯ 11
ДНЯ, 1812 ГОДА.

Не въ чистомъ полѣ, не въ пустой степи,
 Не въ темномъ лѣсу, не въ сыромъ бору,
 Да не пташечки, не касаточки
 Вкругъ тепла гнѣзда увивалися;
 А слеталися Орлы Сѣверны
 И сажались вкругъ каменной Москвы,
 Вкругъ сердечушка Царства Русскаго,
 Они думали крѣпку думушку—
 Думу крѣпкую, пригорюнившисьъ:
 Да когда жъ было на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 Храмы Божіи златоглавые
 Опустѣли всѣ—службы нѣту въ нихъ?
 Не видать въ Москвѣ силы Русскія,
 Въ свѣтлыхъ теремахъ красныхъ дѣвушекъ;
 Не видать по Москвѣ золотыхъ каретъ;
 Не слышать совѣмъ шуму градскаго?
 Только видно лишь красно зарево,
 Тучи мрачныя дыму чернаго;
 Только слышны тамъ: плачь да стонъ, да трескъ,
 Вздохи тяжкіе, вопли смертныя!

Вотъ воскликнули могучи Орлы:
 Не прогнѣвался-ль православный Царь?
 Не губить ли Онъ каменну Москву?
 Да не быть тому, не бывать во вѣкъ,
 Чтобы батюшка православный Царь
 Такъ прогнѣвался на дѣтей своихъ;

И не слыхано и не видано,
 Чтобы *кроткой Царь* крѣпко гнѣвался,
 Чтобы *нашъ Отецъ* такъ каралъ дѣтей!
 Видно *матушку* каменну Москву
 Разорилъ злодѣй, *непріятель* нашъ,
 Непріятель нашъ—*Бонапартъ* *лихой!*
 Да и чтожъ ему сдѣлалъ Русской Царь?
 Никому нашъ Царь не завидовалъ,
 И на Царства Онъ не ходилъ войной;
 Всѣхъ Царей чужихъ Онъ за братьевъ чтетъ;
 Любитъ подданныхъ, какъ отецъ дѣтей.
 Видно *варвару* много надобно,
 Видно *извергу* не вмѣстимъ весь свѣтъ!
 Бога Вышняго *онъ* совсѣмъ забылъ,
 Православнымъ всѣмъ *онъ* присяжной врагъ.

Ужъ какъ слышно намъ: *Бонапартъ* *злой*
 Не однихъ *скворцовъ* на Москву пустилъ;
 А привелъ *онъ* съ собою и *гусей* и *грачей*,
 И *чижей* и *синицъ*, *воробьевъ*, *журавлей*,
 И *сорокъ* и *воронъ*, *кориуновъ* и *сычей*,
Вислоухихъ *совъ* и *почныхъ филиновъ*,
 Да и тѣхъ дураковъ—*полевыхъ дудаковъ*...
 Такъ возможно ли могучимъ Орламъ,
 Могучимъ Орламъ, *Орламъ Сьвернымъ*,
 Таковую *дрянь* на себя пустить?
 Слово молвлено—дѣло сдѣлано.

Не густой туманъ подымается,
 Не черны тучи собираются,
 Не лѣса шумятъ, не моря кипятъ,
 Поднялись Орлы, *Орлы Сьверны*
 На безчисленны стада *мелкихъ птицъ*:
 Гдѣ *Орелъ* махнетъ—лежитъ стадо *птицъ*;
 А гдѣ два и три—тамъ и *смѣты нѣтъ!*
 Какъ поднялся крикъ да отъ *мелкихъ птицъ*:

Бонапартъ злодѣй! ты ушатый сычъ!
 Ажво межъ Орловъ ты летуча мышь!
 Да за чѣмъ ты насъ мелкихъ пташечекъ
 Ты завелъ въ Москву на святую Русь?
 Поднялись стада и грачей и сорокъ,
 Полетѣли стада куда Богъ унеси!
 Неоглядкой летятъ, темны ночи не спятъ,
 Не садятся стада покормиться въ лугахъ;
 Межъ собою стада перешептываютъ:
 Вотъ такая-то честь намъ незваннымъ гостямъ!
 Будь ты проклятъ отъ насъ врагъ оципанной сычъ!
 Не изъ рода Орловъ—Корсиканской птухъ!
 Осрамилъ ты насъ всѣхъ мелкихъ пташечекъ,
 Разорилъ, поморилъ, побираться пустилъ;
 Впередъ, будемъ умнѣй, не обманешь ужъ насъ!
 Да и кто же видалъ, да и кто же слыхалъ,
 Чтобъ ободранной сычъ могъ сразиться съ Орломъ?
 Орелъ всемъ птицамъ Царь, всему свѣту судья!...
 А оципанной сычъ всему свѣту—на смѣхъ!

Степанъ Юшковъ.

26 Ноября 1812 года.
 Вѣлгородъ.

Русская пѣснь

ВО ВРЕМЯ ЗАНЯТІЯ МОСКВЫ НЕПРІЯТЕЛЯМИ.

Гдѣ ты, матушка, бѣлокаменна,
 Москва красная, златоглавая,
 Царства Русскаго дщерь любимая,
 Милой родины коренной удѣлъ,
 Царя бѣлаго самопервый градъ,
 Трудолюбія мать заботлива,
 Древней старости слава вѣчная?

Гдѣ краса твоя?... гдѣ величіе?
 Облаковъ главой ты касалася,
 И молвой людской возносилася;
 Чѣмъ гордились православные,
 Дѣти вѣрные, люди Русскіе.

*

Ахъ! въ тебѣ-ль, Москва, сердцу милая,
 Цари Русскіе православные
 Золотымъ вѣнцомъ увѣнчались?
 Ахъ! въ тебѣ-ль клялись Богу вѣчному,
 Насъ какъ чадъ любить, насъ отъ бѣдъ хранить?

*

О престольный градъ правовѣрныхъ всѣхъ!
 Въ тебѣ юноши обучались
 Свой законъ блюсти и Царямъ служить;
 За Отечество, Вѣру Русскую,
 Смерть наградой чтить, кровь ручьями лить.

*

Ахъ! въ тебѣ-ль, Москва величавая,
 Красны дѣвицы воспитались,
 Дѣти сирья, безпризорныя,
 Царской милостью воскормилась?
 Стариковъ была гнѣздо теплое,
 А убожества—мать кормилица!

*

Но гдѣ блескъ твоихъ лучей солнечныхъ?
 Гдѣ глава твоя престарѣлая?
 Ужь не видимъ мы золотыхъ крестовъ,
 Крыльца красного, славной площади,
 Зданій пышныхъ, ни Кремлевскихъ стѣнъ,
 Ни Князей, Болръ, палатъ каменныхъ,
 Ни купеческихъ свѣтлыхъ теремовъ,
 Ни убогаго мирной хижинны....

*

Ужь не слышимъ мы колокольный звонъ;
 Ахъ! не слышимъ мы пѣсней радостныхъ.
 Пепель, смрадъ, и страхъ и развалины—
 Вотъ что видится въ Москвѣ матушкѣ;
 Вопли, стонъ и печаль—вотъ что слышится
 Въ славномъ городѣ Царства Русскаго!

*

А Москва рѣка... обагрилася,
 Не струей течеть—но котломъ кипить,
 Не мосты по ней... тѣла мертвыя,
 Не суда плывутъ.... жертвы мщенія.

*

Чудо дивное, небывалосъ,
 Во святой Руси совершилося;
 Послѣ двухъ вѣковъ славы, щастія,
 Страна Русская сокрушилася
 Такъ какъ въ старь была, въ время слезное,
 Во нашествіе злыхъ Литовскихъ силъ.

*

Сокрушилъ ее не *Сарматы* лихой,
 Не *Отреньева* злой, самозванный царь;
 Погубилъ ее врагъ неистовый,
Корсиканецъ злой, ада выродокъ.

*

Встань, Пожарскій Князь!... встань, великій Мужъ,
 Отъ глубока сна пробудись на часъ;
 Смерти лютыя ты разрушишь власть.
 Ахъ! взгляни на градъ, ты которой спасъ,
 Посмотри Москву въ униженіи;
 Посмотри Славянъ, скорби преданныхъ!
 Сбрось свой саванъ бѣлъ, Вождь Россійскихъ силъ:
 Облекись въ броню ты нетлѣнную;
 Препояшься, Князь! ты стальнымъ мечемъ,
 Въ праву длань возьми страшну палицу,
 И булатнымъ ты вооружись копьемъ;

Оградись щитомъ вѣры Русскія;
 Воструби въ трубу громогласную,
 Собери ты рать, рать могучую,
 Силу грозную, богатырскую;
 Воспали ты кровь храбрыхъ воиновъ,
 Ободри ты духъ Русскихъ юношей;
 Поведи полки исполинскіе
 На разбойника *Бонапартія*.

*

Тѣнь священная! устраши враговъ,
 Отомсти ты злымъ за Отечество,
 За престольный градъ, за Славянску кровь!
 Ты разсѣй во прахъ адски полчища,
 Сокруши врага нечестиваго;
 Защити еще Царство славное;
 Ты прославь, прославь Вѣру Русскую,
 Царя бѣлаго, храбро воинство!

А.... И....

Исповѣдь Наполеона Французамъ.

(Русской переводъ хвастливыхъ Наполеоновыхъ бюллетеней или военныхъ извѣстій).

Я винюся и признаюся,
 Что полки всѣ разтерять,
 И что въ тороняхъ я мчуся,
 Чтобъ въ просакъ самъ не попалъ!

*

Растерять я пушки, войски,
 Пѣтъ и конницы со мной;
 Но повѣрьте, что геройски
 Я походъ окончилъ мой.

*

Черезъ *Ильманъ* осторожно
Тучи войска перевелъ;
Говорили: *то безбожно!*
Я смѣялся и летѣлъ.

*

Занялъ *Вильну*; за *Двиною*
Очутился, какъ былъ тутъ;
Я сказалъ: и за *Окою*
Мнѣ вѣнки победы плетутъ!

*

Отъ *Двины* шагнулъ къ *Смоленску*,
Сталъ смириѣ течь и *Днипро*;
Много было шуму, треску:
Но гдѣ я-тамъ все лишь вѣтры!

*

Скоро сказка говорится:
Дѣло сдѣлалъ я скорѣй;
Я шагнулъ... *Москва* мнѣ зрится!
Ну, ребята! удалый!

*

Бородинская потѣха,
Правда, жаркимъ днемъ была;
Но Французамъ что помѣха?
Хмѣлемъ трусость ихъ прошла.

*

Страшенъ сталъ для насъ *Кутузовъ*,
Я умѣлъ перехитрить;
Весь мой азродъ и всѣхъ *Французовъ*
Зельемъ я давай поить.

*

Будто листь передъ травою,
Точно такъ и я, друзья!
Очутился подъ *Москвою*:
Помутилась мысль моя!

*

Думаль: „Туть-то пирь горюю,
„Голь мою туть разряжу;
„И владѣя надъ *Москвою*,
„Всю *Россію* я свяжу.“

*

Но погудка мнѣ иная!
Растопчинь такъ все смекнулъ,
Что пришла мнѣ доля злая:
Въ усъ съ досады я подулъ!

*

Кое-какъ пріосаннлся,
Голь мою чтобъ ободрить,
Въ разны замыслы пустился,
Началь все кутить, мутить.

*

Но *Тарутино* лихое
Стало новой западней;
Бородинска треску вдвое
Тише было мнѣ, но злѣй!

*

Какъ въ *Москвѣ* ни умудрялся,
Все я дѣлалъ не въ попадѣ!
Чѣмъ пришелъ, скорѣй убрался;
Но и туть поналъ не въ ладъ....

*

Русскіе за мной бѣжали;
Я отъ нихъ давай бѣжать:
Такъ они меня прижали
Что не вѣдалъ, что начать.

*

Наконецъ разсудкомъ здравымъ
Я въ *Парижѣ* направилъ бѣгъ;
И чтобъ быть предъ вами правымъ,
Я одинъ летѣлъ на спѣхъ.

*

Ничего хотя съ собою
 Къ вамъ, друзья! я не принесъ;
 Правъ я!... надо мною
Русской подишутилъ морозъ!

Побѣгъ Наполеона Карловича изъ земли Русской.

ШУТЛИВОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Чтобъ Бонапартъевску пѣть шайку,
 Возьму нестройну балалайку;
 Въ разладъ брякну по струнамъ,
 Какъ стало тошно шалунамъ,
 Когда Москву они златую,
 Всѣхъ Русскихъ матушку родную,
 Мечемъ ограбя и огнемъ,
 И все поставя въ ней вверхъ дномъ,
 Лишася хлѣба и бутылокъ,
 Вернули пехотя затылокъ.

*

О Карловича Наполеона!
 Разладной балалайки звонъ!
 Звѣнитъ дѣламъ твоимъ подобно!
 Когда затѣявъ дѣло злобно,
 Всю Русь святую осквернить
 И насъ въ Камчатку всѣхъ забить,
 Скажи: какъ, не спрося броду,
 Пырнулъ по шею въ мутну воду?
 Какъ въ дурь себя ты потопилъ?
 И *Донъ-Кихота* умнѣ былъ!
 Желая удалцомъ казаться,
 Во чтобъ на стало—но, подраться,
 На стадо онъ барановъ шелъ;
 А ты—сбродъ шутовской повель

На бой, на рать съ богатырями!
 За то и доказаль ногами,
 Чего не сдѣлалъ головой:
 Какъ заяцъ, уплелся домой.

*

Но за тобой помедлю гнаться,
 И ногъ проворству удивляться:
 Иной мнѣ подвигъ предлежитъ;
 Еще въ Москвѣ твой сбродъ стоитъ,
 Въ Москвѣ сей сбродъ... но уже страждетъ;
 Желудокъ пусть и горло жаждетъ.
 Ужь сволочь, хлѣбъ свой переѣвъ,
 Голодной смерти видя зѣвъ,
 Повсюду ропотъ начинается:
 „Нѣтъ хлѣба, пиво пропадаетъ;
 „Ужь нѣтъ почти и душника (*);
 „Придетъ невольная тоска!
 „Похлебки-бъ калачей наѣлись;
 „Бѣда! всѣ галки разлетѣлись (**).
 „Хорошъ же нашъ Наполеонъ!
 „Куда завести насъ вадумалъ онъ?
 „Ему вѣдь по колѣно море!
 „Мы терпимъ голодь, холодъ, горе;
 „А онъ съ *Египетскимъ* страпцомъ,
 „Съ своимъ *Рюстаномъ* удалцомъ!
 „Коньякъ лишъ въ кофе подливаетъ,
 „И горе хмѣлемъ прогоняетъ.
 „Въ Москвѣ онъ рай намъ посулилъ;
 „А кажется—въ просакъ всадилъ.

*

Но чтожь великій изъ великихъ
 Въ напастяхъ дѣлаеть толикихъ?

(*) Такъ называли Французы простое наше вино.

(**) Въ этомъ увѣряли всѣ тѣ, которые оставались въ Москвѣ.

Въ дворцѣ Кремлевскомъ онъ сидитъ,
 И въ мысляхъ—цѣлый свѣтъ вертитъ:
 „Ужь я въ Москвѣ!“ онъ восклицаетъ:
 „Во всемъ мнѣ счастье угрождаетъ:
 „Оно за мной, какъ скороходъ,
 „Куда пойду, туда и мчится.
 „Французской вѣтренной народъ
 „Моей премудрости дѣвится;
 „Европа подъ моей пятой,
 „Россіи буду я главой!...
 „Тогда все кончу безъ помѣхи!
 „Потомъ, для рыцарской утѣхи,
 „Я сволочи моей махну,
 „И съ нею—въ Индію шагну!
 „Тамъ Англійскую спѣсь унижу,
 „И съ Индіей *Парижа* такъ сблизу,
 „Какъ будто-бъ—нѣтъ совсѣмъ морей!
 „Бездѣлка быстротѣ моей
 „И въ Африку шагнуть оттолѣ;
 „Въ Америкѣ—въ моей быть волѣ.
 „Ужь все, ужь все придумалъ я;
 „И вся вселенная—моя!“

*

Въ такихъ пріятнѣйшихъ мечтацяхъ
 И въ *Дона-Кихотскихъ* ожиданьяхъ
 Онъ кофе съ коньякомъ глотнулъ,
 Облокотился и заснулъ...
 И безъ вина ума буйство
 Есть тотъ же хмѣль, есть то же пьянство.

*

Заснулъ! вдругъ вихорь заревѣлъ;
 Лѣса дремучи закачались,
 И воды бурно взволновались,
 И съ молніею громъ гремѣлъ,
 И вся была природа въ страхѣ!

Въ такой ужасной передрагѣ,
 Въ желѣзной ступѣ, съ помеломѣ,
 Летитъ старушка вѣковая,
 Въ полетѣ вихрь перегоняя,
 Опережая быстрый громъ;
 Пестомъ клячонокъ погоняетъ,
 И костью ноги толчкомъ
 Еще имъ рыси прибавляетъ,
 А помеломъ слѣдъ заметаетъ.
 Вздрогнулъ во снѣ Наполеонъ!
 „Постой! задамъ тебѣ трезвонъ.“
 Старушка грозно возгласила:
 „Какая нечестъ осквернила
 „Святую Русь, старинный градъ?
 „Какой тутъ бусурманской чадъ?
 „Какъ на *Руси* не—*Русью* пахнетъ?
 „Но нечестъ скоро горько ахнетъ:
 „Вонъ, вонъ отсель нечистый духъ!
 „Ты здѣсь, Наполеонъ! самъ другъ
 „Съ своимъ любимцемъ законтѣлымъ,
 „И съ нимъ однимъ ты улизнешь..
 „Съ *Рюстаномъ* ты оледенѣлымъ
 „Отъ сброда своего качнешь;
 „На мѣсто золота съ собою
 „Картофлей наберешь кой-какъ,
 „И быстро пустишься стрѣлою,
 „Услыша: *вонъ летитъ Козакъ!*
 „Ты придурью такъ очадился,
 „Что съ цѣлой Русью въ споръ пустился!
 „Наглець!.. ты вѣсти плешь въ Парижъ,
 „Что колдуномъ ты здѣсь проказишь,
 „Луной, звѣздами, солнцемъ правишь,
 „Зимѣ быть Русской запретишь,
 „Прогнавъ за тридцать земель,
 „Куда и самъ ты съ дурью мчишься.
 „Напрасно такъ, дружокъ! храбришься;

- „Какъ ракъ, столкнешься ты на мель.
- „Смотри! Русакъ вонъ престарѣлой
- „Тамъ подъ Тарутинымъ, засѣлъ;
- „Смотри! вѣдь онъ шутить не любить;
- „Въ военной только рогъ затрубить.
- „Ты, братъ, заплешешь *горюна*.
- „Ты мнилъ: *бирюлька вѣдь война*;
- „*Умный собрать лишь только шайки,*
- „И *брань наглѣ по-буянски*.
- „Постой же, удалой дружокъ.
- „Задасть тебѣ старикъ урокъ!“

*

Сказавъ, пестомъ вдругъ полновѣснымъ
 Старуха размахнувшись, — хлопъ
 Въ затѣливый и буйный лобъ;
 Въ добавокъ же еще чудеснымъ
 Ноги ударомъ костяной
 Со стула бухнула долой,
 Тутъ — *Корсиканецъ* повалился;
 Очнулся, вскрикнулъ, изумился,
 И близъ *Рюстана* очутясь,
 Робѣя, злобствуя, бѣсясь,
 Вскричалъ: „Не ты ли, дерзновенный!
 „Самовластителя вселенной
 „Со стула на полъ повалилъ,
 „И чуть мнѣ лба не разкроилъ?...
 „Нѣтъ! нѣтъ! не ты, *Рюстанъ*, мой милый!
 „Волшебницы, какой-то силой
 „Такъ нагло спрокинуть я;
 „Ну, дажь толчокъ мнѣ исполинской!
 „Хоть помутилась мысль моя,
 „Но помню, что въ странѣ Россійской
 „*Яга* есть баба межъ духовъ;
 „Объ ней *Левекъ* писалъ рассказы!
 „Но я дрожу отъ тумakovъ;
 „Мнѣ что-то очень стало страшно!

„Нѣтъ! въ Индію идти опасно;
 „*Рюстанъ!* безъ всѣхъ обвиняковъ,
 „Напившись кофею съ коньякомъ,
 „Махнемъ къ спасенію головъ...
 „Пусть скажутъ, что поползъ я ракомъ;
 „Хоть былъ безчестенъ, да здоровъ.
 „Подижъ! и Маршаловъ скорѣ
 „Ты скликай изо-всѣхъ сторонъ;
 „Я трушу—будь ты посмѣлѣ;
 „Скажи: *зоветь Наполеонъ!*“

*

Съ поспѣшностью *Рюстанъ* уходитъ;
 Великій пуще колобродитъ,
 Страшнѣ стало одному!
 Куда ни взглянетъ—все боязни;
 Все страхи грезятся ему!...
 Равно приговоренный къ казни
 Преступникъ въ ужасъ дрожитъ,
 И мечъ, и смерть и адъ ужъ зрять!
 Кто съ совѣстью своей въ разладъ,
 Кто Бога правды позабылъ,
 Бонтятся тотъ живущихъ въ адъ,
 Себя чертамъ тотъ подчинилъ.
 Давно *Наполеонъ* проказникъ,
 Другъ ада, сатаны согласникъ,
 И трусь великой и хитрецъ,
 По картамъ, запершись, воровитъ,
 Гадать колдовокъ часто проситъ;
 Тогдажъ отважный онъ храбрецъ,
 Когда себя заслонитъ стражей;
 Когда толпа гвардейцевъ, пажей,
 Его какъ туча облежитъ;
 Онъ смѣлъ тогда, за тѣмъ—что скрытъ!

*

„Что приключилося со мною?“

Великій яростно гласить:

„Чьей дерзкой сброшенъ я рукою,

„И кто бѣдами мнѣ грозитъ?

„Я съ Богомъ властію дѣлюся,

„И никого я не боюся;

„Однакожь лобъ я такъ зашибъ,

„Когда со стула повалился,

„Что чуть совсѣмъ не позабылся:

„Къ такимъ толчкамъ я не привыкъ.“

*

Межъ тѣмъ новопечатна стая

Наполеоновскихъ чиновъ,

Въ пути другъ друга обгоняя,

Летить на властелинской зовъ.

Тутъ Дюки, Маршалы различны,

Давно къ затѣямъ хоть привычны,

Но въ нашу забрѣдѣ Москву,

Они во снѣ и на яву

Скорѣй кой-какъ хотятъ убраться,

Чтобы козакамъ не попасться!

Пришли: возсталъ Наполеонъ;

Возсталъ, и громко возглашаетъ:

„О вы, мой чтущіе законъ!

„Кто всю вселенну удивляетъ,

„Кто Герцоговъ и Королей

„По волѣ жалуетъ своей!

„Тотъ въ Кремль васъ Русской созываетъ.

„Россія наша! міръ весь знаетъ....

„Вы Герцоги Московскихъ странъ;

„Въ награду вамъ—весь Сѣверъ данъ!

„По волѣ, мною вамъ врученной,

„Россіей правьте и Москвой;

„А я—чтобъ быть Царемъ вселенной,

„Я долженъ поспѣшить домой.

„Я кончилъ все; не выдавайте!
„Россія ваша! управляйте!“

*

Всѣ Маршалы, остолбенѣвъ,
Поглядываютъ другъ на друга;
Въ волненіи, въ смятении духа,
Ни слова вымолвить не смѣвъ,
Стоять, какъ будто истуканы.
Ней быстроногій, дерзкій, рьяный,
Изъ *Богородска* прибѣжавъ,
И на пролетъ всю ночь не спавъ,
Чуть можетъ на ногахъ держаться.
Гвардейской Генераль *Мортъе*
Языкъ свой закусилъ зубами;
И наконецъ хитрецъ *Бертъе*
Рѣчь началъ хитрыми словами:
„Великій изъ великихъ всѣхъ!
„Твои дѣянья всѣ—успѣхъ!
„Ты нашъ владыка, нашъ создатель;
„Какъ мракъ ночной мы безъ тебя;
„Нѣтъ! не лишай ты насъ себя!
„Коль мы Россію побѣдили!
„Не мы, не мы то учинили;
„Твое всевѣденъе одно
„Дѣла безсмертны совершаетъ,
„Побѣдою повелѣваетъ;
„Тебѣ въ управу все дано.
„Мы безъ тебя оцѣнѣемъ;
„Здѣсь быть—минуты не посмѣемъ;
„Твоимъ мы движемся умомъ.
„Ты насъ привелъ; ты выведешь можешь;
„Шагнешь! Россію уничтожишь;
„Куда велишь—туда пойдешь!“

*

Сквозь лести и хитрости приправы
 Смекнулъ Наполеонъ лукавый,
 Что другъ его *Бертье* хитритъ,
 И что нашла коса на камень.
 Властительскій сдержавъ свой пламень,
 Онъ началъ просто говорить:
 „Вѣдь мы давно другъ друга знаемъ;
 „На что же намъ слова терять?
 „Друзья! намъ нечего зѣвать.
 „И такъ, оставя лишни лясы,
 „Скажу вамъ: *надо во свояси*
 „Кой-какъ отсюда поспѣшать.
 „Походъ мы въ *Индію* отложимъ,
 „А быстроту свою умножимъ,
 „Чтобъ быть въ *Парижъ* поскорѣй.
 „Приходить намъ не до затѣй!
 „Одѣньтесь-ка вы потеплѣе,
 „И чтобъ убраться повѣрнѣе,
 „Друзья! вотъ что придумалъ я:
 „*Особа будетъ гдѣ моя,*
 „И вы туда всѣ поспѣшайте;
 „О войскѣ же не помышляйте.
 „Какъ думать намъ о пустякахъ!
 „Мы то лькобъ были на ногахъ!
 „Все жъ прочее пустое дѣло.
 „Людей, бросайте пушки смѣло,
 „Не затрудняйтесь ни въ чемъ.
 „Когда себя мы сбережемъ,
 „Все будетъ! мы Французовъ знаемъ;
 „Вновь збродъ и сволочь нахватаемъ!...
 „И такъ мы выступимъ—уйдемъ!“

*

Взоръ Маршаловъ всѣхъ прояснился;
 Въ Кремлѣ ихъ годось повторился:
 „Мы за властителемъ своимъ
 „Всѣ побѣжимъ, всѣ побѣжимъ!

Солдатская пѣснь.

Хоть Москва въ рукахъ Французовъ,
 Это, право, не бѣда!—
 Нашъ Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ
 Ихъ на смерть впустилъ туда.

*

Вспомнимъ, братцы, что Поляки
 Встарь бывали также въ ней;
 Но не жирны кулебяки—
 Ъли кошекъ и мышей.

*

Напоследокъ мертвячину,
 Земляковъ пришлось имъ жрать,
 А потомъ, предъ Русскимъ спину
 Въ крюкъ по польски изгибать.

*

Свѣту цѣлому извѣстно,
 Какъ платили мы долги;
 И теперь получаютъ честно
 За Москву платежъ враги.

*

Побывать въ Столицѣ—слава,
 Но умѣемъ мы отмщать:
 Знаетъ крѣпко то *Варшава*,
 И *Парижъ* то будетъ знать!

Ив. Кованько.

П Ы С Н Ъ

къ Русскимъ воинамъ, написанная отставнымъ изъ Фла-
нагорійскаго гренадерскаго полка солдатомъ, Никаноромъ
Остафьевымъ, Юля 5 дня, 1812.

Братцы! грудью послужите,
Гряньте бодро на врага,
И вселенной докажите,
Сколько Русь вамъ дорога!

Посмотрите, подступаетъ
Къ намъ соломенный народъ;
Бонапарте выпускаетъ
Разныхъ націй хилый сбродъ.
Не въ одной они всѣ вѣрѣ,
Съ принужденьемъ всѣ идутъ;
При чувствительной потерѣ
На него же нападуть (*).

Братцы! грудью послужите,
Гряньте бодро на врага,
И вселенной докажите,
Сколько Русь вамъ дорога!

Всѣмъ нацѣрно даль онъ слово,
Что далеко къ намъ зайдетъ;
Знаеть, дома нездорово,
Дома также пропадетъ.
Мыслить: коль пришла невзгода,
Должно славу потерять,
Такъ отъ Русскаго народа
Мнѣ и смерть честнѣй принять.

(*) Истина этихъ словъ сбылась въ 1813 году.

Братцы! грудью послужите,
Гряньте бодро на врага,
И вселенной докажите,
Сколько Русь вамъ дорога!

Вся Европа ожидаетъ
Сей погибели его;
Бонапарта почитаетъ
За злодѣя своего.
Ахъ! когда слухъ разнесется,
Что отъ насъ сей врагъ исчезъ.
Слава Русскихъ вознесется
До превыспреннихъ небесъ!

Вологда.

Солдатская пѣснь.

Ночь темна была и не мѣсячна,
Рать скучна была и не радостна;
Всѣ солдатшки призадумались,
Призадумавишь, горько всплакали.
Велико чудо совершилося:
У солдатъ слезы градомъ сыпались.
Не люта змѣя, кровожадная
Грудь сосала ихъ богатырскую,
Что тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца, молодецкія,
Не отцевъ родныхъ оплакивали
И не женъ молодыхъ и не дѣтушекъ,
Какъ оплакивали родимую,
Мать родимую, мать кормилицу,
Златоглавую Москву милую,
Разоренную Бонапартіемъ.
Тутъ какъ вдругъ они встрепенулися,
Словно вихрь—орлы взоръ окинули

Во всѣ стороны и воскликнули
 Всѣ въ одинъ голосъ, какъ въ злату трубу:
 Молодцы братцы, удалы друзья,
 Неизмѣнныя чада Русскія!
 Что дадимъ, братцы, клятву кровную,
 Клятву кровную, задушевную,
 Чтобъ не взвидѣть намъ и домовъ своихъ,
 Ни отцевъ родныхъ, ни младыхъ намъ женъ,
 Малыхъ дѣтушекъ, роду—племени,
 Ни самой души красной дѣвицы,
 Не побивъ силы Бонапартовой,
 Не отмстивъ врагу за родну Москву!
 Отсѣчемъ ему мы возвратной путь,
 И мы примемъ по старинному,
 По старинному, по Суворовски;
 Закричимъ: ура! и пойдемъ впередъ;
 На штыкахъ пройдемъ силы вражя;
 Перебьемъ мы ихъ, переколемъ всѣхъ;
 Кто пятокъ убьетъ, кто десяточекъ,
 А лютой боецъ до пятнадцати.
 Не дадимъ, друзья! люта промаху;
 Постараемся всѣ, ребяташки,
 Чтобы самъ злодѣй на штыкѣ погибъ,
 Чтобы вся рать его здѣсь костями легла,
 Ни одна бъ душа иновѣрная
 Не пришла назадъ въ свою сторону;
 А народы всѣ матерой земли
 Чтобы повѣдали, какво идти
 Со оружіемъ во святую Русь.
 И тогда, братцы, закричимъ, друзья:
 Еще дай Боже сто лѣтъ царствовать
 АЛЕКСАНДРУ Царю на бѣломъ свѣтѣ!

Николай Ильинъ.

Авангардная пѣснь.

Сочинена во время командованія авангардомъ главной
арміи Графомъ Михайломъ Андреевичемъ, Милорадови-
чемъ въ Бунцлау, Марта 16, 1813.

(На голосъ: *Веселися во чистомъ полѣ.*)

Скоро зовъ послышимъ къ бою
И пойдемъ опять впередъ;
Милорадовичъ съ собою
Насъ къ побѣдамъ поведетъ.

Надъ Дунайскими берегами
Слава дѣлъ его гремитъ;
Гдѣ ни встрѣтитя съ врагами,
Вступитъ въ бой, враговъ разитъ.

Вязьма, Красный, Ней рабнтый
Будутъ вѣкъ гремятъ у насъ;
Лавромъ мечъ его обвитый
Бухарестъ отъ бѣдствій спасъ.

Чтобъ летѣть въ огни, въ сраженья
И стяжать побѣдъ вѣнецъ,
Дай одно лишь мановенье,
Вождь полковъ и Вождь сердець!

Другъ солдатъ! служить съ тобою
Всѣ желаніемъ горятъ
И къ трудамъ готовясь, къ бою,
Общимъ гласомъ говорятъ:

Милорадовичъ гдѣ съ нами,
Лавръ повсюду тамъ цвѣтетъ;
Съ вѣрой, съ нами и со штыками
Русской строй весь міръ пройдетъ!

Въ главной квартирѣ
Русской арміи.

Хоръ

(для Польскаго)

На новый 1813 годъ, начавшійся подъ звуками славы
побѣдоносныхъ Россіянъ.

Обышедше обыдоша мя, и именовъ Господнимъ про-
тивляхся имъ. Царь Давидъ.

Годъ преславный, возрожденный
Подъ вѣнцами Россіянъ!
Счастьемъ будь сопровождаемый
Громкихъ вѣрностью племянъ!

Хоръ вселенной, трубы славы,

Разносите похвалу
Генію—Царю Державы,
Самодержецу Орлу!

Протекая скоротечно,
Кончись годъ, какъ начался;
Возрождайся безконечно,
Какъ ты нынѣ родился.

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Отъ сарыни лютой, гладной
Россъ очистилъ свой предѣлъ;
Вѣтръ унесъ и запахъ смрадной
На Секвану падшихъ тѣлъ.

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Чести онъ храня уставы,
 Всю Европу превозмогъ;
 Доказалъ на полѣ славы,
 Что лишь Россѣ... есть брани богъ.

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Чѣмъ тиранъ насытилъ душу?
 Что пожалъ съ злодѣйскихъ нивъ?
 Обагрятъ кровями сушу,
 Пальцы исчезутъ, какъ злочестивъ!

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

А тирану хвалыны хоры
 И трофеи отъ людей!
 Будь проклятіе и горы
 Человѣческихъ костей!

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Ты же дщерь старѣйша Царства,
 Градовъ Сѣверныхъ глава!
 Скорбь забывъ, на зло коварства
 Обновись живи, Москва!

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Скоро матеръ нашу, зрящу
 Въ сердцѣ язвы рокомъ бѣдъ,
 Мы узримъ, какъ день, блестящу
 Обелисками побѣдъ.

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Скоро сверхъ вѣтви оливоу лавровыхъ,
 Вѣтви оливоу узримъ,
 А въ Москвѣ средѣ зданій новыхъ
 Съ счастьемъ, славою... древній Римъ.

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Но уже отсюда плески
 Раздалися въ честь Ему!
 Отъ вѣнцовъ безсмертныхъ блески
 Свѣтятъ міру ужъ всему

Хоръ вселенной, трубы славы, и пр.

Разносите похвалу
 Генію—Царю Державы
 Самодержцу Орлу!

Н. Николевъ.

Солдатская пѣснь

въ память Князя Кутузова—Смоленскаго.

Что солдатушки, что кручинны такъ?
 Не бѣда ли вамъ отъ злодѣйскихъ рукъ?
 Ужь не дрогнуло-ль сердце Русское,
 Сердце Русское, богатырское?
 Не ослабли ли руки крѣпкія?
 Не колыхнулося-ль вашъ будатный штыкъ?
 Какъ промолвили всѣ солдатушки:
 Не бывать тому, чтобъ злодѣй сломилъ!
 Не дрожать сердцу Русскому, богатырскому!
 А печаль, тоска, горе лютое,
 Отъ очей, какъ ночь гонить бѣлый свѣтъ.
 Ахъ! не солнышко закатилося,
 Не свѣтелъ мѣсяцъ тучей кроется;
 Какъ отъ насъ ли, отъ солдатушекъ,
 Отошелъ нашъ батюшка Кутузовъ Князь!
 Не за горы за высокія,
 Отошелъ онъ отъ насъ въ мать сыру землю.
 Ахъ! не темный боръ завылъ, зашумѣлъ,
 Разрыдалося, слезно всплакало

Войско Русское, Христианское!
 Какъ не плакать намъ, не кручиниться?
 Нѣтъ отца у насъ, нѣтъ Кутузова!
 Какъ бывало намъ онъ возговорить!
 Вы ли Русскіе, добры воины,
 Вы-ль солдатutki Царя блага,
 Царя блага, православнаго,
 Вы припомните приказаніе,
 Приказаніе богатырское
 Какъ Суворовъ шелъ по крутымъ горамъ,
 Какъ онъ войско велъ по темнымъ облакамъ;
 Онъ солдатускамъ завѣтъ завѣщаль:
 Вы солдатutki земли Русскія,
 Къ Царю Русскому впроей твердые,
 Вы не бойтесь ни злодѣевъ злыхъ,
 И ни холоду и ни году (*).
 Разгорѣлися всѣ солдатукши,
 Какъ онъ батюшка далъ приказъ такой.
 А какъ кланялся онъ солдатускамъ,
 Какъ показывалъ сѣдины свои,
 Мы солдатукши въ одинъ голосъ всѣ
 Прокричимъ: ура! ура! съ нами Богъ!
 И идемъ въ походъ припѣваячи.
 Ахъ! и вимушка не знобила насъ,
 И безхлѣбца не кручинила;
 Только думали, какъ злодѣевъ гнать
 Изъ родимыя земли Русскія...
 Побѣжалъ злодѣй неоглякою,
 Побѣжалъ злодѣй со злодѣями.
 Мы за нимъ въ слѣдъ... и бить не кого!

Село Загорье.

(*) Слова Князя Кутузова изъ приказа, выданнаго вскорѣ послѣ пораженія враговъ подъ Малинъ-Ярославцемъ.

Радостный гласъ

Первопрестольнаго града Москвы при прибытіи АЛЕКСАНДРА Перваго, Юля 11 дня 1812 года.

Ты входишь въ древнюю Столицу,
 Ты лавры съ пальмами несешь,
 Тебя срѣтаемъ, какъ денницу,
 Ты въ души намъ покой лѣешь,
 Ты миръ приносишь вожделѣнный,
 И миръ во всѣ сердца вселенный;
 Однимъ пришествіемъ Твоимъ,
 Намъ мнится, солнце показалось:
 Чего же намъ желать осталось,
 Когда лице Твое мы зримъ?

*

Ты здѣсь въ первопрестольномъ градѣ,
 Ты здѣсь—среди Твоихъ сыновъ,
 Ты съ нами къ общей всѣхъ отрадѣ!
 Здѣсь всякъ умереть съ Тобой готовъ.
 Не страшны здѣсь все козни злобы,
 Возри—Твоихъ здѣсь предковъ гробы;
 Ихъ тѣна насъ приосѣняютъ,
 Они изъ нѣдръ земли возстанутъ,
 Ихъ Россы вѣрные вспомнятъ,
 И тмы противныхъ сокрушатъ.

*

Возри Ты на Кремлевы стѣны,
 Омыты кровью праотцовъ;
 Но въ ихъ потомкахъ нѣтъ прѣмѣны,
 Для нихъ не страшень сонмъ враговъ.
 Течетъ тажъ вѣрность съ кровью въ жилахъ;
 Они потрясъ вселенну въ силахъ,
 Когда въ Монархъ зрятъ Отца.—

Не нужны для Тебя бойницы;
 Подъ кровомъ Божеской десницы
 Оплотъ Твой—Россовъ всѣхъ сердца

Какъ прахъ, исчезъ весь прахъ сомѣнья,
 Лишь Твой приходъ восхитилъ насъ.

Среди восторговъ упоенья,
 Одинъ торжество слышенъ гласъ!
 Мы зримъ Монарха, мы блаженны!
 Не грозны намъ враги надменны;
 Мы ихъ сотремъ кичливый рогъ.
 Сердца лишь радостью трепещутъ,
 Лучи намъ новой жизни блещутъ;
 Ты съ нами здѣсь—и съ нами Богъ!

Павель Г. Кутузовъ.

Къ Россійскому Дворянству.

Сыны Отечества избраны!
 Се вашей славы часть приспѣль;—
 Непримирымый, кровожадный
 Галль нынѣ въ нашъ вступилъ предѣль.
 Течеть—и въ ярости стремленья
 Считаетъ жертвы, разхищенья,
 Грозитъ, сокружаетомъ зубовъ
 Омыть въ крови Россійской длани.
 Къ щитамъ, друзья! о братья, къ брани
 За олтари, за прахъ отцовъ!

Уже **МОНАРХЪ** великодушный
 Ударилъ въ щитъ, несется гуль.
 Воспрянь, о Россъ, Царю послушный!
 Воспомни *Пультуска* и *Кагуль*,

И Гейльсберга, Гутштадъ Ейлау;
 Свою и предковъ вспомни славу!...
 И се—отвсюду внемлю гласъ:
 „Вотъ золото, дѣти, вотъ мы сами;
 „Готовы лечь въ бою грядями!
 „Пожарскій, Мининъ живы въ насъ.“

Познай, о врагъ! вспоенный кровью,
 На зыби основавъ мечты!—
 Сонмъ, братской связаннй любовью,
 Во браняхъ съ нами встрѣтишь ты.
 Изгибы тщетны днесь змѣнны;
 Соблазна чужды исполины:
 Повсюду встрѣтишь мѣдну грудь,
 Къ тебѣ кипящу ярой местию.
 Ты златомъ побѣждалъ, иль лестью.....
 Теперь о чарахъ сихъ забудь.
 Воспомни Карла въ громкой славѣ;
 Весь Нордъ руки его дрожалъ;
 Но гордость завела къ Полтавѣ;—
 И гордый съ колесницы палъ!
 Стремись—стремись къ подобной части;
 Не лавры ждуть тебя—напасти.
 Къ знаменамъ, Россы! ко щитамъ!
 Къ Царю, друзья!—съ Нимъ въ ратиомъ полѣ,
 Что славу любимъ жизни болѣ,
 Явимъ грядущимъ мы вѣкамъ!

О. Ивановъ.

Къ жителямъ Нижняго-Новгорода.

Примите насъ подь свой покровъ,
 О Волжскихъ жители береговъ,
 Примите насъ: мы всѣродные!
 Мы дѣти матушки Москвы.

Веселья, счастья дни златые,
Какъ быстрый вихрь, промчались вы.

Примите насъ подъ свой покровъ,
О Волжскихъ жители береговъ!

Чадъ, братій нашихъ кровь дымится
И стонеть съ ужасомъ земля,
А врагъ коварный веселится
На башняхъ древняго Кремля!

Примите насъ подъ свой покровъ,
О Волжскихъ жители береговъ!

Святые храмы оскверненны,
Сокровища расхищены,
Жилища въ пепель обращенны
Скитаться мы принужденны.

Примите насъ подъ свой покровъ,
О Волжскихъ жители береговъ!

Давно ли славою сіяла.
Своей гордилась красотой?
Какъ нѣжна мать всѣхъ насъ питала?
Москва! что сдѣлалось съ тобой?

Примите насъ подъ свой покровъ,
О Волжскихъ жители береговъ!

Тебѣ-ль, платить поносны дани,
Подъ игомъ пришлеца стенать?
Отмети за насъ, Богъ сильный брани!
Не дай ему, торжествовать!

Примите насъ подъ свой покровъ,
О Волжскихъ жители береговъ!

Погибнетъ онъ! Москва возстанетъ!
Она и въ бѣдствіяхъ славна!
Погибнетъ онъ! Богъ Русскій грянетъ!
И Россія будетъ спасена!

Примите насъ подъ свой покровъ,
О Волжскихъ жители бреговъ!

В. Пушкинъ.

Освобожденіе Европы и слава Александра I.

Конецъ побѣдамъ! Богу слава!
Низверглась адская держава:
Сраженъ, сраженъ Наполеонъ!
Народы и Цари! ликуйте!
Воскресъ порядокъ и законъ.
Свободу міра торжествуйте!
Есть правды Богъ: тирана нѣтъ!
Преходитъ тьма, но вѣченъ свѣтъ.

Сокрылось нощи привидѣнье;
Се утро, жизни пробужденъ!
Се гласъ Природы и Творца:
„Уставовъ Я не премѣняю:
„Не будутъ камнями сердца;
„Безумства въ умъ не обращаю.
„Злодѣи торжествовалъ; гдѣ онъ?
„Исчезъ, какъ безобразный сонъ!“ и. т. д.

И. Карамзинъ.

Надпись къ портрету Александра I.

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ Ему? какой Ему олтаре?
Вселенная! пади предъ Имъ: Онъ твой спаситель!
Россія! Имъ гордись: Онъ Сынъ твой, Онъ твой Царь!

Ки. Вяземскій.

Солдатская пѣснь.

Вспомнимъ, братцы! Россю въ славу,
И пойдемъ враговъ разить!
Защитимъ свою Державу:
Лучше смерть, чѣмъ въ рабствѣ жить!

Ну, впередъ, впередъ, ребята!
Съ Богомъ, Вѣрой и штыкомъ;
Вѣра намъ и вѣрность свята;
Побѣдимъ, или умремъ!

Подъ Смоленскими стѣнами,
Здѣсь, Россіи у дверей,
Будемъ биться со врагами;
Не пропустимъ злыхъ звѣрей!—

Вотъ! рыдаютъ наши жены,
Дѣвы, старцы вопіютъ,
Что злодѣи разъяренны
Мечъ и пламень къ нимъ несутъ.

Врагъ строптивый мечетъ грома,
Храмовъ Божьихъ не щадить;
Топчетъ нивы, палитъ дома,
Змѣемъ лютымъ въ Русь летитъ!

Русь святую разорлетъ!...
Нѣтъ ужъ силъ владѣть собой:
Бранный жаръ въ крови пылаетъ,
Сердце просится на бой!

Ну, впередъ, впередъ, ребята!
Съ Богомъ, Вѣрой и штыкомъ;
Вѣра намъ и вѣрность свята:
Побѣдимъ, или умремъ!

Федоръ Глинка.

ПѢСНЬ (*).

За горами, за долами,
 Бонапарте съ плясунами
 Вздумалъ въ ровень стать.

Конь куда съ копытомъ мчится,
 Ракъ туда жъ съ клещней тащится,
 И давай плясать.

Не въ попадь пошелъ *Англезу*,
 Вздумалъ, бросивъ *экозезу*,
 Польскую пройтить.

Не видавши пыли Русской,
 Къ верху вздернулъ носъ Французской,
 И давай кружить.

А *Сарматы* цустословы
 Подыграть ему готовы:
 Гостикъ дорогой!

Скрыпки, басы заревѣли,
 Звонки трубы загремѣли,
 То-то пиръ горой!

Скоро *Польскимъ* онъ наскучилъ,
 Музыкантовъ перемучилъ,
 „Сѣмъ на Русь пойду!“

„Тамъ я *Бариню* пройдуся,
 „Фертомъ въ боки подопруся,
 „Пляску заведу!“

(*) Подражаніе французской, пѣснѣ, напечатанной въ первой книжкѣ Вѣстника Европы 1813 года.

Бородинскія заботы

Не отбили въ немъ охоты
Въ матушку *Москву*.

„Тамъ мнѣ есть гдѣ разойтись,

„А чтобы повеселиться,

„Барынь позову.“

*

Побывать-то удалось,

Да не такъ отозвалось,

Не съ кѣмъ поплясать.

Только проложилъ дорогу,

Зановиль скоренько ногу,

Пришлось отдыхать.

*

Жнязь Кутузовъ помнилъ слово

Хоть не скоро, да здорово.

Старый воробей!

Знавши вывертки Французски,

Заиграть велѣлъ по Русски

Музыкѣ своей.

*

Наши грянули посвойски:

„Мы не знаемъ по-заморски,

„Путка *Казачка!*“

Чуть прослышали *Корсиканецъ*—

„Провались проклятой танецъ;

„Дастъ онъ мнѣ толчка!

*

„То ли дѣло по Нѣмецки,

„Танцовать по молодецки,

„Старой *Алеманды!*“

„Эта пляска мнѣ сходнѣе,

„И для ногъ моихъ сноснѣе;

„Ну, назадъ, назадъ!“

*

„Видно хватъ ты изъ Французовъ“
Говоритъ, ему *Жутузова*;

Нѣтъ, братъ, погоди!

„Шаркать мастеръ ты ногою,
„Сѣмъ попляшемъ мы съ тобою,

Нутка выходи!“

*

„Захотѣлъ плясать по Русски,

„Присѣдай—ка по Французски

„Ты, Наполеонъ!“

Бонапарту не до пляски,

Растерялъ свои подвязки,

И кричить пардонъ.

*

Сталъ онъ въ стороны кидаться,

Мелкимъ бѣсомъ извиваться,

Дрогнула нога!

Его музыки не стало,

Скрышокъ будто не бывало:

Пляска дорога!

*

Маргануль онъ *Коленкуру*:

„Сѣмъ—ка выкинемъ фигуру

„На Цыганской ладъ.“

Бросивъ пышныя ухватки,

По *Цыгански*, безъ оглядки,

Шаркнули назадъ.

*

Не соваться было въ воду,

Не спросися прежде броду,

Хватъ—богатырю!

—Мать Россійская Держава,

Силы много!—слава! слава

Бѣлому Царю!

Пойте, радуйтесь, ребята!
 АЛЕКСАНДРЪ намъ вѣрный щитъ
 Имя Русскаго солдата
 Тамъ и за моремъ гремитъ!

Бѣлый Царь шутить не любитъ:
 Онъ Французамъ доказалъ,
 Что тому жить плохо будетъ,
 Кто вло Русскимъ помышлялъ!

Гость незваной къ намъ явился
 Не во снѣ, а на яву,
 И тѣмъ, извергъ! веселился,
 Что жегъ матушку Москву!

Сердца вадрогнули!—ребята!
 Мы въ Парижѣ!—слава намъ!
 Ужъ не стало супостата!
 Миръ землѣ!—и миръ врагамъ!

Пойте, радуйтесь, ребята!
 АЛЕКСАНДРЪ намъ вѣрный щитъ!
 Имя Русскаго солдата
 Тамъ и за моремъ гремитъ!

В. Пушкинъ.

Пѣснь Донскому войству.

Грянулъ незапно громъ надъ Москвою!
 Выступилъ съ шумомъ Донъ изъ береговъ:
 Все запылало мщеньемъ, войною

Противъ враговъ,
 Ай Донцы,
 Молодцы!

Только взгремѣло Царское слово:
 Россы-полканы! врагъ подѣ Москвой!
 Тотчасъ сто тысяча храбрыхъ готово

Броситься въ бой

Ай Донцы-

Молодцы!

*

Кто противъ Бога? кто противъ Русекихъ?
 Выхвативъ саблю, рекъ Атаманъ;
 Праха не будетъ полчищъ Французскихъ!

Гдѣ вражіи станъ?

Ай Донцы.

Молодцы!

*

Царь православный! всѣ мы готовы
 На сукостата бранью идти,
 Натискомъ быстрымъ адскіе ковы

Предупредить.

Ай Донцы

Молодцы!

*

Русскимъ знакома къ славы дорога:
 Съ Нары до Рейна вдругъ пролетимъ;
 Всѣхъ превозможемъ съ вѣрой на Бога—

И отомстимъ.

Ай Донцы

Молодцы!

*

Вѣрь и надѣйся—Русь безопасна:
 Силь крестоносныхъ мышца крѣпка.
 Страшенъ арканъ, сабля ужасна,

Пика мѣтка.

Ай Донцы

Молодцы!

*

Тщетны всѣ козни Наполеона,
 Не устрашить насъ множествомъ силъ;
 Матери Божьей съ нами Икона

И Михаилъ.

Ай Донцы!

Молодцы!

*

Время на кони,—врагъ наступаетъ,
 Вбра святая къ брани зоветъ;
 Правому дѣлу Богъ помогаетъ:

Дѣти! впередъ!

Ай Донцы!

Молодцы!

*

Грянемъ на встрѣчу полчищъ Французскихъ.
 Встанемъ какъ горы на уперти,
 Да не посмѣютъ въ сердце странъ Русскихъ

Далѣ идти.

Ай Донцы!

Молодцы!

*

Грянули чада тихова Дона:
 Миръ изумился, врагъ задрожалъ,
 Рушилась слава Наполеона—

И побѣжалъ.

Ай Донцы!

Молодцы!

*

Гдѣ ни помотришь, пики мелькаютъ,
 Граду подобно стрѣлы шумятъ,
 Пули, какъ пчелы, роємъ летаютъ,

Сабли звучатъ.

Ай Донцы!

Молодцы!

*

Противъ силъ Русскихъ не устояли
 Полмиліона буйныхъ головъ;
 Сернамъ подобно, вострепетали

Отъ Козаковъ.

Ай Донцы!

Молодцы!

*

Бросили пушки, ружья, снаряды,
 Чая спасенье въ бѣгствѣ, найтить;
 Всѣми корыстями жертвовать рады,

Только бѣ уйтить.

Ай Донцы

Молодцы!

*

Но не успѣли, какъ ни хитрили:
 Вранъ кровожадный палъ при Орлѣ;
 Славу и кости всѣ положили
 Въ Русской землѣ.

Ай Донцы

Молодцы!

*

Такъ разрушенъ замыслъ крамольный,
 Такъ ужасный врагъ, истребленъ;
 Такъ православный, первопрестольный

Градъ свободенъ.

Ай Донцы

Молодцы!

*

Богу силъ горнихъ благодаренье!
 Честь и спасибо мудрымъ Вождямъ!
 Слава МОИАРХУ, Царству спасенье,

Лавры Донцамъ!

Ай Донцы

Молодцы! (*)

П. Шатовъ.

(*) Эта пѣснь переведена на нѣмецкій языкъ Крамеромъ и пѣта въ Германіи.

ПѢСНЬ

РАТНИКОВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ

Не труба трубить звонка зюлата,
 Какъ возговорить православный Царь:
 Охъ вы Русскіе добрые молодцы!
 Вы сѣдлайте всѣ ретивыхъ коней,
 Надѣвайте вы сабли вострыя,
 Что идетъ злодѣй на святую Русь.
 Есть ли Минины и Пожарскіе?
 Намъ тогда снимать нашъ булатный мечъ,
 Когда выгонимъ врага лютаго,
 Врага лютаго, кровожаднаго.
 Лишь успѣлъ нашъ Царь слово вымолвить,
 Не рѣка течеть, не волна шумить,
 То народъ къ нему весь стекается.

„Охъ ты батюшка, православный Царь!
 Есть и Минины и Пожарскіе.
 Ты бери у насъ злато, серебро,
 Ты и насъ возьми во ряды свои;
 Наши дѣды какъ шли за родину,
 Такъ и мы теперь за Тебя идемъ.
 Рады головы за Тебя нести.
 Мы тогда снимемъ нашъ булатный мечъ,
 Когда выгонимъ врага лютаго,
 Врага лютаго, кровожаднаго.
 Ты Отецъ будешь сиротамъ по насъ.*
 Не расти травѣ на Невѣ рѣкѣ,
 Не владѣть чужимъ землей Русскою!
 Наши Русскіе дѣти барскіе,
 Наши въ Питерѣ веселилися.
 Всѣ бѣгутъ они встать дружинами;

Имъ забавушки опостылили.
 Намъ работушки ужъ на умъ нейдутъ,
 Жены, дѣтушки не удержатъ насъ:
 Покидаемъ все, сами въ строй спѣшимъ.
 Не орлы летятъ по небесью,
 То дружинушки идутъ къ Полоцку.
 Какъ встрѣчаетъ насъ витязь Витгенштейнъ:

„Удалые вы добры молодцы!
 Мы послужимъ—те Царю бѣлому!
 Не дадимъ врагу поругаться намъ.“

„Славный витязь нашъ, храбрый Витгенштейнъ!
 Прикажи ты намъ за собой идти!
 За тобою всякъ и въ огонь готовъ!“
 Засвистѣли вдругъ ядра смертныя,
 Застонала вся мать сыра земля,
 Засверкалъ огнемъ нашъ граненый штыкъ;
 Мы дралися тутъ три дни, три ночи;
 Съ нами вмѣстѣ шелъ Сенаторъ отецъ,
 Впереди у насъ всѣ начальники;
 И вскочили мы въ стѣны Полоцка,
 И стремглавъ злодѣй побѣжалъ отъ насъ.
 Не свѣтлѣй свѣтитъ солнце красное,
 А громчѣй гремитъ слава Русская.

„Ты бѣги, бѣги, нашъ злодѣй, отъ насъ!
 Не дадимъ тебѣ поругаться намъ.
 Ты взгляни, взгляни на солдатъ своихъ:
 Между реберъ ихъ ужъ трава растетъ.
 Мы прогонимъ васъ и съ чужихъ земель;
 Вы узнаете, что мы Русскіе,
 Что мы Русскіе православные.“

М. Щулепниковъ.

Наполеоновъ бостонъ.

Наполеонъ, открывъ любимый свой *бостонъ*,
Обетилъ всѣхъ почти, а самъ взошелъ на тронъ.
 Но *львою* схватясь за Царскій скиптръ рукою,
 Онъ принужденъ держать *колоду картъ* другою,
 Чтобъ тѣмъ финансы всѣхъ къ своимъ рукамъ прибрать,
 И славу *игрока* потомкамъ передать.
 Чтобъ всѣхъ *обечивать*, брать *взятки* безъ расчёту,
 Вотъ правило *игры*, извѣстной нынѣ свѣту!

Съ начала *игранъ* былъ въ Египтѣ сей *бостонъ*,
 Въ которомъ рисковалъ чрезчуръ *Наполеонъ*.
 Играя *гранъ-мизеръ*, онъ ставилъ *бетъ* за *бетомъ*,
 И чуть *игру* свою не кончилъ тутъ *расчетомъ*.
 Но видя предъ собой ужасной бездны край,
 Онъ Небо промѣнялъ на Магометовъ рай;
 Началъ неправильно брать на *ренонсахъ призы*,
 И средствомъ симъ успѣлъ сыграть свои *ремизы*.

Потомъ въ Италіи великой сей *игрокъ*
 Игралъ, какъ и вездѣ; на деньги, на *мълокъ*.
 Но болѣе всего, надѣясь на *скоры*,
Мастъ въ руку подбиралъ и свашивалъ *фигуры*;
 А наконецъ уже открылъ и *Короля*,
 Чтобъ *призою* ему досталася земля.

Въ Германіи ему *игру* всѣ уступали,
 Въ *простыхъ* и безъ *онеръ бостона* играть давали:
 Ну, словомъ, тутъ ему *вистъ* совершенной былъ,
 И не смотря на то, онъ *игрокомъ* прослылъ;
 Однако скрыть того никакъ не могъ предъ свѣтомъ,
 Что *призы* бралъ онъ тамъ и *дамой* и *валетомъ*.

Въ Испаніи всегда несчастливо игралъ,
 За тѣмъ, что въ сей землѣ никто не *вистовалъ*.

Хоть *Короля* поддѣль, хоть сдѣлалъ новы *скоры*,
 Но *масти* разошлись, и разошлись *фигуры*;
Худой бостонъ, какъ нѣтъ ни *масти*, ни *фигуръ*,
 Сто *бетовъ* можно тупѣ въ одинъ поставить *туръ*.
 Вотъ отъ чего *игра* надолго завязалась,
 И трудно вѣрить, чтобъ безъ *бетовъ* разыгралась.

А въ Римѣ съ Папою безъ риска, безъ хлопотъ,
Наполеонъ сыгралъ двѣнадцать и шапо;
 Но щастливо игралъ и Папа въ *первы туръ*,
 Какъ въ руки шли къ нему и *масти* и *фигуры*.

Наполеонъ, возмнивъ, что онъ большой *игрокъ*,
 Пошелъ на Русь играть, взялъ *карты* и *мѣлокъ*,
 Но *коренной Русакъ*, всегда въ *скорахъ* игравшій,
 Надѣлалъ чудеса, *колоду* въ руки взявши;
 Другой *Русакъ* подвелъ, воспользуясь *рукой*,
Наполеоновы фигуры подъ *убой*;
 А третьему изъ нихъ тогда *досгался въ призы*.
Наполеоновы и *марки* и *ремизы*,
 И такъ ввели въ Русь *Наполеоны* въ *бетъ*,
 Что нынѣ и всегда дивиться *будетъ свѣтъ*;
 Но какъ *Наполеонъ* въ *игръ* сей *расчитался*:
 То ужасъ всѣхъ объялъ!—онъ голъ, какъ перстъ, остался.
 Тутъ проигралъ онъ все: *казну*, *людей*, *багажъ*,
Фурлетовъ, *лошадей* и весь свой *экипажъ*.
 Герои Русскіе въ *игръ* сей знаменитой
 Заставили его играть *мизеръ открытой*.
 Пришлось теперь ему не *скиптръ* держать, а *хлысть*.
 И не надѣяться впередъ на *Русскій вистъ*.

Яковъ Пожарскій.

Акростихъ.

Перона злобиѣ, Калигулы гнусиѣ,
 Атиллу лютостью, коварствомъ превзошелъ;
 Пилъ кровь, ругался всѣмъ, что въ мірѣ есть святѣ;
 Ограбивъ свой народъ, чужими завладѣлъ.
 Лія коварства ядъ, союзы расторгая,
 Европу въ дику степь хотѣлъ преобразить;
 Отличенъ звѣрствомъ былъ, въ вѣкахъ блистать мечтая:
 Но что всего страннѣй—мнилъ Росовъ покорить!..

Н. И. Писаревъ.

Надпись

КОРОНОВАВШЕМУСЯ ЖЕЛѢЗНОЙ КОРОНОЮ (*).

Въ желѣзномъ ты вѣнцѣ, съ желѣзною державой,
 Желѣзомъ ты творишь изъ подданныхъ рабовъ;
 Желѣзной обольстятъ губительною славой,
 Свободу, правоту считаешь за враговъ;
 Въ желѣзномъ сердцѣ ты весь свѣтъ определяешь
 Носить желѣзныя оковы, на рукахъ;
 Желѣзомъ ты свой вѣкъ желѣзный сохраняешь,
 Желѣзомъ будешь ты превращенъ во прахъ!

(*) Желѣзная корона (La couronne de fer) есть та самая, которою иѣкогда короновался Шарлемань. Сія корона, будучи отыскана,—вѣроятно между старымъ, заржавленнымъ желѣзомъ, увѣнчала голову бывшаго правителя Французовъ въ день его, такъ называемой коронаціи, и овъ, по пристрастію своему къ желѣзу, учредилъ *ордена Желѣзной короны*.

Совѣтъ Русскаго Французамъ.

НАРОДНАЯ ПѢСНЬ.

Чул... и къ намъ ужь налетѣла
 Иноземна саранча!
 Иль отвѣдать захотѣла
 Богатырскаго плеча?
 Чорной гадъ на Русь Святую
 Наглу лапу протянулъ:
 Вотъ затѣялъ мысль шальную,
 Будто лишнее хлебнулъ.

*

На страну ты благодатну
 Зубы волчьи наострилъ!
 Иль забылъ ты, грудь, булатну,
 Ихъ объ кою иступилъ?
 Иль забылъ, что Воевода
 Русскихъ воиновъ—самъ Богъ?
 Что рукой Его народа
 Онъ сотретъ продерзкихъ рогъ?

*

Иль забылъ, что нами править
 Царь-Надежа Александръ?
 Что въ сердцахъ у насъ пылаеть
 Вѣрности къ Монарху жаръ?
 Онъ Отецъ—Его мы дѣти;
 Онъ нашъ щить—Его мы мечъ:
 Трудно-ль вражьи ковы, сѣти
 Намъ, какъ мягкой пухъ рассѣчь?

*

Съ нашей матушкой Москвою
 Оглядайся, да шути:
 Къ намъ пришедши съ головою,
 Не утащитъ и пята.

Русской рукъ не пожалѣть:
 Такъ те хватить по горбу;
 Инда свѣтъ затуманѣть,
 Будь хоть семь пядей во лбу.

Кожи, рожи не оставить,
 Кости, какъ въ мѣшкѣ стряхнетъ;
 Словно гадину раздавить,
 Иль, какъ луковку, сожметъ:
 Небо съжмется въ овцицу,
 Искры вылетятъ изъ глазъ,
 Коль Русакъ, взмахнувъ дубину,
 Треуха тебѣ задастъ;

*

Войски ваши всѣ размечетъ,
 Махомъ сто головъ снесетъ,
 Съ грязью, съ пылью всѣхъ васъ смѣситъ,
 И какъ щипки покладетъ;
 Трупы ваши разбросаетъ
 Въ чистомъ полѣ, будто соръ!
 Нечестивцевъ—Богъ караетъ.
 Всему свѣту на позоръ!

*

Такъ послушайся—жъ совѣту:
 Сломя—голову бѣги;
 А чтобъ не было въ примѣту,
 Кучу глупостей налги.
 Зло оставь—твори благое,
 И Европы не тряси;
 Помни времячко худое.
 Какъ бывалъ ты на Руси.

Завѣщаніе Н. Бонапартѣ.

Предчувствуя мою кончину,
 Законнымъ Королямъ я уступаю тронъ,
 Чтобы изъ милости производили сыну
 Хотя сиротской пенсіонъ.
 Отъ братьевъ не видаль я никакой заслуги.
 Пускай живутъ ихъ, чѣмъ хотятъ,
 Пускай изъ Королей пойдутъ они хоть въ слуги;
 Сестеръ же въ госпиталь подъ старость помѣстятъ.
 Остатки гвардіи и войска распускаю,
 И благодарность имъ мою
 За службы, раны ихъ и голодь объявляю,
 Но жалованья не даю:
 Гдѣ взять его, когда я сдѣлался банкротомъ?
 Всѣ знаютъ, что война была безъ барыша,
 (Обмануть жестоко я *Коленкурма* плутомъ!)
 Вся собственность моя теперь: одна душа,
Одинъ мой только геній!
 Отказываю ихъ я *Князю-Сатань*,
 Который сочинялъ со мною бюллетени,
 И помогаль во многомъ мнѣ.
 Предъ смертію своей прошу у всѣхъ прощенья,
 Не требую себѣ богатыхъ похоронъ;
 Я даже обойтись могу безъ погребенья;
 Прощайте; помните, что *былъ Наполеонъ!*

Конецъ.

